

№6

Июнь 2011

ТУСЕСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Сны о Грузии

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Кандаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№6
(68)
Июнь 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПРОГРАММА V МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО- ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ «СНЫ О ГРУЗИИ»	6
	ПРИВЕТСТВИЯ ПАТРИАРХОВ	8
	ДОЛГАЯ ДОРОГА НА ПАРНАС	9
	ПОЭТ НА ТЕАТРАЛЬНОМ БЕРЕГУ	12
	«ПОЭЗИЯ – ЭТО ШЕПОТ...»	16
	В ПОИСКАХ СИНЕЙ ЗВЕЗДНОЙ ДУШИ	18
	ПОЭТ ЮРЧЕНКО РАССЛЫШАЛ ПОЭТА ПАСТЕРНАКА	21
РУССКИЙ МИР	«ПУШКИН – ВОЗДУХ, КОТОРЫМ МЫ ДЫШИМ...»	23
О, СПОРТ!	ВРАТАРЬ НА МЕСТЕ!	28
ДАТА	ЛЮДИ XXV ВЕКА	32
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ВЫСОТА	36
ГАСТРОЛИ	НА БЕРЕГАХ НЕВЫ	38
ПЕРЕВОДИМ	«С»	40
НАСЛЕДИЕ	ДУХОВНАЯ ЭМИГРАЦИЯ МЕРИМЕ	46
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	«В НАШЕМ НАРОДЕ ЕСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИДЕРСТВА»	48
ПРЕМЬЕРА	АХ, ЭТОТ АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК!	51
ЗНАЙ НАШИХ!	НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ...	53

На обложке - Фонтан с 3D анимацией в новом парке на Рике.
Фото Александра СВАТИКОВА

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанюдзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полканина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

от а до

1 июня - **Международный день защиты детей.** Он был учрежден в 1949 году на московской сессии Международной демократической федерации женщин. Этот праздник признан более чем в 40 странах мира;

5 июня – по решению ООН с 1972 года - **Всемирный день окружающей среды;**

6 июня – **Пушкинский день России.** Учрежден указом Президента Российской Федерации в 1997 году и празднуется в день рождения великого русского поэта А.С.Пушкина.

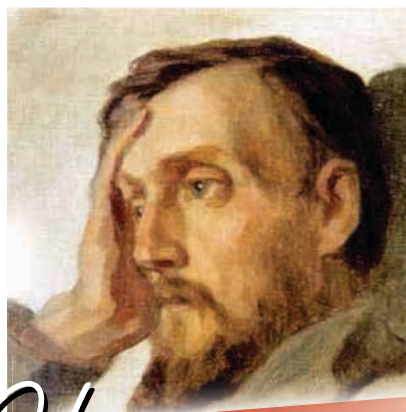
12 июня – **День России.** Национальный праздник дня первых выборов Президента Российской Федерации.

ВЕЛИКИЙ ДИЛЕТАНТ

340 лет тому назад, 8 июня 1671 года в Венеции родился композитор Томазо Джованни Альбиниони. О его жизни осталось мало свидетельств, хотя это очень удивительно – он происходил из зажиточной патрицианской семьи, владевшей крупнейшим в Венеции торговым домом и кучей его заморских филиалов. Вот о деятельности этого торгового дома материалов у историков более чем достаточно, а о создателе бессмертного адажио, которое все

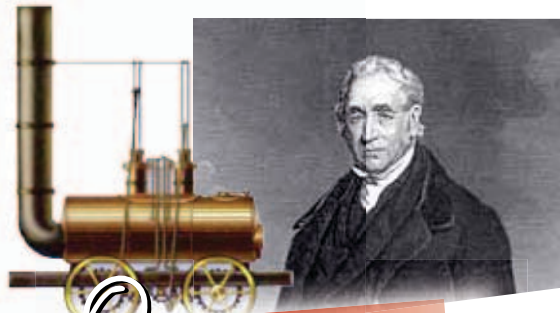
бывшие советские граждане помнят наизусть, ибо под него хоронили решительно всех генеральных секретарей, сведений почему-то нет. А вот почему! В отличие от своих современников – Вивальди, Карелли, Скарлатти и даже самого Иоганна Себастьяна Баха – Альбиниони не был профессиональным композитором. Хотя и очень хотел. Хотел настолько, что буквально засыпал издателей музыкальных произведений своими партитурами и клавирами. Он сочинял инструментальную музыку, сочинял церковные мессы, написал почти пятьдесят опер, из которых около двадцати были поставлены. Он без конца посвящал свои опусы сильным мира сего. Но отчего-то все воспринимали это томление авторской души как дурь и блажь богатого наследника, общепризнанного «мажора» того времени. А несчастный мессир Томазо проклинал судьбу и сетовал на свое богатство, как на источник всех бед. В итоге над ним сжалились и сделали директором оперного театра, но в Мюнхене, а не на родине. Ну, не признавали его избалованные венецианцы! Они, очевидно, считали, что гений непременно должен быть голодным, испытывать нужду и страдать. В истории он остался как автор изумительных инструментальных концертов для гобоя. Сам Бах написал две фуги на темы Альбиниони. Что же касается бессмертного адажио, то с ним вышла заковырка – от него остался только куций черновик, даже просто фрагмент, и музыку, уже в 20-м веке, восстановил, а скорее, попросту... заново сочинил музыкальный историк Джадзотто.

НИСТИВЫЙ ВИССАРИОН

Ровно 200 лет назад, 11 июня 1811 года, в семье флотского врача в финском городе Свеаборге родился Виссарион Григорьевич Белинский. Из школьной программы он известен всем нам как выдающийся критик и философ-материалист.

Насчет материализма советские историографы явно погорячились, но некоторые атеистические нотки в его высказываниях действительно имели место. Впрочем, это была интеллектуальная мода тех времен. Напомним, что это были темные, мрачные и безрадостные годы. Правил царь Николай I, известный своим консерватизмом. Вольнодумцем Виссарион Григорьевич прослыл еще будучи студентом московского университета – он примкнул к кружке блестящих, зубастых и прогрессивно настроенных молодых людей: Герцена, Огарева, Станкевича, Корша... Жил он бедно и находил хлеб насущный, работая критиком сразу в нескольких журналах. Он отличался редкостной трудоспособностью, да и как иначе, если в день надо было рецензировать от двух до трех десятков книг, от художественной литературы до кулинарных рецептов. Когда он только успел написать свои замечательные статьи о Лермонтове, Пушкине, Державине, Полежаеве и остальных – совершенно непонятно. Но изматывающая работа не прошла для него бесследно – в 37 лет Виссарион Белинский скончался в Петербурге от чахотки.

ОТЕЦ ПАРОВОЗА

9 июня 1781 года, 230 лет назад, в Англии родился Джордж Стефенсон. В детстве он жил в районе угольных шахт в небогатой семье. Работать начал рано – в 8 лет. Читать и писать научился сам, и только к 18 годам. Руководство шахты сделало его сначала помощником машиниста паровой машины, после – мастером по ремонту. И вот тогда молодому механику-самородку пришла в голову мысль приспособить паровую машину для угольных тележек. Толкать их вручную – это было самым настоящим каторжным трудом. Так был изобретен прототип паровоза. Стефенсон прославился как изобретатель, и уже в 1823 году основал первый в мире паровозный завод. Через два года, на открытии железнодорожной линии, Стефенсон сам управлял составом, преодолевшим путь аж в 15 км за каких-то два часа.

МУЗЕЮ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» 90 ЛЕТ

После смерти Льва Николаевича Толстого все, к чему он прикасался, дороги, по которым он ходил, и дома, в которых он жил, приобрели особое значение для ценителей русской словесности. Его вдова, Софья Андреевна, обратилась к государю-императору Николаю II с целой программой из сорока пунктов по увековечению памяти великого старца. В этом документе, в частности, содержалось предложение объявить усадьбу «Ясная Поляна», где Толстой прожил почти 60 лет, памятником национального значения. Там должны были быть сохранены кабинет, книги, личные вещи писателя. Царь вежливо отказал. Но назначил вдове приличную пенсию, в том числе и на содержание усадьбы. Музей же «Ясную Поляну» сделали большевики. Вскоро ее передали в ведение Академии наук и постепенно превратили в научно-исследовательский центр изучения наследия Льва Толстого. В войну «Ясная Поляна» пострадала, хотя занявший ее немецкий генерал Гудериан и пытался сохранить от пожара и разграбления. В 50-е гг. усадьба была восстановлена, и сейчас принимает в год по несколько десятков тысяч посетителей из разных стран.

ПРАВЕДНИК СО СКАЛЬПЕЛЕМ В РУКЕ

Не переведутся праведники на земле русской, так гласит народная пословица. 11 июня отмечается 50 лет со дня смерти в Симферополе выдающегося хирурга и духовного писателя, архиепископа Луки, или, как его называли в миру, Валентина Феликсовича Воино-Ясенецкого.

Он был поляком из обедневшего шляхетского рода. После окончания гимназии и художественных училищ на Украине и в Мюнхене увлекся толстовством. В 1898 году был зачислен на медицинский факультет Киевского университета, и стал земским врачом. А затем и главным врачом ташкентской Городской больницы и профессором среднеазиатского Государственного Университета. В начале 20-х гг. постригся в монахи, избрав себе имя евангелиста Луки, который, как известно, тоже был врачом. Воино-Ясенецкий был гениальным хирургом. Сохранилось воспоминание современников о том, как он на спор разрезал книгу скальпелем от обложки и точно до указанной страницы. Следующей страницы его лезвие даже не коснулось. Валентин Феликсович или отец Лука каким-то образом сумел совместить врачебную деятельность со службой на церковном поприще, что было весьма небезопасно в советской России. Его неоднократно арестовывали как священника, но неизменно отпускали как врача. Очевидно, что медицинский талант спас ему жизнь. Позднее он был рукоположен в епископы. А однажды состоялась знаменательная встреча – Воино-Ясенецкий был представлен самому Иосифу Сталину. И у них состоялся весьма примечательный разговор. «Ты знаешь, - сказал Вождь народов, - я тоже чуть не стал попом. Но хочу спросить у тебя, хирург, одну вещь. Ты делал много операций. Ты когда-нибудь видел человеческую душу?» На что отец Лука ответил: «я много раз вскрывал черепную коробку, но ни разу не видел ума, хотя мы все знаем, что он есть». Вождь народов грустно рассмеялся и хлопнул его по плечу.

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА ...

70 лет назад началась самая страшная и самая великая война в российской истории. 22 июня 1941 г. без объявления войны германские войска вторглись в пределы советского Союза. Враг дошел

до Волги и Кавказа. Под его пятой пылали города и села России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Прибалтики, северо-кавказских республик... Погибло более двадцати семи миллионов человек. Плечом к плечу сражались русские, украинцы, грузины, азербайджанцы, евреи, татары, жители Средней Азии – словом, весь советский народ, тогда еще единый. До победы было долгих четыре года. С 6 июня 1996 года 22 июня отмечается, как день Памяти и Скорби в честь защитников Отечества и начала Великой Отечественной войны.

«... В ПАМЯТИ ЮРОДИВОЙ МЫ ВОЗВОДИЛИ ХРАМ ...»

450 лет назад, 29 июня 1561 г., в Москве на Красной площади было завершено строительство Покровского собора, известного также как храм Василия Блаженного. Эта визитная карточка города, помещенная на всех открытках, строилась по современным меркам очень быстро – всего за 5 лет. Вместо временных деревянных часовенок, посвященных взятию Казани и каменной церкви Троицы, царь Иван Грозный повелел построить каменный девятипрестольный храм. То есть, в состав собора вошли 8 отдельных церквей, символизирующих 8 дней главных боев за Казань. Все эти престолы увенчаны своими куполами. Потому их и так много. Причудливая архитектура этого шедевра пленяла и пленяет по сей день всех иностранцев, а русские люди почему-то воспринимают его совершенно нормальным – ох уж эта загадочная русская душа! Как писал в своих «Мастерах» Андрей Вознесенский: «Здесь купола кокосы и тыквы купола, и бюрюза кокошников окошки оплела». Сохранилось упоминание имен архитекторов Покровского собора – Барма и Постник, по легенде ослепленных жестоким царем, дабы они не могли воспроизвести столь же прекрасное сооружение. Но, во-первых, некоторые историки считают, что это был один человек – Барма Постник. И уж точно, одного или двоих, никто зодчих не ослеплял. Это злодейство Ивану Грозному приписали зря.

Роб АВАДЯЕВ

ФЕСТИВАЛЬ

7 ИЮНЯ, ВТОРНИК

- 10.00. Экскурсия по Батуми с посещением Батумского дельфинария и крепости Гони (I век н.э.). Концерт детских коллективов народного танца.
- 18.00. Батумский государственный драматический театр имени И.Чавчавадзе. Торжественное открытие фестиваля.
- 22.00. Ресторан «Меграли лазури». Торжественный прием от имени Международной федерации русскоязычных писателей.

10 ИЮНЯ, ПЯТНИЦА

- 16.00. Конференц-зал «Бетлеми». Поэтический семинар поэта Юрия Рашенцева «Поэзия в театре и кино».
- 20.00. Вечер авторской песни с участием Юрия Кима, Александра Городничего, Манычи Менабде.

ПРОГРАММА
V МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ
«СНЫ О ГРУЗИИ»

ПРОГРАММА
V МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ
«СНЫ О ГРУЗИИ»

ПРОГРАММА V МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ «СНЫ О ГРУЗИИ»

6 июня, понедельник

Прибытие в Батуми.
Размещение в гостинице «Интурист»
(www.intouristpalace.com).

7 июня, вторник

10.00. Экскурсия по Батуми с посещением Батумского дельфинария и крепости Гони (I век н.э.). Концерт детских коллективов народного танца.
18.00. Батумский государственный драматический театр им.И.Чавчавадзе. Торжественное открытие фестиваля.
22.00. Ресторан «Меграли лазури». Торжественный

прием от имени Международной федерации русскоязычных писателей.

8 июня, среда

11.00. Конференц-зал «Бетлеми». Встреча-презентация «МФРП – вчера, сегодня, завтра. К пятилетию Международной федерации русскоязычных писателей». Ведущий – Олег Воловик, президент МФРП. 18.00. Батумский государственный драматический театр им.И.Чавчавадзе. Выступления участников фестиваля.

9 июня, четверг

11.00. Конференц-зал «Бетлеми». Круглый стол «Поэзия прежде всего?..» Ведущий – главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин. 17.00. Встреча с общественностью г. Поти.

10 июня, пятница

16.00. Конференц-зал «Бетлеми». Поэтический семинар поэта Юрия Ряшенцева «Поэзия в театре и кино». 20.00. Вечер авторской песни с участием Юлия Кима, Александра Городницкого, Мананы Менабде.

11 июня, суббота

09.00. Отъезд в Цхалтубо. Посещение пещер Прометея. Прибытие в древнюю столицу Грузии Мцхета, осмотр монастыря Джвари (VI в.н.э.) и кафедрального собора Светицховели. Прибытие в Тбилиси. Размещение в гостинице «Holiday Inn» (www.hi-tbilisi.com)

12 июня, воскресенье

10.00. Экскурсия по Тбилиси. Посещение дегустационного зала «Киндзмараулис марани». 17.00. Тбилисский государственный академический русский драматический театр им.А.С.Грибоедова. Большой зал. Выступления участников фестиваля. 21.00. Прием от имени АО «Давид Сараджишвили и Энисели».

13 июня, понедельник

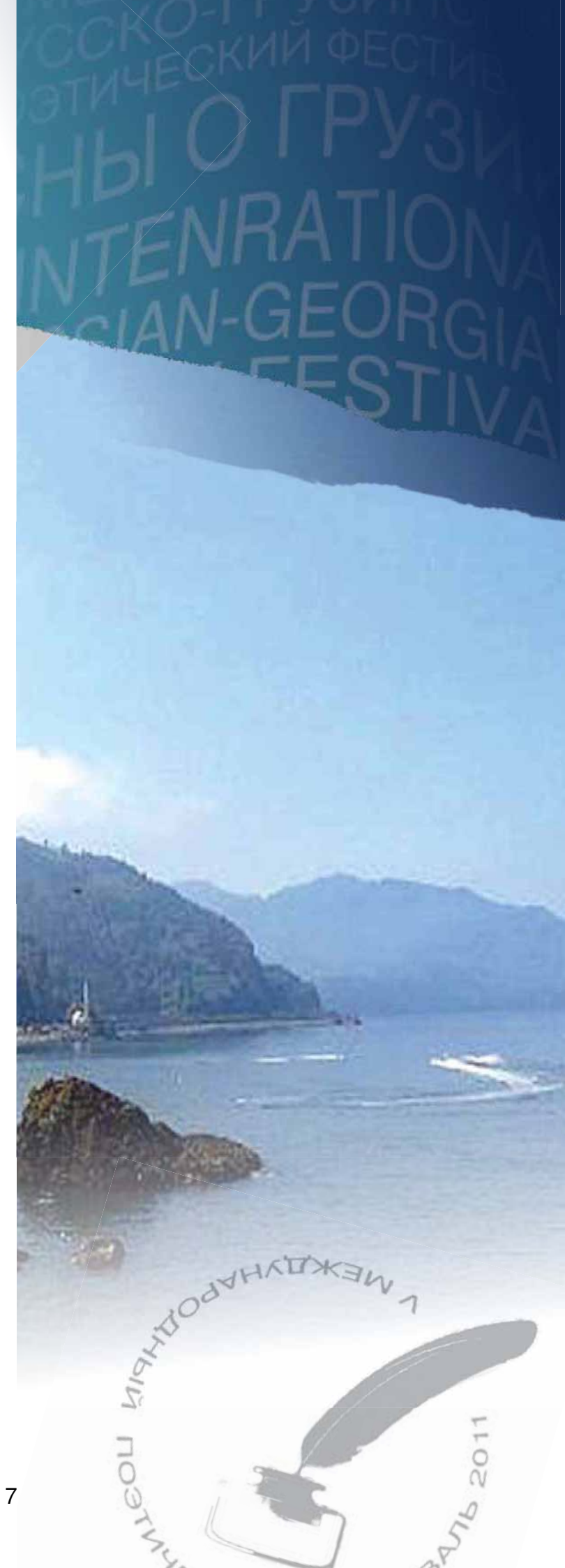
11.00. Конференц-зал гостиницы «Holiday Inn». К 70-летию начала Великой Отечественной войны – презентация сборника художественно-документальных рассказов «22 июня». 17.00. Встреча с общественностью г. Рустави. 18.00. Тбилисский государственный академический русский драматический театр им.А.С.Грибоедова. Большой зал. Вечер русскоязычных литераторов Грузии «На берегах Куры...» Награждение лауреатов Конкурса молодых литераторов.

14 июня, вторник

16.00 Тбилисский международный пресс-центр РИА-Новости. Пресс-конференция участников фестиваля. 18.00. Центр духовного и интеллектуального развития молодежи Святой Троицы при Патриархии Грузии. Аудиенция у Католикоса-Патриарха всея Грузии, Архиепископа Мцхета-Тбилиси, Митрополита Пицунды и Цхум-Абхазии, Святейшего и Блаженнейшего Илии Второго. Русско-грузинские поэтические чтения. 21.00. Прием от имени МКПС «Русский клуб». Ресторан «Картули сахли».

15 июня, среда

Отъезд.

УЧАСТНИКАМ V МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ «СНЫ О ГРУЗИИ»

От имени Грузинской Православной Церкви и от себя лично сердечно приветствуем всех участников, гостей и организаторов поэтического фестиваля!

С помощью Божьей на протяжении этих лет фестиваль являлся мостом для диалога наших культур и служил миру и любви между нашими странами.

Необходимо отметить, что поэтические встречи проводились в тот период, когда между Россией и Грузией сложилась напряженная ситуация. Воистину искусство не имеет границ, и фестивали это подтвердили.

Просим Бога о восстановлении мирных и добрых взаимоотношений между нашими государствами, основанных на исторической справедливости, и сердечно благословляем всех, кто на протяжении пяти лет принимал участие в этих мероприятиях.

КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ ВСЕЯ ГРУЗИИ,
АРХИЕПИСКОП МЦХЕТСКИЙ И ТБИЛИССКИЙ,
МИТРОПОЛИТ ПИЦУНДСКИЙ
И ЦХУМ-АБХАЗСКИЙ

ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
V МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ «СНЫ О ГРУЗИИ»

Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую поэтов, литераторов и всех гостей V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

Святые отцы Церкви облакали самое высокое богословие в стихотворную форму, а величайшие из поэтов воздавали в своих произведениях хвалу Создателю, восхищаясь Его творением. Душа человеческая всегда стремилась воплотить в слове доброе, прекрасное и вечное, и поэзия, наиболее полно из всех видов искусства раскрывающая возможности языка, дает мастеру множество средств для выражения самых тонких оттенков чувств и переживаний.

Великие русская и грузинская культуры, неизменно согласные в своей любви к человеческому слову и в благоговейном служении Слову Божьему, подарили мировой литературе целую плеяду замечательных поэтов и художников мысли. Ныне уже вам, потомкам Пушкина и Руставели, Лермонтова и Бараташвили, предстоит достойно продолжить эти славные традиции. Объединенные верой Христовой, наши народы связывают крепкие узы духовного братства, которые не смогут поколебать никакие невзгоды, тревожения и испытания, ибо нет более прочного основания для дружбы, чем общность молитвы и любви к истинно прекрасному. Убежден, что именно в этом единстве духа - наша подлинная история и наше будущее.

Призывая на всех вас Божие благословение, желаю участникам и гостям фестиваля крепости сил и дальнейших успешных творческих свершений.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ДОЛГАЯ ДОРОГА НА ПАРНАС

Покровитель путников, дорог и дверей древнеримский бог Янус был, как известно, двулик. Нисколько не обожествляя моего сегодняшнего собеседника журналиста, писателя и общественного деятеля Олега Воловика, замечу, однако, что по числу своих «ипостасей» он вполне может дать Янусу фору.

15-й год живущий в Будапеште уроженец Ташкента Олег Евгеньевич Воловик успешно совмещает обязанности президента и председателя правления Международной федерации русскоязычных писателей, президента Фонда гражданского сотрудничества, культурного и духовного наследия (Будапешт) и председателя правления московского Международного общественного фонда «Мир без войны». Наряду с этим он является директором и главным редактором будапештского издательства «Интерпрессфакт», спецкором иерусалимского информагентства «Экспресс-инфо» в странах Центральной Европы, а также автором и руководителем издательского проекта «Династия и традиции».

Книги Олега Воловика (а их у него с десяток), в том числе и вошедшие в основанные им серии «Российские корни в Европе» и «Православные Патриархи», предваряли предисловия, написанные премьер-министром Венгрии Петером Медьешем, министром культуры Венгрии, профессором Андрашем Бозоки, Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, эрцгерцогом Михаэлем фон Габсбургом Лотарингским и праправнуком российского императора Николая I, князем Димитрием Романовичем Романовым.

Услышав от своего друга и коллеги о столь неординарной личности, как Олег Воловик, я загорелся желанием сделать с ним интервью. «Только запасись терпением, - предупредил меня друг, знающий Воловика с юности. – Олег – человек непоседливый. То в этнографическую экспедицию поедет, то в среднеазиатские или ближневосточные «горячие точки» махнет. А в последние года два летает по миру, устанавливая в разных странах памятники Пушкину».

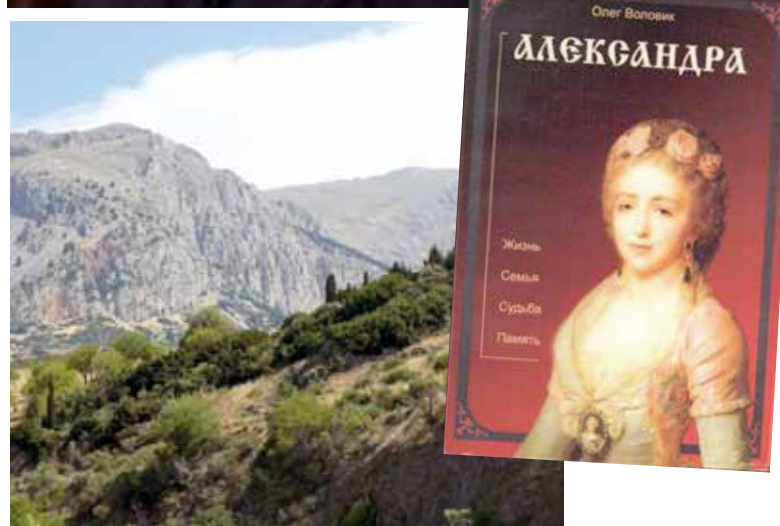
Он что, еще и скульптор? – удивляюсь я.

Нет, - смеется друг, - но займись он валянием, то уверен, что и с этим, как и со всем, за что он берется, Олег бы справился с блеском.

В век Интернета установить виртуальный контакт с Олегом Евгеньевичем оказалось делом нескольких дней. И вот мы уже с ним беседуем. Начал я с темы памятников Пушкину: что это за программа? в чем ее идея? как и на какие средства она реализуется? Но полученные ответы порождали все новые вопросы, и сложившаяся в итоге «мозаика» приобрела очертания

Олег Воловик

главного детища Воловика – Международной федерации русскоязычных писателей (МФРП), которая в нынешнем году будет отмечать свое пятилетие.

- Как возникла у вас идея создания Федерации, какие цели вы при этом ставили? – спрашиваю Олега Евгеньевича.

– Ну а как возникают идеи? – смеется он. – Помните, как говорил в знаменитой мюзикомедии Григория Александрова «Весна» «научный консультант» Института солнца Василий Григорьевич Бубенцов: «Сел, задумался, открыл!» А если без шуток, то первые наброски будущей Федерации возникли в 2006 году в Баку, на Международном фестивале русской книги. Тогда в прекрасную столицу Азербайджана съехались более 140 литераторов из двух десятков стран. Братались, как водится; что-то декларировали. Но когда сознание от переполнявших чувств пришло наконец в норму, возникла идея объединения. Цели были вполне прозаические, хотя, чего уж там, и поэтические, а на первых порах так попросту расплывчатые. Не сразу, шаг за шагом, но все как-то определилось. Горячие конструктивные споры, обсуждения, предложения, советы поступали от неравнодушных людей отовсюду. Среди них были замечательные писатели, поэты, публицисты,

драматурги, сценаристы, издатели, литературные переводчики. Учредителями МФРП выступили девять юридических и физических лиц из шести стран – Венгрии, Германии, Грузии, Израиля, Литвы и России. Мы никого не копировали – напротив, кто-то уже пытается копировать нас. Ищем возможности строить добрые партнерские отношения, развивать совместные проекты. Избегаем споров (времени нет, да и бессмысленно), любим кого-то хвалить, продвигать – за дело, конечно. Не стремимся куда-то вступать. Стараемся спокойно, без суеты, делать то, что кажется нам интересным и полезным. Это профессиональная организация. Достойного уровня. На сегодняшний день в МФРП вместе с ассоциированными членами (литагентствами и объединениями, издательствами, типографиями, библиотеками) нас более 2 тысяч человек, из них около 700 – индивидуальные члены из 58 стран со всех пяти континентов.

- Сколько же мероприятий проведено за годы деятельности МФРП?

- Да кто ж их считал! Впрочем, самые значимые перечислены на нашем Интернет-сайте (<http://rulit.org/>). Но дело не в отдельных мероприятиях. Они, конечно, всегда хороши. Однако, как нам кажется, нужна системная, многогранная работа. В свое время мы приняли большую программу действий, именуемую «Всемирное культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык». Она состоит из ряда проектов, связанных с различными направлениями деятельности – фестивалями, литературными переводами и т.д. В рамках этой программы работает и проект «Мемориалы словесности». Его цель – укрепление международных позиций русской культуры, русского языка и литературы, создание постоянных позитивных информационных поводов о русской культуре в мировом информационном пространстве. Стирая границы подозрительности и недоверия, соединяя берега различных культур и традиций народов, МФРП устанавливает в разных странах памятники выдающимся литераторам, чье творческое наследие на русском языке является всемирным достоянием, неотъемлемой частью мировой культуры. Мы пригласили к сотрудничеству известных скульпторов из Афин и Будапешта, Екатеринбурга и Еревана, Киева и Минска, Монреаля и Москвы, Санкт-Петербурга и Таллинна. Детально проработали художественно-производственную базу для создания разных по размерам и стоимости горельефов, бюстов и памятников из бронзы, чугуна, мрамора, гранита и полимеров. Проект получил благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, одобрен Администрацией Президента России, МИДом и Минкультуры РФ. В церемониях открытия памятников принимают участие руководители государств, главы диппредставительств, видные деятели искусства и культуры, представители общественных организаций. В последние два года мы установили и торжественно открыли пять памятников А.С. Пушкину. Причем два из них одновременно: один – перед зданием Государственного института русского языка им. Пушкина в Москве, другой – в усадьбе Гончаровых в поселке Ярополец Московской области. Потом в Венгрии, в городе Дендешь, что в 90 км от Будапешта, у главного входа в институт им. Роберта Кароли, затем в Панаме – в крупнейшем в Латинской Америке Национальном университете этой чудесной страны. И в Македонии, в городе Скопье.

- С какими трудностями вы при этом сталкиваетесь?

На презентации

Официальная встреча

- С самыми разнообразными. Поверьте, это очень непростое дело – поставить памятник в чужой, каждый раз новой стране. Переписка, поездки, переговоры, получение разрешений местных властей, архитектурные и прочие согласования. Затем отливка, упаковка, документы на вывоз, транспортировка, таможня туда, таможня там. Благоустройство, торжество открытия, культурная программа... Словом, есть работа. Решаем как-то. Безвозмездного, увы, ничего нет. Все за деньги. Откуда деньги? Ищем. Возник уже круг спонсоров. Есть доверие, но и строгая отчетность. Ходить по фондам, добываясь грантов, – тоже путь, но долгий и не всегда результативный. В целом же это безумно трудное и вместе с тем невероятно интересное дело. Азарт преодоления!

- Но ведь не только из-за азарта преодоления вы этим занимаетесь. Что еще вами движет?

- На каком-то мероприятии в Москве я в шутку спросил руководителя одной из расплодившихся организаций, паразитирующих на теме соотечественников: «Скажите, сколько нужно поставить памятников Пушкину в мире, чтобы получить ваш значок?» Знаете, что он мне ответил? Дословно следующее: «Ну-у-у, Олег Евгеньевич, вы же эти памятники ставите для собственного удовольствия». Из чего я понял: не видать мне значка! А если серьезно, то ведь это здорово – создавать острова русской культуры! Как-то мне сказали: «Наконец у нас появилось место, куда обязательно направляются все свадебные кортежи, чтобы возложить цветы!» Дорогого стоит такое признание.

- Где и когда будет установлен очередной памятник?

- В Греции, в Дельфах, на склоне горы Парнас! Очень надеюсь, что это произойдет уже в нынешнем году. Идут хорошие наработки и по целому ряду других стран. В США, например, планируем поставить памятники и Пушкину, и Достоевскому. В Колумбии – Льву Толстому, в Румынии – Есенину.

- На Парнасе будет стоять тот самый памятник, что предполагалось установить в Тарту – городе, в университете которого в советские времена работал Юрий Михайлович Лотман – создатель блестящей школы изучения русской классической литературы?

- Он самый. Общественность Тарту хотела его установки еще на 200-летие со дня рождения Пушкина. Но поскольку эстонские власти не дали на то разрешения, мы его выкупили и за свой счет доставили в Грецию.

- Не иначе, припомнили Александру Сергеевичу «приют убогого чухонца», как во времена поэта называли эстонцев?

- Не исключено.

- Вы – автор ряда фундаментальных, прекрасно изданных работ, в том числе по венгеро-российским отношениям и истории царской семьи. А над чем сегодня работает писатель Олег Воловик?

- Будет книжечка. Большая. Называется она «По рельсам истории. XIX-XXI в.в. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан». Страшно интересно! Найдут там, кстати, отражение и пресловутые декреты Бенеша, и варварские изгнания венгров и судетских немцев, и много чего еще из истории последних полутора веков. Выйдет в свет, если все сложится, месяца через три. Также собран громадный архив о судьбе Рауля Валленберга. Предстоит привести его в порядок и написать – точнее, завершить книгу страниц под тысячу.

- Поддерживает ли МФРП Россия?

- Однажды нас поддержал суммой в 10 тысяч

На приеме у Илии II

долларов Московский Дом Соотечественника и его директор Ю.И.Каплун. Мы с благодарностью приняли эти средства, на которые скульптором Леонидом Ватником из Канады были изготовлены великолепный бюст А.С. Пушкина и специальная форма для тиражирования бронзовых отливок. Обычно же, если просим, официальная Россия поддерживает нас добрым словом. На торжествах по случаю открытия в той или иной стране очередного памятника или фестиваля зачитывается приветственное слово – например, министра иностранных дел РФ, Председателя Совета Федерации... Впрочем, и отказы случались. Обращались мы к мэру Москвы (в то время им был Ю.М. Лужков) с просьбой поддержать нас вполне посильными для российской столицы средствами, необходимыми для установки и торжественного открытия на Парнасе памятника Пушкину. Нам отказали со ссылкой на «режим экономии в связи с экономическим кризисом». Не разглядел в этом проекте никакого резона и возглавлявший Департамент Внешнеэкономических связей Москвы г-н Г.Л. Мурадов. А буквально в те же практически дни СМИ сообщили о выделении «на поднятие имиджа Москвы за рубежом» 225 млн. рублей, из которых 25 млн. (более 800 тыс. долларов!) шли на создание соответствующего Интернет-портала. Такие дела...

- В чем вы видите главное предназначение русского писателя, живущего за пределами России?

- Трудно однозначно ответить на этот вопрос. В истории были и есть имена и события, сообразуясь с которыми возникали и предназначения. А сегодня?.. Пожалуй, нужно стараться всячески поддерживать русскую культуру во всех ее проявлениях, поддерживать образ человека – простого россиянина, талантливого трудового многострадального российского народа, не давая отождествлять эти простые и вечные категории с отдельными одиозными персоналиями. По возможности нужно стараться ломать сложившиеся стереотипы, объяснять, отделять одно от другого (вы понимаете, что – от кого). Не злорадствовать, не злоловить, быть объективным, порядочным и честным перед собой и читателями, ответственным в творчестве, которое, если автор хорош, его, как правило, переживает. Что ж потомки-то скажут? Об этом надо думать.

Сергей ДЕБЕР

Русский Базар №70(785) 5 - 11 мая, 2011

ПОЭТ НА ТЕАТРАЛЬНОМ БЕРЕГУ

Елена Исаева

*«Живи, как пишешь, и пиши, как живешь»
К. Батюшков*

У каждого человека свой мир. А у людей творческих мир этот превращается в целую вселенную. И взгляд из этой вселенной на внешний мир тоже особый. Эти два мира в человеке не совпадают, идет непрерывная война миров. Я и он: кто я в нем? В этой нестыковке миров каждый открывает себя. Самые ошеломляющие открытия – в ранней юности. Выливается это у всех поразному. У Елены Исаевой – в слово.

Мы познакомилась с ней почти пять лет назад в Тбилиси, на первом российско-грузинском поэтическом фестивале. Непосредственная, живая активная, - не заметить ее было нельзя, хотя в показуху она не играет. Все эти годы она была неизменным участником нашего поэтического фестиваля, а в промежутках мы всегда видимся в Москве.

Мне интересны были ее авторские вечера в ЦДРИ и в Доме журналистов. Это скорее музыкально-поэтические концерты, почти спектакли – певица Ирина Сурина, джазовый ансамбль и присутствующая на сцене автор, то читающая свои стихи, то слушающая их в музыкальном варианте. Этот стык джаза и традиционной по форме поэзии дает эффект неожиданности.

Еще Лена Исаева умеет и других заразить бациллой поэзии. Потому вокруг нее целая гвардия молодых литераторов, ищущих себя в стихотворном слове. Она помогает им приоткрыть дверь в новую, неизвестную литературу. А главное, умеет настроить на волну творчества.

А волны эти куда только не заносят поэтов. Вот и саму Лену неожиданно прибили к театральному берегу. Причем, не очень обитаемому, экспериментальному – это московский Театр.doc. Маленький подвал в Трехпрудном переулке в центре Москвы стал прибежищем молодежи, жаждущей увидеть в новом театре и себя, и слепок своего времени. Потому так прижился и стал востребованным жанр документальной пьесы, ставящей вопросы социального и гражданского звучания. Героями Дока были бомжи, девочки на продажу, приезжие гастарбайтеры, солдаты, воевавшие в Чечне. Список социальных героев постоянно расширяется, примером тому и пьесы Исаевой, герои которых обычные хорошие, образованные люди, но их проблемы не менее острые.

Я видела в Театре.doc три ее пьесы: «Док.тор, или Записки провинциального врача», «Про мою маму и про меня», «Я боюсь любви». Все спектакли разные и по темам, и в постановочном плане. Первый из них «Док.тор» стал для меня открытием уникальной личности – режиссера, актера, музыканта и композитора, создателя «Пан-квартета» и основателя студии «SaunDrama» Владимира Панкова.

Его спектакль, поставленный в синтетическом жанре саунд-драмы, критики справедливо считали открытием и изобретением. Жесткий авторский текст о катастрофе здравоохранения в российской глубинке по документальным рассказам сельского хирурга об операциях без наркоза, антисанитарии, нехватке медперсонала, инструментов и медикаментов, плюс докторский алкоголизм ... Эти жутковатые сцены из

врачебной практики идут под развеселую удаль аккордеона, русскую плясовую и пьяный шепот санитарок с притопами и прихлопами. Но веселье здесь как знак безысходности, оно только усиливает ощущение ужаса и беспросветности. Натужное веселье, перетекающее в трагизм. Эффект поразительный – смех, злость и острая боль.

Сейчас Панков со своей командой единомышленников и жанр саунд-драмы стали очень известны в Москве. Следы «Пан-квартета» можно обнаружить во многих постановках ведущих столичных театров. Свою роль сыграл в этом спектакль «Doc.top».

Как драматург Елена Исаева более чем востребо-

вана, она участница многочисленных фестивалей современной драматургии, лауреат премий «Триумф», «Действующие лица». А радиоспектакль по пьесе «Про мою маму и про меня» на Радио России стал лауреатом Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза «Приз Европы» в Берлине (2004г.). Широкому зрителю Исаева известна как один из авторов сценария телесериалов «Бедная Настя», «Дорогая Маша Березина», «Адъютанты любви», «Не родись красивой», «Монтекристо» и других, а литераторам – как секретарь Союза писателей Москвы. Она все успевает и умеет совмещать. Как это происходит, услышим от самого автора.

«Первый мужчина»

«Про мою маму и про меня»

«Doc.top»

- Лена, насколько я знаю, ты очень рано открыла дверцу поэзии и вошла в нее. С чего все начиналось? Как приходят стихи?

- Мне в детстве все время хотелось что-то рифмовать, а так как собственного жизненного опыта не было, то я переключалась на стихи учебник истории 6-го класса – «Во Франции гремело Столетнее сражение, и Франция терпела все время поражение» и т.д. Весь учебник был переписан стихами. А в 10-м классе возникла «несчастливая» эфемерная любовь к мальчику из параллельного класса. Тут уже было о чем писать, правда, он так и не узнал о моей любви. Я сочинила ему записку в стихах, написанную маминым почерком, моя подружка положила ему дневник. Он так и не смог вычислить автора, я же не могла признаться в таком позоре. В итоге одна из девочек оказалась смелее меня, сказала, что это она написала записку, и я смотрела, как они ходили в школе за ручку. Я плакала по ночам, писала в стихах о своих переживаниях. всю эту историю я потом описала в пьесе «Про мою маму и про меня».

- И какой же бес вытянул тебя из заоблачной лирики и втащил в вязкую театральную тину?

- Мне захотелось писать не только от своего лица или лирической героини, но и от лица Олоферна, Вирсавии и прочих героев, я поняла, что из меня ломится пьеса. Но поскольку пьесы в стихах никому не нужны, я перешла на прозу. Хотя, как ни странно, первая поставленная моя пьеса «Юдифь» была в стихах и появилась она на сцене театра в Нальчике. Шел фестиваль драматургии «Любимовка», я попала на него благодаря Михаилу Рощину, он рекомендовал мою пьесу. В этом фестивале участвовала и Виктория Фомина - прозаик, завлит театра в Нальчике. После фестиваля она показала мою пьесу режиссеру своего театра Балкарову, и там поставили эту библейскую драму в стихах. Для меня это было знаковое событие – именно в Нальчике состоялась первая постановка Булгакова. И я страшно гордилась таким совпадением. Виктория Фомина теперь уже известный прозаик, мы с ней до сих пор дружим.

- Тогда еще ты писала в традиционных жанрах драматического театра.

- Да, я осваивала трагедию, лирическую комедию («Абрикосовый рай»), даже либретто оперетт. С Журбиным мы сделали несколько работ, одна из них мне очень дорога. Это о певце и актере Вадиме Козине, а заказал либретто Магаданский музыкально-драматический театр, там праздновали юбилей актера. Козин был арестован в 1944 году и сослан в Магадан. Все, кто создавал Магаданский театр, прошли «школу» МАГЛГА. Театр был сформирован в 1932 году из осужден-

ных – режиссеров, актеров, музыкантов, театральных художников. На его сцене были представители лучших театров страны – режиссер Варпаховский, художник Шухаев, балетмейстер Гамильтон, дирижер Нарва, известные актеры Жженов, Демич. И команда выдающихся талантов постоянно пополнялась. Причем, для этого театра действовали спецзаконы: если кто-то из певцов или балерин серьезно заболел или умирал, сразу находилась замена. В Москве из труппы Большого театра арестовывали подходящую актрису и как врага народа отправляли в Магаданский театр. Это реальный факт нашей великой истории. Мы с Мишей Бартевым взяли за основу историю о том, как Эдди Рознер, Вадим Козин и Георгий Жженов, поймавшись в Магадане на лагерных работах, были взяты в этот эзковский театр. Идет война, они вовсю пашут на сцене. Мы придумали историю, будто Магаданскому театру пришло указание быстренько поставить «Евгения Онегина» ко дню рождения Пушкина. На репетиции эзковские актеры, никогда не слышавшие об Онегине, никак не могли врубиться в сюжет, пока им все не объяснили знакомым языком. Мы стилизовали под лагерный фольклор: «шалаша, малява, уркаган», и там была масса песен. Но стилизация достаточно метафорическая, прозрачная, о том, как в те времена люди существова-

ли в лагере, вот охранник поет, тут уголовники... Чудесный был спектакль, не знаю, идет он сейчас или нет.

- А как ты пришла к жанру документальной драматургии для Театра.doc?

- В Москве появились ребята из английского театра «Роял Корт», известного своей миссионерской деятельностью по поддержке новой драмы во всем мире. Это пьесы в стиле verbatim, «верbatim» по-латински означает «дословно». И раньше были пьесы, основанные на документальном материале - «Эшелон» Рощина, «Крутой маршрут» Гинзбурга. Но написаны они по каноническим сценическим законам. А документальная пьеса монтируется из интервью с разными людьми, взятого на одну определенную тему (социально-значимую чаще всего) таким образом, что художественный «надсмысл» возникает благодаря именно этому монтажу и определенному выстраиванию позиций героев. Философская часть возникает не от авторской подачи, а от монтажа текста персонажа. Но сам текст автор не может менять, он может лишь варьировать его. Это мучительный процесс, легче самой все придумать. Совершенно не правы те, кто считает, что документальную пьесу написать легче, чем художественную, мол, набрать интервью и вперед. Это не так. Разговоры так и остаются разговорами, если автор никак это не осмыслил и не обозначил свою творческую позицию через композицию и расставленные акценты.

- И какие документальные пьесы появились в результате?

- Все последние - «Первый мужчина», «Двор как уходящая натура», «Я боюсь любви» и самая известная «Док.тор». Мне казалось, что эту пьесу не поставят никогда. Это монолог хирурга об ужасах сельской медицины, это диагноз нашему здравоохранению.

- Зато отличный результат на сцене. Вот что значит правильно выбрать режиссера и команду.

- Да, Пан-квартет Панкова - блестящая команда, это импровизации музыкальные, актерские, пантомимические. Они ведь однокурсники и хорошо знают друг друга, понимают с полуслова, им легко вместе работать. В Театре.doc идет и другой мой спектакль

«Про мою маму и про меня». Сейчас роль дочери играет Полина Райкина - очень удачно, она совсем другая по сравнению с Еленой Морозовой, которая превосходно играла. На спектакль приходил Райкин посмотреть дочь, у него реакция очень живая, он хохотал до слез, я даже боялась, что он сорвет спектакль.

- Напрасно беспокоилась - смех Кости Райкина в зале мог только придать особый колорит игровым актерским нюансам. А их много в спектакле. Две актрисы, сидя за столом, умудряются разыграть историю матери и дочери. При этом показывают не только свой характер, но и отыгрывают других персонажей, о которых вспоминают по ходу разговора. Никаких мизансцен, постановочных уловок, а зал реагирует на каждую реплику. В этом и твоя заслуга, ведь здесь не было постановщика, ты была и автором, и режиссером. Кстати, роль режиссера тебе пришлось по душе?

- Нет, режиссера в этом спектакле не было. Вернее,

актрисы – Диана Рахимова и Елена Морозова - сами и были режиссерами. Они сказали: режиссер будет отдавать нас от текста, мы сами поставим. И вот – «стоит» до сих пор.

- *А теперь расскажи о своих студийцах-технарях в Бауманском.*

- При Бауманском существует литературная студия «Коровий брод» - по старому названию 2-й Бауманской (ну, тут еще и перекличка с Оксфордом). Он создан для того, чтобы студенты гармонично развивались, знали не только элементы криогенной техники и ракетных установок, но еще и умели чувствовать слово. Те, кто это хочет, рано или поздно приходит в студию, приносит свои стихи или короткую прозу.

- *Я рада, что была на одной из ваших встреч со студийцами. Ребята замечательные, это продолжение поколения физиков-лириков, из которого вышли выдающиеся поэты, барды, актеры, режиссеры. А литературные перспективы у них есть?*

- Они пишут, издаются. Многие из них уже известные молодые писатели, участники фестивалей, члены Союза писателей. И это очень радует. Двое из студийцев - Саша Герасимов и Павел Лукьянов в прошлом году участвовали в вашем русско-грузинском поэтическом фестивале и также приглашены в этом году. Может, я делаю для Бауманского не совсем правильные вещи, но некоторые из студийцев потом поступают в Литинститут, меняют свою жизнь. «Женщину, религию, дорогу каждый выбирает для себя». Но с другой стороны, если в человеке что-то заложено, это надо развивать, чтобы потом не чувствовать себя несчастным, недоовощенным.

- *Что такое учитель, если речь о поэзии?*

- Учитель по большому счету это Пушкин, Лермонтов, Цветаева, Ахматова – читай и учись. Но нужен человек, который, как тренер, ставил бы руку. Для меня таким тренером был Алексей Дидуров, он в свое время создал Литературное рок-кабаре, через которое прошли Дима Быков, Инна Кабыш, Вадим Степанцов и все куртуазные маньеристы, там начинали Шендерович, Володя Вишневецкий - все мы там тусовались, набирались какого-то опыта, в том числе исполнительского. Нас возили по школам, воинским частям, были аудитории совершенно не готовые к поэзии, мы должны были почувствовать зал, настроиться на его волну. Это была серьезная школа. Еще я была в студии Волгина при МГУ, он приводил к нам на встречи Андрея Вознесенского, Юнну Мориц, Юрия Ряшенцева – корифеев, они читали стихи, отвечали на наши вопросы. Это тоже была школа.

- *Отклик зрителей и читателей важен?*

- Я считаю важным то, что интересно тебе самой. Тогда это будет интересно и другим. Если рассчитывать на запросы абстрактного читателя, ничего не получится.

- *Что сегодня влияет на автора, какие культурные потрясения?*

- Влияют талантливые новые тексты, например, на фестивалях «Любимовка», «Новая пьеса» много необыкновенных открытий происходит. С удовольствием читаю братьев Дурненковых, люблю Ольгу Михайлову, Елену Гремину, Ксению Драгунскую, Максима Курочкина. Недавно в Театре.doc была читка коротких грузинских пьес в переводе Майи Мамаладзе, подвижницы, благодаря которой все новое в драматургии в России и в Грузии имеет возможность «сообщаться».

Как всегда, потряс текст Лаши Бугадзе, которого московские новодрамовцы знают и любят. Остальные пьесы тоже были замечательные. Открыла для себя Басу Джаникашвили. Влияют, как ни странно, и тексты совсем молодых, в которых обнаруживаешь нечто необычное, может быть, не сделанное чисто технически, но иное. Любая свежая мысль, человеческая история, сама творческая атмосфера очень стимулируют жить и работать дальше.

- *Но кроме творческих взлетов и мытарств есть еще и женская доля – у тебя семья, муж, сын. Как все это уживается в одном пространстве?*

- Благодаря вниманию и мужеству близких, ну, и моему тоже.

- *Я думаю, мужества со стороны близких требуется значительно больше, чем от тебя лично.*

- Абсолютно согласна. У меня есть пьеса «Прощальные огни» про японского художника Кацусика Хокусай. Там как раз эта проблема, как близкие существуют рядом с творческим человеком – чем они за это платят, чем он платит.

- *И чем надо платить?*

- Я пыталась разобраться в этом. Если люди друга любят, то стараются понять, найти какой-то компромисс. Безвыходных ситуаций нет. Однажды, когда моя мама лежала в больнице, я там сидела с ней, а муж на работе. Пришлось попросить одного из студийцев Пашу Лукьянова – тогда еще студента - побыть с маленьким сыном у нас дома. Я приезжаю из больницы, а в это время студент, оказывается, учил моего сына безболезненно падать на пол. Я открываю дверь, а Паша с высоты своего роста рушится на пол, а вслед за ним мой сын, да еще получает наставления, как колени сгибать, чтоб не больно падать. Я чуть с ума не сошла.

- *Теперь сын уже взрослый, тоже студент, наверное, сам учит других, как безболезненно падать. И оставлять его уже не страшно. Вот ты уже в пятый раз приедешь к нам на фестиваль. И каковы о нем впечатления?*

- Да, четыре раза я участвовала в фестивале, и каждый раз это для меня абсолютный подарок: открытие новых мест, людей, встреч, новых стихов и переводов. Это подарочный кусок жизни. Я считаю просто подвижничеством со стороны организаторов собирать русскоязычных поэтов, живущих в разных странах, часто в непростых ситуациях. Все разрознены, каждый варится в своем соку, живет в чужой языковой среде. И вдруг появляется возможность услышать друг друга, идентифицировать себя в пространстве русского языка, это большое счастье. А то, что фестиваль проходит на территории Грузии, это придает всему особый смысл. Ведь Грузия и Россия очень близки – своими христианскими традициями, культурными, человеческими. То, что произошло в политике, я уверена, оно уйдет. А вечные ценности останутся.

Вера ЦЕПЕТЕЛИ

«ПОЭЗИЯ – ЭТО ШЕПОТ...»

Евгений Степанов

*Зачем я пишу?
Чтобы не сойти с ума, когда
остаюсь один.
Наедине со своей жизнью,
Воспоминаниями...*
Евгений Степанов

«Стихи Евгения Степанова ясны, как документальная проза, таинственны, как добрый крик обиженной любви, публицистичны и вместе с тем суггестивны. У него в одном стихотворении могут естественно соседствовать реминисценции из Блока и Сосноры или из Венечки и Солженицына, а также «славянская душа» и «прищур азиатский», ирония и пафос, жаргон и архаика, стёб и пафос...» Так отзывалась о творчестве Степанова поэт Татьяна Бек.

В одном из интервью для газеты «Ex libris НГ» Евгений Степанов высказал свое отношение к роли издателя журнала поэзии: он должен быть абсолютно бескорыстен, влюблен в хорошие стихи, разбираться в них и должен уметь находить деньги. «Это взаимоисключающие качества, оксюморон. Но издатель журнала поэзии ими должен обладать».

Возглавляя холдинговую медиа-издательскую компанию «Вест-Консалтинг», Степанов знает всю «кухню» изнутри, не понаслышке. Он – издатель и главный редактор крупных журналов. Основанный в Саратове журнал «Дети Ра» – ежемесячный толстый журнал, ориентированный на поэтический спектр регионов России и других стран. Кроме того, журнал печатает прозу и эссе, мему-

ары и критику. Под эгидой Союза писателей XXI века выходят два литературно-художественных издания. «Футурум АРТ» отражает деятельность поэтов-авангардистов современности, живущих как в России, так и за рубежом. «Зинзивер», издаваемый совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга, представляет поэзию и прозу петербургских авторов. Кроме того, он издает газету «Литературные известия» и является соиздателем и заместителем главного редактора журнала «Крещатик».

По словам Степанова, издание журналов – это еще один вид творчества, своеобразное продолжение его самого. Его неутомимость в издательской сфере вызывает восхищение. Как ему хватает 24 часов в сутки – в голове не укладывается. Сам Евгений Степанов комментирует это так: «Моя работа мне по душе, она приносит мне радость, удовольствие. Если ты не любишь свою работу, у тебя не будет результата».

Издатель-редактор, изо дня в день он в центре литературного процесса. Степанова относят к тем подвижникам, кто ищет и находит таланты во всех уголках страны.

В жизни Евгения Степанова было много знаковых для него встреч. Его «старшими» товарищами были Геннадий Айги и Татьяна Бек. С 18 лет его связывает большая дружба с Сергеем Бирюковым. Его кредо стала фраза: «Любить и почитать нужно всех настоящих создателей, но только не геростратов».

О роли поэзии в современном мире

- Человеку необходимо помогать, поэт должен чувствовать поддержку. В провинции страшная картина. Это не метафора, поэты здесь вымирают. В толстые журналы,

как «Новый мир», «Знамя», очереди годами. И пока поэт из глубинки, талантливый, самобытный, будет выжидать, он либо сопьется, либо покончит жизнь самоубийством... Это высшее счастье, когда ты открываешь имена, когда даешь людям возможность публиковаться.

Сегодня другие времена. В эпоху Интернета поэты уже не собирают стадионы, времена Политехнического ушли. И это правильно. То была и не поэзия, а скорее публицистика в стихах. Не обязательно зарифмовывать страницу передовицы. Это не к чему. Тогда поэзия несла социальную, политическую, идеологическую нагрузку. А на самом деле поэзия – это более интимный разговор. Это шепот, а не крик. Сейчас поэзия приобрела более естественное звучание. Да, камерное, да, не большими тиражами. Но потребителей ее не может быть много. Как не может быть, чтобы все разбиралось в высшей математике. Но это ни в коем случае не означает, что необходимость в поэзии исчезла. Для меня важно, чтобы поэт служил добру, чтобы своим словом нес свет. Здесь вступают в силу критерии нравственности и тогда теряется значение того, на каком версификационном уровне создан текст.

О творческом процессе

- Стихи пишутся в совершенно неподходящих условиях. Они возникают сами по себе, приходят, когда им вздумается. Можно находиться в одиночестве и не дожидаться этой волны. А вот ты в толпе, едешь в метро и она нахлынет, строчки рождаются. Всему свое время. Сколько угодно трясина в июне яблоню. Просто нужно дождаться августа и подставить руки. Над стихом надо работать. Когда говорят: «Мне стихи диктует Бог», то возникает вопрос – так что же Господь Бог такой безграмотный? Свыше тебе дается импульс, но и ты изволь приложить усилие, подключить мозг. Ты должен иметь натренированный слух, а для этого надо работать над собой.

Я считаю, что поэт никому ничего не должен, и не обязан доказывать. Это автономное существо. Живет как хочет – хочет – пишет, хочет не пишет. Другое дело, когда стихи приобретают общественное звучание, самые тихие, самые негромкие, но которые нужны всем, такие стихи становятся гражданским актом. Но поэзия всегда должна оставаться поэзией. Тем, что нельзя пересказать прозой.

Что для Евгения Степанова поэзия?

«Есть тысячи определений поэзии. И все, наверное, имеют право на существование. Между тем, как правило, за поэзию принимают то, что ею вовсе не является. Зачастую это не чудеса, а ловкость рук, как говорил по другому поводу старик Хоттабыч... Поэзия – это соприкосновение с Иным, неведомым, бессознательным...»

О поэтическом фестивале в Грузии

В номере № 10 (72) за 2010 год журнала «Дети Ра» в рубрике «На карте генеральной» была представлена Грузия. В подборку вошли произведения участников русско-грузинского поэтического фестиваля Маквалы Гонашвили, Бесо Хведелидзе, Эки Кеванишвили, Ники Джорджани, Шота Иаташвили.

- Цель фестиваля помимо того, что мы общаемся, знакомимся, устанавливаем контакты, это и печатный выход. Для поэта главное, чтобы его публиковали, читали, узнавали. И то, что по итогам фестиваля выходят поэтические сборники, это большая заслуга вашего форума.

Москва – большая деревня. Это гонка, у всех счет

чики в глазах. И подчас поговорить друг с другом, прояснить какие-то позиции, нет времени. А иной раз простой диалог необходим, чтобы понять, что мы друг другу не враги. Вообще, поэты – люди конфликтные, мы полемизируем, враждуем, а вот на фестивалях в расслабленной ситуации мы понимаем, что мы единомышленники и служим одному делу.

Особое значение этого фестиваля в том, что он служит возобновлению и развитию традиционных отношений, которые были между грузинскими и русскими поэтами. Именно в Грузии я осознал, что понятие «народная дипломатия» по-прежнему актуально.

Меня восхищает деятельность Николая Свентицкого. Благодаря его энтузиазму фестиваль продуман до мелочей. Никогда не участвовал в фестивалях так профессионально и качественно организованных.

Должен сказать, я не встретил в Грузии никакого отчуждения, неприятия. В советское время я был в Грузии дважды. Это мой третий приезд. И скажу, что радушие я встретил прежнее. Правда, для меня горестно, что редко слышна русская речь. Это происходит из-за того, что нет культурной политики, ее не развивают. Гениально сказал Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II о том, что мост культурных отношений между Грузией и Россией не взорван. Другое дело, что его нужно отреставрировать. Подобные акции как этот фестиваль и служат благому делу восстановления.

Алена ДЕНЯГА

С Бахытом Кенжеевым

С Сергеем Чуприниным

В ПОИСКАХ СИНЕЙ ЗВЕЗДНОЙ ДУШИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЛИИ СТУРУА

Новаторское безумие, характерное для XX века, в современных молодежных текстах порой принимает карикатурный облик: деформация и деконструкция без знания классической литературы и ее истории не может быть успешной. Тамаз Чиладзе справедливо замечает: «Новаторство возможно только там, где существуют большие традиции». Основание инновационной поэзии Лии Стуруа прочно: широкий обзор грузинской и мировой классики и глубокое знание грузинского устного народного творчества, уважение традиций, в то же время – острое чувство современности; в мире современной литературы и искусства она чувствует себя как рыба в воде.

Лия Стуруа – одна из тех поэтесс, которые благодаря редкому дарованию и самобытности в молодости же минуя ученический период, достигают главного – обретают собственный почерк.

Первый поэтический сборник она издала в 1965 году, с той поры и по сей день выпустила множество поэтических и прозаических сборников и продолжает плодотворную творческую деятельность.

Она не испытала каких-либо эволюций и метаморфоз, в мире бесчисленного разнообразия красок, звуков и слов обрела собственный стиль музыки, звукописи, живописи... Ее стихи красочны, порой контрастны, неожиданны, со странными зрительными образами. Она поэт – живописец, последователь культа солнца. Если мы обратимся к классификации Гете, в ее творчестве господствуют теплые тона: малина, гиацинт, роза, пламя, апельсин.

Лия Стуруа – одна из основоположников верлибра в грузинской поэзии. Свободному художественному мышлению она дала свободный стих. Очень скоро выявилась элитарность и сложность ее поэзии, неординарный метафорический стиль, глубокие по мысли рефлексии; мучительные морально-этические искания, национальная боль и верность вечным общечеловеческим ценностям. Ясно, что все это не осталось незамеченным для адептов соцреализма. Совсем молодой она познала холод официальной критики, но и поддержку ценителей подлинной литературы.

Свободная от советского менталитета, никогда не стремилась она стать поэтом широких читательских масс, либо рекламировать себя, хотя не лишена была молодежного эпатажа (что тогда строго наказывалось) и смелости.

В XXI столетии, эпоху глобализации, четко проявились универсальность и космополитизм ее поэзии в лучшем, с позиции Важа Пшавела, понимании этого слова.

Следует отметить, что универсализм ее поэзии не был рассчитан, и сегодня не рассчитан на экспорт (что так распространено в нашей масскультуре), так как это естественная тенденция художественного мира поэта.

Элгуджа Амашукели. П-т Лии Стуруа

Для Лии Стуруа поэзия и святость, и всечеловеческое достояние, она и народна и убежище мудреца-отшельника, и ремесло стражей крепости отечества. Противник прямолинейностей, лишь противопоставления черного и белого, поэт сочувствует и заключенным в башню из слоновой кости, находящимся в мире сновиденных мечтаний художникам и является их риторическим противником.

Поэт всегда обладал и обладает талантом «стоять выше быта». Стертая именно от соприкосновения с бытом кожа художника, его болящая, как обнаженный нерв, душа, зоркий взгляд творца, сопереживание – вот основа того, чтобы читатель воспринял пусть даже странные и субъективные, но с точки зрения эмоциональности поэтическое видение и медитации высокого творческого накала.

Из стихотворений последних двух десятилетий отчетливо вычерчивается боль за тяжкое существование, за разрушения и хаос, кровь и слезы, раздвоение и отчуждение, за девальвацию непреходящих ценностей.

– У меня болит Испания, – рыдал Мигель де Унамуно.

Поэтический сборник Лии Стуруа датированный 1994 годом «Не гасите мне свет» – сплошная боль. «У поэта болит» Грузия, Тбилиси, близкие, сограждане, родные по духу, почтенные нищие, поэты, художники, музыканты, яблони, воробьи, бродячие собаки и невинные овечки...»

Лия Стуруа, чье второе «ремесло» – литературоведение, относится к числу тех поэтов, которые с радостью делятся «тайной» своего творчества. В предисловии к вышеупомянутому сборнику читаем: «Эта книга была написана в тяжелейший период моей жизни, в уничтоженной войной, революцией, разрушенной, голодной, темной и холодной, разорванной ненавистью Грузии, где я живу, как эмигрант, и тоскую по родине, по грузинскому языку, который так исковеркан..., трудно себе представить. Что на этом языке говорили Важа, Бараташвили, Галактион.

Поэзия должна быть более светлее, нежели жизнь. Это, вероятно, придет. Сейчас же я приношу извинения читателю за мою печаль, черную печаль, в которой капли солнца и луны лишь подразумеваются, но не видны, ибо почва нашей жизни – боль. «Болит у меня – значит, я существую»: этим людям посвящается книга, а не светлостому и толстостому довольству, которое подобно омеле, обвивает нашу жизнь».

Именно в те мрачные годы, в пору обесценивания книги, и, в частности, поэзии, Лия Стуруа выступает по телевидению с циклом авторских передач по литературе и искусству. Обладая завидным даром красноречия и импровизации, она умеет привлечь любую аудиторию, при этом несколько не изменяя своему стилю – сложному, интеллектуальному и глубоко эмоциональному.

Основоположница грузинского верлибра и совершенно справедливо признанная одним из пионеров современного грузинского свободного стиха Лия Стуруа, которой не чужд и традиционный рифмованный стих, попробовала свои силы и в сложнейшем и самом регламентированном жанре – сонете. В 1999 году она представила перед нами автором прекрасной поэтической книги «Сто сонетов и другое».

Чего не говорилось о Лии Стуруа! Сюрреализм, экзистенциализм, абсурдизм и т.д. Мне жаль «укладывать» ее поэзию в прокрустово ложе, хотя бесспорно, что в ней имеются органически присущие ей слои всех этих «измов».

Для меня ее поэзия – удивительный симбиоз аван-

гардизма и классики, художественной смелости, иной раз неприкрытого эпатажа и пиетета к предшественникам, «эстетики уродства» и возвышенного. Она воспринимается и как поэт, укрепившийся в той башне слоновой кости и как бодрствующий патриот и гражданин.

Лию Стуруа отнюдь не отягощает полувековой повторный творческий путь, напротив, убеждает в жизнестойкости собственной креативности. Совсем недавно она написала такие строки: «Когда я пишу на огне и сверху лью керосин, я вовсе не думаю о читателе». Это не литературная поза, это ее кредо.

Как литературоведу, Лие Стуруа пришлось соприкоснуться с прозой: она автор многих эссе, посвященных грузинским и иностранным писателям, исследователь символики цвета поэзии Галактиона; но, собственно, к художественной прозе она причастилась поздно – это так называемый «Роман ощущений» и эссеистско-мемуарный очерк о Париже.

Проза поэта вообще – особый феномен, тем более такого поэта, к которому муза прозы приходит лишь время от времени. Поэтичность прозы обуславливает множество компонентов: возвышенный настрой, образный и эмоциональный язык, ритмичность, музыкальность, красочные тропы... Лия Стуруа настолько полно отвечает этим требованиям, что ее сочинения читаются на одном дыхании; это – приближение к высокому. Доказательство тому ее новый сборник «Счастливая тишина», вышедший в 2010 году.

О художественной Мекке XX века – Париже написано очень много. Но первой грузинской книгой, посвященной этому городу, явилась «Счастливая тишина» Лии Стуруа. Этот обширный очерк на грани поэзии и прозы. Он изобилует литературными реминисценциями, четкими, истинно поэтическими силуэтами иностранных и грузинских поэтов и художников; это сосуществование цвета, музыки, слова, тоска по минувшей гармонии, пиетет к классике и острое ощущение современных исканий искусства.

Первая версия очерка (1993-1996 гг.) была проникнута грустью и фрустрацией. В вышеназванном сборнике он предстает совершенно измененным, дополненным новыми реалиями.

В новой редакции преобладает современный дискурс: это уже более новое, глобальное, соответствующее нашему ускоренному темпу времени видение, которое вызывает особый интерес именно к современным ассоциациям; хотим мы того или нет, мы оказались в совершенно иной реальности, это и предусматривается в новой версии (1993-2006 гг.). Так оно и должно быть: очерк, посвященный Парижу, должен даровать читателю радость, удовольствие и эстетическое наслаждение. В тот же сборник вошли статьи Лии Стуруа о литературе, зарисовки путешествия в Сванетию; также эссе, посвященное Испании, – синтез ассоциативной цепи путевого дневника, поэзии и испанского искусства.

Творчество Лии Стуруа всегда привлекало и привлекает к себе молодежь. Молодое поколение признало ее матерью верлибра, новатором и вечной искательницей нового.

Кредо поэта таково: «Чудо все еще существует в этом темном, бедном, аморальном мире, а в небесной тверди восседает Творец и с гораздо большими чем когда-либо усилиями и трудом вдыхает в наши тела синие звездные души».

Лали АВАЛИАНИ

Перевод

Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

ЛИЯ СТУРУА. СТИХОТВОРЕНИЯ

РАСТЕНИЕ

Зима крошит надо мной
Мел потолка, стекло посуды.
В порезы закрадывается
Возможность травмы.
Не выходя из дома,
Взращу ее
Красным удобрением
Сукровицы.
Много ли детей так расцветают?
Трудных, как стихи,
Но благодарных за эти царапины
На гладкой и безнервной поверхности.
Боли и так достаточно,
Куда больше черных ям.

Не вы ли заквасили
Мне эту обувь
Из умеренно ортопедического климата?
В колодке выстроили ступени,
Мягие –
На такой лестнице никуда
Не поднимешься.
Поблизости макет гор,
С куском крепдешинового неба,
Неприступный до бешенства.
А обычная планка,
Т.е. потолок?
Если биться головой
Об него, продырявить,
А из мозгов вырастить
Пожарную лестницу?
Метафора, явно от невроза,
Но требует такого пространства!
Вычесанные из него гласные
Так высоки –
Небоскребы крика
На низких улицах.
А беспотолковость, баспланковость –
Как приспособить их к мозгу?
Если только к его
Неиспользованной половине -
Почти к бесконечности.

МОРЕ

Какой мужчина поверит,
Что я беременна морем,
Что он смог зачать
Нечто такого объема
В обычной постели?
Панически стараюсь
Родить одну - две волны,
Кто решит их убить?

Воткнуть-то гвоздь в какое место?
Под руководством слез
Думается об этом.
Соль въедается
В обкусанные ногти.
Больно!
А облегчение на целое море?
Из моего дна
Растут волосы водорослей,
Обнять бы ими кого-то, задушить!
Откуда берется эта агрессия?
Но мои дети, мужчина,
Который потратил на меня
Последний огонь, вернее,
То что от него осталось?
А я благодарна морем!
Показать бы ему,
Как аквариум несколькими
Стаканами воды,
Думает об океане,
Огромные
И хищные пространства!
Страх оставить себе!
Возможность разродиться волнами тоже,
Хотя бы из сердца,
Прямо на операционном столе.

Давай, успокоим этот цвет!
В горячие ноты перца
Запустим вокалом сирени,
Кричащая неспелость кизила
Кнопками припечаталась к языку.
Вот такую консерваторию
Я строю себе.
Ни образа, ни лица,
Ни предмета!
Правда, освободив от шелухи,
Конкретность в ней
Можно уловить.
Бег сам по себе,
Отраженный в глазах вверх ногами,
Которого я все время догоняла,
А теперь, на такой высоте,
Изменился характер,
Выше и не взглянешь.
Земля бежит за мной,
Дразня антуражем
Перцового цвета,
Вокалом сирени,
Ртом, вязким от кизила,
И мои отсидевшие ноги
Привязывает к воздуху,
Минув трафарет крыльев.
Такая вот консерватория –
Что, памятник воздвигла?

Перевод с грузинского автора

ПОЭТ ЮРЧЕНКО РАССЛЫШАЛ ПОЭТА ПАСТЕРНАКА

Известный поэт, драматург, актер Юрий Юрченко, постоянный участник русско-грузинского поэтического фестиваля, ежегодно проходящего в Грузии, выступил в качестве литературоведа и буквально взорвал научный (и не только!) мир своей сенсационной книгой «Пастернак против Сталина. Зашифрованная поэма». Это глубокое литературоведческое исследование, в котором автор анализирует перевод Акта пятого трагедии Гете «Фауст», с привлечением исторических документов эпохи, немецкого оригинала Гете, других переводов знаменитого произведения.

«Формально книга началась недавно, а на самом деле ей двадцать с лишним лет..., рассказывал Юрий Юрченко.- Этой книги не было бы без такого выдающегося, за все представимые рамки выходящего предприятия, как международный поэтический фестиваль, который устраивает Грузия. Руководитель фестиваля, Николай Николаевич Свентицкий, — просто невероятный человек! Каким образом он все устраивает и организует — это удивительно! Я был приглашен от Франции на этот фестиваль, который проходил уже в третий раз. Десять дней в Григоleti, на берегу Черного моря мы прожили в таком раю! И как-то ночью, после всех поэтических споров, разговоров и деклараций, мы беседовали с немецким издателем и литератором Вальдемаром Вебером о Пастернаке, о том, какое это

Борис Пастернак

Юрий Юрченко

мы все там встретились. И после фестиваля все что-то начали, и я вот, видите, бросился писать совершенно для меня неожиданную книгу, литературоведческую...»

В прошлом году, на IV русско-грузинском поэтическом фестивале, организованном Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб», состоялась презентация этой необычной книги. Кстати, она посвящена памяти замечательного грузинского литературоведа Ги Маргвелашвили.

Сенсационность книги, прежде всего, в том, что Юрий Юрченко опроверг бытующее мнение о Пастернаке как о политическом конформисте, чуть ли не сталинисте. Ведь Пастернак первым из знаменитостей воспел Сталина в стихах, посвятил ему восторженные строки. Наталья Иванова в своей публикации на страницах журнала «Знамя» (2001, №10) «Собеседник рош» и вождь» пишет: «Н.Я. Мандельштам полагала, что в 1937 году «Борис Леонидович еще бредил Сталиным... После войны сталинский образ у Пастернака кончился». Еще одно свидетельство принадлежит Андрею Вознесенскому — он не забыл сказанные ему Пастернаком слова о Сталине: «Я не раз обращался к нему, и он всегда выполнял мои просьбы». И еще: «Сталина он называл «гигантом дохристианской эры» («Мне 14 лет» - «Воспоминания о Борисе Пастернаке», М., 1993)». По мнению Н. Ивановой, «Что очевидно - Пастернак искренне соучаствовал в создании легенды, мифа о Сталине. А в сокрушении и

разоблачении этого мифа он участия не принимал».

Именно с этим утверждением не согласен Ю. Юрченко – он приходит к другому выводу, что в переводе «Фауста» как раз и происходит сокрушение и разоблачение мифа о Сталине.

В своей книге Ю. Юрченко обращается к образу доктора Фауста, которого сближает со Сталиным договор с дьяволом, размышляет о том, какие «знаменитый чародей» претерпел метаморфозы, начиная с XVI века, когда, собственно, он и стал героем легенд, сравнивает Фауста Гете с героем пастернаковского перевода: «Если у Гете (...) в сценах с Филемоном и Бавкидой Фауст действительно не выходит за рамки недовольства и все происшедшее в дальнейшем – трагическая случайность, спровоцированная Мефистофелем, то у Пастернака здесь – рассчитанное, осознанное убийство. Заговор. И ни о каком «одержимом искателе истины, справедливости и счастья» здесь уже говорить не приходится. Фауста-творца вдруг вытесняет фигура Фауста-тирана, не терпящего ничего «против». Причем фигура очень знакомая...»

Юрий Юрченко расшифровывает следующие строки перевода Пастернака:

Бедной братии батрацкой
Сколько погубил канал!
Злой он, твой строитель адский,
И какую силу взял!
Стали нужны до зарезу

Дом ему и наша высь.
Он без сердца, из железа,
Скажет – и хоть в гроб ложись.

Каждое слово этого поэтического перевода тщательно, скрупулезно анализируется – с привлечением документов эпохи. Бедной братии батрацкой сколько погубил канал – за этими словами, по мнению автора, стоят вполне конкретные реалии сталинской эпохи. «Пастернак свидетельствует о сотнях тысяч, если не о миллионах загубленных крестьянских жизней...» - считает Ю. Юрченко.

«Величайший архитектор всех времен и народов», при котором возводятся огромные сооружения и которого сравнивают с Петром I, на деле оказывается «злым», «строителем адским». «Так кто же взорвал храм Христа Спасителя – Сталин – гениальный строитель

коммунизма или Фауст – Злой Строитель адский?» - вопрошает автор. Кстати, у Гете Фауст не был «строителем адским». Таковым он становится по воле Бориса Леонидовича. Лингвостилистическое исследование текста перевода Пастернака позволяет Юрию Юрченко найти прямые аллюзии с современностью, с суровыми временами политических репрессий.

Даже выражение «до зарезу», которого нет в оригинале, намекает на кровавую «деятельность» большевиков. «Вслушайтесь, ведь это старики Филемон и Бавкида кричат нам вместе с соратниками Кобы по революционной борьбе: «Стали нужны до зарезу дом ему и наша высь» - пишет автор.

Вокруг книги, ее концепции, которую одни называют открытием, другие – гипотезой, третьи – «фигой в кармане», возникла горячая полемика. Не все согласны с тем, что Б. Пастернак выступает именно против Сталина. «А как же тогда, в этом контексте, восприни-

мать все стихи Пастернака о И. Сталине и роман «Доктор Живаго»? Или, может быть, писатель маскируется в своем творчестве и раскрылся только в «Фаусте»?» - задается вопросом Б. Одинцов в своем эссе «Пастернак против Сталина? Размышления после прочтения книг Ю. Ключникова («Лики русской культуры») и Ю. Юрченко («Фауст»: Б. Пастернак против И. Сталина. Зашифрованная поэма»).

Ответ на этот вопрос содержится, пожалуй, в оценках М. Чудаковой и А. Карпенко: «...Как отметила Маризетта Чудакова, длительное утаивание и подавление определенных мыслей не проходит для человека даром: оно может выскочить в любой момент, и в этом плане «агентурное» шифрование Пастернака очень даже понятно с точки зрения психологии. Поэт может быть слеп. Поэт может терпеть тирана во имя любви к своим близким. Но любить тирана большой поэт не может: это противоречило бы самой природе творчества, основанной на свободном волеизъявлении... Скажу страшную, непостижимую вещь: мне кажется, что Пастернак Сталина и любил, и ненавидел. И, наверное, эти чувства вряд ли были одновременны: правление Сталина затянулось почти на тридцать лет!» (А. Карпенко. Тайнопись пастернаковского перевода «Фауста»: Юрченко против Сталина. www.poliinform.ru)

Но вопрос в том, идет ли речь о «выскакивании», о подсознательном, или о сознательном выборе... Ю. Юрченко настаивает именно на сознательном выборе, на антисталинских размышлениях поэта, его завуалированных посланиях и шифрах.

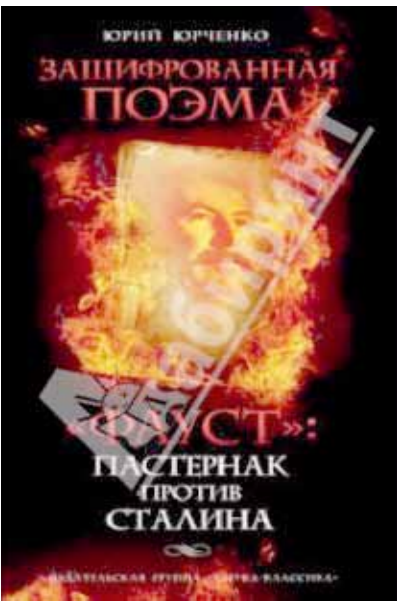
В книге много других удивительных открытий. Так, в переводе Акта пятого «Фауста» автор усматривает и поэтический диалог «Пастернак-Шаламов». В сценах Мефистофеля с «душами умерших» - в сценах, представляющих собой наброски, эскизы к этим – возможным – будущим сценам в романе («Доктор Живаго» - И. Б.) неизбежно и неотвратно встает образ Шаламова, слышится шаламовское прерывистое, хриплое дыхание».

Некоторые склонны считать исследование Юрия Юрченко сугубо «поэтическим». «Этот язык в книге такой, особенный, именно, в фонетической части, выходит на первое место, это же выдало поэта сразу, поэта, особенно такого – поэта-исследователя: «стали» - «Сталин» и – зацепило, все, тут и Хайдеггера можно вспомнить, который говорил, что главное не сказать что-то, а дать языку сказать себя», - считает литературный критик, культуролог Александр Люсый (участник полемики на радио «Культура»). Такого же мнения А. Карпенко: «... Произошло самое удивительное: поэт Юрченко расслышал поэта Пастернака...»

И, тем не менее, книга Ю. Юрченко, без всяких скидок, - литературоведческое исследование, научный труд, написанный живым, увлекательным языком. Он читается на одном дыхании.

«То, что ему удалось обнаружить поэтическую тайнопись в пятом акте перевода «Фауста», является открытием в горизонте русской поэзии XX века, и, более того, русской литературы в целом. В определенном смысле Ю. Юрченко спас – и вернул! – имя Б.Пастернака на поэтический Парнас, поскольку публикации последних лет граничили с уничтожающим «разоблачением» личной - как сокровенной - и поэтической - как художнической - жизни поэта. Поэтическое имя Б.Пастернака стала затягивать тина обывательских трактовок, что грозило русской литературе потерей его творчества в горизонте оригинальных – и нравственных! – художественных откровений» - пишет доктор филологических наук Светлана Макурenkova (из письма автору).

Инна БЕЗИРГАНОВА

«ПУШКИН – ВОЗДУХ, КОТОРЫМ МЫ ДЫШИМ...»

6 ИЮНЯ – ПУШКИНСКИЙ ДЕНЬ. В ЭТОМ ГОДУ МЫ ОТМЕЧАЕМ 212 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПОЭТА.

Когда я впервые ступила на ленинградскую землю (а было это в 1969 году), город поразил меня своей величественной красотой, блеском вод и белыми ночами. Вместе с холодноватым северным воздухом я вдохнула ощущение легкости и свободы. В воздухе было разлито и что-то другое, неуловимое. Это была акварельная легкость и прозрачность пушкинских строк - ясных и чистых – наряду с «вольностью святой».

Многие пушкинские тексты буквально пронизаны Петербургом. Известные со школьной скамьи стихи Пушкина слились для меня с красотой города. Когда я знакоилась с городом, на каждом шагу в памяти всплывали цитаты.

Позже я узнала, что Шкловский, называл пушкинскую Адмиралтейскую иглу «богиней цитат». Я бы назвала эту цитату словами Толстого – «гармонической правильностью распределения предметов до совершенства». Впрочем, как и все, написанное Пушкиным.

Когда в ветреные ноябрьские дни я глядела на серые невские воды, прямо физически ощущала романтику и образность в описании реки – как одушевленно-го, живого существа:

Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.

Это была какая-то материализация поэзии. Я чувствовала, как оживают ясные строчки пушкинских стихов, известных со школы. И это было чудо.

Но чудо было не только в этом.

Чудом было то, что в этом городе жил Поэт. С Петербургом была связана большая часть его жизни. Здесь жили его друзья, его любимые женщины, которым были посвящены его гениальные строчки. Именно

в Петербурге он утвердился как творческая личность, здесь были написаны его лучшие произведения.

Сюда он был привезен двенадцатилетним мальчиком его дядей, Василием Львовичем, для поступления в Царскосельский лицей. Шесть лет провел Пушкин в лицее, среди роскошных царскосельских дворцов, «садов прекрасных», населенных статуями.

К тому времени мы своей студенческой кучкой единомышленников – любителей поэзии Пушкина – уже побывали в Пушкино, как стало называться Царское Село. И облазили все рощи, все фонтаны и уголки сада, запечатленные в юношеских стихах поэта. Сфотографировались у памятника Пушкину – юному и кудрявому, присев на низенькую узорную ограду возле. Фотографии те до сих пор напоминают о начале моего знакомства с Пушкиным, так сказать, воочию.

А первые три года петербургской жизни Пушкина после окончания лицея прошли на Фонтанке.

Так вот, оказывается, можно было увидеть эти дома и прикоснуться к ним. Странное было ощущение!

В этих домах он жил – спал, ел, пил, ездил в каретах и в пролетке по Невскому и Мойке.

Он ходил пешком, по этой же Фонтанке! По набережной этой самой Фонтанки, где теперь жила я – в институтском общежитии ЛИСИ на Фонтанке, 123. А Пушкин после окончания лицея жил с родителями на набережной Фонтанки, 185. Это было на этой же стороне реки, через несколько домов. На той же Фонтанке, в домах 20, 25 и 101 Пушкин бывал у своих друзей: братьев Тургеневых, Муравьевых, у Оленина.

На проспекте Римского-Корсакова стоял дом 35, в котором молодой поэт посещал собрания «Зеленой

лампы», где ему дали прозвище «Сверчок». Этот дом находился недалеко от нас, на Театральной площади, куда мы бегали слушать оперу.

Я часто гуляла по Фонтанке и с каким-то трепетом взирала на эти дома, представляя, как изящная фигурика Пушкина показывалась в этих местах.

«В Петербурге Пушкин провел более трети своей жизни, – слышу я сквозь многие годы голос в экскурсионном автобусе. – Это лучшие годы юности и годы зрелости поэта, наивысшего напряжения его духовных сил, творческого подъема и бранных житейских проблем. И, наконец, трагическая развязка – дуэль на Черной речке – как символ страданий и фатализма в судьбе поэта. Пушкин стрелялся с Дантесом под Петербургом, за Черной речкой, близ Комендантской дачи около 4 часов».

Это мы ездим по пушкинским местам в Ленинграде.

Помню, во мне поднялась какая-то волна протеста – я просто физически не могла видеть то место, где убили Пушкина.

Попросила остановить автобус и без объяснений вышла. Так я и не побывала на Черной речке.

С большей радостью я бывала в центре города, на площади Искусств, где напротив Русского музея вознесся монументальный и легкий, торжественный и грациозный памятник Пушкину М. Аникушина. Он был поставлен в 1957 году, к 250-летию Ленинграда. Поэт

«В этом доме, в квартире из одиннадцати комнат, Пушкин с семьей поселился в сентябре 1836 года, – слышу я издали монотонный голос экскурсовода, – и эта квартира стала последней в его жизни. Здесь поэт, смертельно раненый на дуэли, скончался 29 января (10 февраля по новому стилю) 1837 года в 2 часа 45 мин. пополудни».

При этих словах больно сжимается сердце.

«Это одно из самых почитаемых мемориальных мест в городе и один из самых популярных музеев». Об этом можно и не говорить. Здесь всегда много народа. И неизменно царит особая атмосфера какого-то благоговения. Ежегодно, 10 февраля, отмечается день памяти Пушкина. Во дворе дома собираются люди, молча стоят и читают стихи.

Мы несколько раз были здесь в этот день, и каждый раз поражались духу какой-то светлой печали.

Поэт со своей большой семьей прожил здесь всего четыре месяца. Пушкины снимали бельэтаж. Вот столовая, буфетная, гостиная, через которую несли Пушкина после ранения, спальня, детская...

Особое место в кабинете занимает библиотека, в которой примерно 4000 книг на 14 языках.

Хотя сам кабинет обставлен весьма скромно: письменный стол с черновиками Пушкина, перо, любимое «вольтеровское» кресло, конторка у дивана. И диван, на котором лежал смертельно раненный поэт.

На диван невозможно было смотреть без жгучей

боли. На нем страдал поэт, с мужественной покорностью смотрящий в лицо смерти, а за дверью на кушетке жена охраняла его покой. Известно, что перед смертью Александр Сергеевич попросил моченой морковки, и Наталья Николаевна кормила его с ложечки, стоя на коленях перед диваном...

С этого дивана умирающий Пушкин передал свой перстень-талисман с изумрудом Владимиру Далью со словами: «Даль, возьми на память». А когда Даль отрицательно покачал головой, Пушкин настойчиво повторил: «Бери, друг, мне уж больше не писать».

По зарисовкам В. Жуковского, сделанным сразу после смерти Пушкина, воссозданы интерьеры мемориальной квартиры. В каждой комнате, рассказали нам, есть подлинные вещи, принадле-

К. Бараташвили у памятника А. Пушкину в Пушкинских Горах

стоит в свободной позе, голова высоко поднята, выражение лица вдохновенно, жест открытый, широкий. От памятника, от фигуры Пушкина веяло радостью и солнцем.

Только спустя некоторое время я пришла посмотреть последнюю квартиру поэта на набережной реки Мойки, 12. И вот Дворцовая площадь. Дальше – 10 минут по набережной Мойки и не сразу находишь запертые ворота. Вот, наконец. В этом доме Пушкин закончил «Капитанскую дочку», редактировал журнал «Современник».

В начале XIX века дом этот принадлежал княгине А.Н. Волконской. Сейчас в этом доме музей-квартира А. С. Пушкина, открытый в 1925 году.

Камень у развилки двух дорог в Тригорское и Михайловское

жавшие семье поэта. Чернильница с бронзовым арапчонком, подаренная Пушкину его ближайшим другом П. Нащокиным. Трости для прогулок. Вернувшееся в музей-квартиру кольцо с изумрудом. Портрет Жуковского с дарственной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

На стенах – портреты детей поэта, последний прижизненный портрет Пушкина. В рамке на овальном столике стоял обрамленный акварельный портрет Натальи Николаевны работы Александра Брюллова. Стоял так просто, что хотелось взять его в руки и любоваться прелестною красотой любимой женщины поэта.

Среди подлинных пушкинских реликвий, хранящихся в музее – жилет, в котором Пушкин был на поединке с Дантесом, посмертная маска поэта и медальон с прядью его волос.

В комнате Натальи Николаевны мы увидели ее флакончик для духов, коралловый браслет, кошельки, вышитые бисером и шелком.

Пушкинская эпоха дышала в этих стенах.

К 175-летию со дня его рождения весь Ленинград гудел: выставки, вечера, концерты, экскурсии, спектакли... Праздничными мероприятиями был охвачен весь город.

Это время совпало с нашим страстным театральным увлечением. Мы были влюблены в Ленинградский ТЮЗ, где под руководством З.Корогодского творились чудеса.

ТЮЗ и поставил юбилейный спектакль под названием «Александр Сергеевичу Пушкину посвящается...»

Вернее, это был сборный спектакль, составленный из разных пушкинских спектаклей ТЮЗа. Это было необыкновенное зрелище!

Звучали стихи Пушкина, его повести, сказки.... Сцены из спектаклей «Глоток свободы», «Сказки Пушкина», «В садах Лицея».

Зрители буквально погрузились в пушкинскую стихию. Наряды, прически, убранства. До сих пор помню юные, прекрасные лица. Сами ребята получали удовольствие от игры, и тебя захватывало от атмосферы творчества, веселья и оптимизма.

Это была пушкинская стихия – легкости, гармонии, солнечности...

И весь этот спектакль (который мы смотрели несколько раз!) был художественное утверждение жизни, ее поэтическое «да».

Это было в июне, в начале лета. Добавьте сюда волшебные белые ночи:

Когда прозрачно и светло

Ночное небо над Невую,

и картина нашего чувства благодарного восторга перед Пушкиным и Петербургом будет полной.

Осенью 1974 года, после летних каникул я приехала в Ленинград на свой 5 курс.

В начале семестра студентам делать было нечего, а душа требовала продолжения пушкинского праздника.

И мы, четверо студенток, решили ехать в Михайловское. Подготовились заранее: купили карту «По Пушкинским местам Псковской области», вооружились фотоаппаратами.

С Ленинградского вокзала сели вечером на поезд и в 7 утра были в Пскове. Далее – рейсовым автобусом до Пушкинских Гор, где в Святогорском монастыре было место последнего пристанища поэта. Туда мы и направились в первую очередь. Сначала на юг по отрогам Валдайской возвышенности, потом на запад, 110 км от Пскова.

Утро было хмурым, стоял уже октябрь на дворе, но по мере приближения к Пушкинским горам небо про-

Кабинет А.Пушкина в музее на набережной Мойки, 12

яснялось.

На невысоких холмах, окруженных сосновым лесом, стоял поселок Пушкинские горы, называвшийся ранее «Святые горы». Он вырос вокруг монастыря, на территории древнего городища.

Центральная часть монастыря – Успенский собор – стоит на высоком холме.

С XIX века обитель оказалась неразрывно связанной с именем Пушкина.

В монастыре на фамильном кладбище Ганнибалов-Пушкиных покоится прах деда Осипа Абрамовича Ганнибалы и бабушки Марии Алексеевны, отца, матери и маленького брата Александра Сергеевича – Платона.

Живя в Михайловском, поэт приходил сюда на поклон могилам предков, памятью которых он свято дорожил, и в моменты творческих исканий.

Монастырь в те годы не функционировал, он был частью Пушкинского заповедника. Тем не менее, нам рассказали, что поэт пользовался архивом и библиотекой, которая находилась в светелке «братского» корпуса. В ней, оказывается, хранилась летопись монастыря, в которой отмечено, что первый настоятель обители Зосима участвовал в Земском соборе 1598 года, избравшем на царство Бориса Годунова.

Мы увидели монастырь, окруженный старинной каменной оградой. Две каменные лестницы вели к Успенскому собору и фамильному кладбищу Пушкиных-Ганнибалов.

Мы поднялись вверх по суровым ступеням к этому святому месту.

И хоть бесчувственному телу

Равно повсюду ислевать,

Но ближе к милому пределу

Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа

Младая будет жизнь играть,

И равнодушная природа

Красою вечною сиять.

Эти строки Пушкина выбиты на мраморной стеле, стоящей у входа.

На вершине могильного холма, среди вековых дубов и лип – площадка, обнесённая белой мраморной балюстрадой. Рядом – древний собор. Над могилой бежит мраморный обелиск с выбитым крестом. Памятник, выполненный по заказу вдовы Пушкина и опеки петербургским мастером Пермогоровым, был поставлен четыре года спустя после смерти Пушкина.

Под обелиском – урна с наброшенным на нее по-

крывалом, с надписью на черном гранитном цоколе: «Александр Сергеевич Пушкин. Родился в Москве 26 мая 1799 года. Скончался в Петербурге 29 января 1837 года».

На памятник была надета стеклянная «рубашка», оказывается, это делается в холодное время года, чтобы предотвратить разрушение мрамора.

Нам показали место в южном приделе собора, где в ночь на 6 февраля 1837 года стоял гроб с телом поэта, а наутро была отслужена заупокойная панихида. После чего «тело поэта было предано земле у алтарной стены в присутствии А.Тургенева, Никиты Козлова и двух барышень из Тригорского – Екатерины и Марии Осиповых».

В 1924 году, в годы гонений на церковь, Святогорский мужской монастырь был закрыт, как и многие монастыри и церкви. Святые Горы были переименованы в Пушкинские Горы, что было приурочено к празднованию столетней годовщины со дня приезда поэта в Михайловскую ссылку.

Поклонившись могиле поэта, мы спустились вниз и, ориентируясь по карте, решили сразу идти в Петровское, самую дальнюю усадьбу заповедника. Оно находилось на берегу озера Кучане. По карте расстояние от Пушкинских Гор до Петровского было 9 км, до Михайловского – 7, до Тригорского – 11. Удобнее, с нашей точки зрения, было пройти сначала в Петровское, на северо-восток, обогнуть озеро Кучане, пройти в Тригорское, а завершить путь Михайловским.

Значит, каких-то 15 километров, решили мы. И бодро пошли по лесной дороге, помахая картой.

Погода была великолепная, можно сказать – пушкинская – сухо, ясно, прохладно.

Петровское – родовое имение предков Пушкина Ганнибалов. Оно было подарено в 1742 году императрицей Елизаветой Петровной Абраму Петровичу Ганнибалу – «арапу Петра Великого», прадеду Пушкина за

Увы, мы не знали, что Петровское находится в стадии восстановления. Довольно скоро мы вышли к деревянному каркасу огромной двухэтажной усадьбы. Но вокруг никого не было. Два мощных облетевших дерева рядом стояли молчаливыми стражами.

Мы посидели на скамеечках, невеста откуда взявшихся в этом пустынном месте, пошуршала облетевшей листвой у наших ног, переживая свое невезение.

Правда, нас утешили остатки старинного парка, который сохранил следы планировочных решений с четкой геометрией. Центральная аллея выводила к озерной глади, на другом берегу которой было Михайловское.

Мы не знали, что усадьба в Петровском распахнет двери восстановленного дома-музея Ганнибалов только в июне 1977 года.

Взбодрившись, мы двинули дальше.

Решили идти назад, но, обогнув озеро Кучане с западной стороны, где вблизи протекает неширокая Сороти. И по ходу ориентируемся куда идти – в Михайловское или Тригорское.

Погода нас радовала по-прежнему, ландшафт тешил глаз – к спокойному зеркалу озера слева прибавилась справа извилистая прозрачная лента реки. Видны долину реки Сороти, изумрудные дали лесов и полей уже были тронуты желтизной. Простор и приволье.

Да, природа неброская, но Пушкин был пленен ею.

Интересное возникало ощущение – покоя и нежелания покидать эти места. Я представила, как Пушкин скачет по этим далям, мелькая сквозь деревья, на вороном (кажется) скакуне. Он ведь любил верховую езду и был хорошим наездником. «...Я провожу верхом и в полях все время...» Зимой он как-то упал и писал об этом Вяземскому: «Упал на льду не с лошади, а с лошадей: большая разница для моего наезднического самолюбия».

Быстрая езда спасала его. Каждый раз, когда «бурные кипели в сердце чувства», он велел седлать и мчался по этим просторам, а ветер развеивал его «предлинные черные бакенбарды, которые более походят на бороду», и охлаждал разгоряченное смуглое лицо.

А страстей хватало.

В Михайловском, в 1824 году Пушкин, «усталый изгнанник», лишенный защиты от ударов судьбы и людей, чувствовал себя каким-то загнанным зверем.

У развилки двух дорог, показался огромный серый валун с выдолбленной надписью: «Направо пойдешь – в Михайловское попадешь. Прямо пойдешь – в Тригорское придешь».

Отсюда нужно было шагать еще километра три – по нашим подсчетам. В какой-то момент мы просто заплутали – то ли устали, то ли не разобрались с картой – и пошли уже наобум, в надежде дойти куда-нибудь. Интересно, что за все это время мы не увидели ни единой живой души. Вышли к березовой роще, почти уже облетевшей, и на дороге увидели, наконец, людей. Это были местные торговки – улыбчивые старушки с румяными щеками, похожими на их яблоки, которые они выставили на продажу вдоль дороги.

Мы купили у них целое ведро крепких яблок, и пошли по березовой аллее, грызя их на ходу.

Хотя старушки своим цоканьем и чоканьем в говоре и направили нас, никакой усадьбы еще не было видно.

Шел седьмой час вечера, уже смеркалось. А мы все шли, хотя устали и проголодались. Но когда вдали показались очертания барского дома в Михайловском, мы свернули на еловую аллею и буквально бросились

На берегах Сороти

достойную службу России.

Первоначально деревня называлась, как и озеро – деревня Кучане. Впоследствии имение и деревню переименовали в «Петровское» в честь императора Петра I. При Абраме Петровиче здесь началось возведение дачи. Ганнибал часто приезжал сюда, лично распоряжаясь благоустройством своей вотчины.

Мы представляли себе прекрасное загородное поместье XVIII века со всеми дополнениями – парком, аллеями, газонами, фонтанами...

в бег.

Мы бежали к большому развесистому дубу, к домику няни, мы бежали к Пушкину...

Но, увы, музей уже был закрыт!.. Неужели опять неудача?

Однако дверь в усадьбу была открыта! На крыльце суежилась женщина с ведром. Она сняла половики и начала усердно мыть ступени. Оглянулась на нас с удивлением.

«Музей закрыт, девочки, – заговорила уборщица тем же псковским говором, что и старушки, – поздно прибежали. Приходите завтра».

Мы молчали. «Завтра мы должны быть в Ленинграде и сидеть в лекционной аудитории! Какое там «завтра!» – хотели мы выкрикнуть в ответ, но мы молчали.

«Да я все полы намывши, куда вас пускать», – добавила она задумчиво, глядя на наши опустившиеся лица. Наш удрученный вид, видимо, тронул ее.

«Ну да ланно, усе онно, идите, только ноги вытирайте», – смилостивилась добрая женщина, узнав, что мы студентки из Ленинграда.

И мы осторожно, на цыпочках вступили в переднюю.

Почти двести лет назад, в 1817 году Пушкин впервые приехал в Михайловское: «Вышел из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч...» Приезжал и потом, в годы ссылки в 1824-1826 годы, и в последующие приезды. Он любил Михайловское.

И этот дом был центром усадьбы, где поэт приходил в себя.

Мы прошли переднюю, девичью комнату. Оттуда дверь вела в комнату родителей – с их портретами, брата и сестры поэта. Ценным экспонатом считалась здесь икона семьи Пушкиных «Троица».

В следующей комнате – гостиной-зальце – висели «портреты дедов на стенах» – предков Ганнибалов. А также акварель «Две собаки», написанная сестрой поэта Ольгой.

В столовой мы увидели блюдо, подставки, бокалы из семьи Пушкиных и Ланских, бильярдные шары и кий. Там же находилось пресс-папье из сосны, воспетый поэтом в стихотворении «Вновь я посетил ...» Наверное, ему было место все же в кабинете Пушкина, куда мы с трепетом вступили.

Именно здесь были написаны центральные главы романа «Евгений Онегин», драма «Борис Годунов», поэма «Граф Нулин», более двухсот лирических стихотворений.

В этой небольшой комнате, мысленно переносясь почти на два столетия назад, мы ощутили атмосферу, в которой творил Александр Сергеевич, попытались постигнуть таинство его гения...

Белый камин, в центре – старинный письменный стол, рядом – кресло с откидной спинкой. Книжная полка, невысокая этажерка, на которую Пушкин складывал книги и рукописи, кровать с пологом...

В кабинете было много личных вещей Пушкина: чернильница из имения Гончаровых, подсвечник с колпачком и щипцами, подставка для перьев, подножная скамеечка, подаренная Анной Керн.

На стене – одна из главных реликвий – портрет Байрона с надписью на обороте: «Подарено А.С. Пушкиным Аннет Вульф. 1828 г.»

А вот и знаменитая девятифунтовая железная трость, с которой он гулял по окрестностям.

Я потихоньку приподняла ее – тяжелая! Если вспомнить, что фунт равен 400 граммам, то пушкинская

трость весит около четырех килограммов!

Личные вещи поэта приводят в трепет. Касаясь их, ты будто ощущаешь его присутствие, дотрагиваешься до самого Пушкина. И веришь в его реальность.

Женщина и впрямь оказалась доброй: она не только не взяла у нас ни копейки за просмотр музея (что для нашего скромного студенческого бюджета оказалось весьма кстати), но и терпеливо ждала, пока мы осмотрим музей. Затем она закрыла дом и предложила нам посмотреть усадьбу.

Домик няни располагался слева от входа в дом-музей. Это деревянный флигелечек, половина которого – банька, другая – светелка, в которой в летнее время жила Арина Родионовна. В баньке («мыльне») Пушкин, так же, как и герой его романа, Онегин, принимал ледяные ванны. А долгими зимними вечерами слушал и записывал нянины сказки.

Парк Михайловского представлял собой образец садово-парковой архитектуры XVIII века. Мемориальная еловая аллея была посажена еще дедом Пушкина. Слева от еловой аллеи расположена мемориальная липовая аллея Керн, по которой, по воспоминаниям А.П. Керн, поэт совершил прогулку с ней летом 1825 года. От нее дорожка ведет к «Острову уединения».

С околицы Михайловского открывался чудесный вид на озеро Кучане, вдоль которого мы шли, реку Сорочь, «холм лесистый».

«Не будь в судьбе Пушкина Михайловского, – сказал как-то Михаил Дудин, – у нас, наверно, не было бы того Пушкина, которым мы дышим с детства».

С сожалением мы покидали эти места. Уставшие, но довольные, добрались до Пушкинских Гор, откуда до Пскова и чудом успели к какому-то ночному рейсовому автобусу в Ленинград.

На днях я нашла свое письмо подруге, с которой были в Михайловском.

«С упоительным восторгом прочла (и не один раз! делая выписки) письма Пушкина.

Что обрадовало. 1) Ясность мысли, 2) точность выражений, 3) сочность языка, 4) трудолюбие, 5) отблеск гениальности даже в маленьких его записках.

Поразило благородство души. Ясное понимание и отстаивание истинных ценностей – for example – отстаивал Крылова («он наш классик»), любил Баратынского, Грибоедова тут же признал талантом («...говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту», «...о стихах я не говорю: половина – должна войти в пословицы»).

Серьезнейший человек – судьба государства, литературы – его судьба. Смешливость: «...о други, Августу мои мольбы несите! но Август смотрит сентябрем».

Не знаю, как написаны ответные письма Пушкину (т.е. так же легко, изящно, умно), но письма Пушкина читаются как письма современного человека. Для меня понятие современный человек включает: 1) ясность мысли, 2) напряженность духовной жизни, 3) юмор.

Пушкин раздвигает и эти рамки. Если даже отбросить его талант поэта, то есть, поставить его в обычные условия, то все равно напряженная духовная жизнь поставила бы его все же выше наших самых выдающихся современников». (30 января 1978 г. Новгород)

Позже я переписывалась с Семеном Гейченко, директором Пушкинского заповедника. Письма Пушкина по-прежнему моя настольная книга. В любое время я раскрываю Пушкина на любой странице, и с наслаждением пью божественный нектар Поэзии.

Я счастлива, что прикоснулась к этому чудесному явлению России.

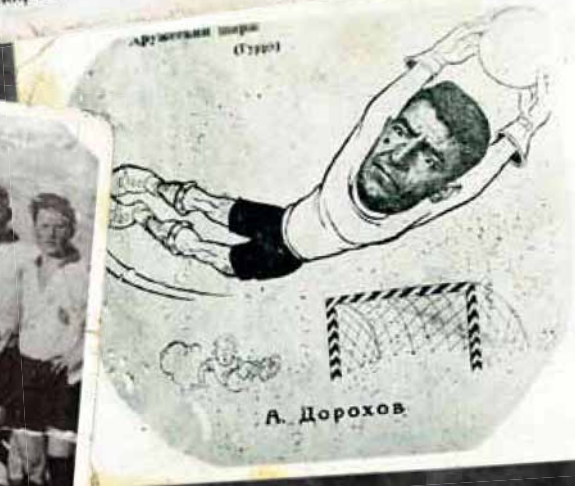
Клара БАРАТАШВИЛИ

Момент игры у ворот «Динамо». Слева направо: Качалки, Шавгулидзе, Ларринага, Дорохов.
Фото И. Фигурова

ВАКУ 2014 1930Р ОРУТВ. НЕУЛЛГОР ТИФЛИСА ДИНАМО

ВРАТАРЬ НА МЕСТЕ!

Мой собеседник не спешил с ответом и я его не торопил. Было это несколько лет назад, на квартире Михаила Пираева, и мой вопрос, кого из своих коллег он особо выделял – Хомича, Леонида Иванова, Маргания, Льва Яшина, Серго Котрикадзе, был адресован по адресу.

Михаил Яковлевич начинал свой путь в большой футбол с дворовых команд, пробежал за сравнительно короткий срок до золотой медали чемпиона СССР и крупнейших стадионов Англии, Венгрии, Бельгии, Болгарии, Польши, Турции. Он после долгого раздумья отвечал: «Все же Дорохов. Хотя его, возможно, превосходил Владислав Жмельков, московский спартаковец. Он еще потом играл за тбилисский «Спартак» и ТОДО». Страж ворот динамовцев Тбилиси, кумир мальчишек 30-х годов, дружил с футболистом Сергеем Кузьминым, соседом Пираева по дому №73 на Николаевской (Калинина) улице, и это ему подражал Миша, дороховским прыжкам, в кровь разбивая колени о жесткий, как наждак, асфальт двора, и бегая смотреть его игру на старом стадионе, напротив знаменитого ТАУ.

Родился Александр Дорохов 20 июня 1911 года в

А.Дорохов с дочерью Лилией. 1941

поселке Сурами, но уже двух месяцев от роду переселился с родителями в Тбилиси, рос и мужал на Потийской улице, в районе Дидубе, который дал грузинскому спорту немало замечательных спортсменов, к числу которых, ни минуты не колеблясь причисляют и Александра Антоновича Дорохова, кому в этом месяце исполняется круглая дата – 100 лет со дня рождения.

Дорохов – фигура знаковая не только в футболе Грузии, но и всего его поколения, а судьба, яркая и трагическая, могла бы служить основой сценария не одного фильма, как «Вратарь» – рассказанная Львом Кассилем история Антона Кандидова, заставлявшего рукоплескать трибуны в матче с турецкими футболистами. Что касается встреч с турецкими игроками, то и здесь не обошлось без дороховского участия.

Как вспоминал Александр, его сверстники начинали соревноваться в знаменитой игре по территориальному признаку. Их главным противником была команда Боржомской улицы. В этой команде играли в дальнейшем известные футболисты – братья Владимир и Михаил Бердзенишвили, в будущем его одноклубники и единомышленники. А пока у нас в команде «Нит-

Александр Дорохов

фабрика» было два мяча, вспоминал не без гордости Дорохов и добавлял: скоро приобрели и майки. За амуницией пришла и первая победа в городском первенстве 1926 года в четвертой группе. Шура числился запасным нападающим и был горд своим спортивным амплуа. Через два года команда вступила в союз металлостроителей и вместе с первой командой «Металлиста» участвует в городском первенстве. Играют с первой и второй командами «Динамо».

20 сентября. И тут вмешивается его величество случай. В их команде не объявляется на игру вратарь Михаил Зукакишвили, и Шуру, как запасного, облачают в зеленый свитер Зукакишвили и ставят в ворота. Справедливость требует сказать: кроме него, из полных игроков на тренировках голкипером никто не стоял. Лиха беда начало, преодолен стартовый, вполне понятный страх. Дорохов после первого взятого мяча действовал уверенно. Матч закончился вничью – 2:2. А первая их команда победила динамовцев со счетом 5:1 и они в общем зачете стали чемпионами Тбилиси.

В то время вторая команда «Металлиста» не особенно уступала в силе первой, и потому Шура не удивился, когда по окончании игры к нему подошли капитан динамовцев Шота Шавгулидзе и тренер Ассир Гальперин и предложили перейти в «Динамо». У «Металлиста» тогда своего поля не было. Шура увидел в этом предложении возможность профессионального роста, согласился. Вместе с ним в «Динамо» перешел Михаил Минаев.

В динамовском коллективе под руководством опытных вратарей Николая Солонина и Александра Попкова молодой Дорохов постигал вратарскую профессию. Играл во второй команде «Динамо», одновременно вплоть до 1933 года работал слесарем на заводе имени Калинина.

То было время междугородных встреч, и уже в самом начале 30-х Александр участвует в турне, посещает Баку, Махачкалу, Грозный, Новороссийск, Сухуми. Провели 12 матчей – восемь побед, три ничьих, один проигрыш.

Из Сухуми их срочно вызвали в Тбилиси. По приезде узнали причину спешки – московский «Пищевик» обыграл две грузинские команды. Предстояло защищать престиж грузинского футбола. Тот матч выиграли тбилисцы – 5:3. Победа из числа тех, которыми можно гордиться. За «Пищевик» играли известные футболисты: братья Александр и Андрей Старостины, Станислав Леута, Петр Исаков, вратарь Иван Филиппов.

В апреле 1933 года Дорохов переезжает в Иваново-Вознесенск, в команду «Основа», вместе с тбилисскими футболистами Андро Жордания и Константином Аникиным, и 2 мая их ждет игра с уже знакомым московским «Пищевиком», который сейчас зовется «Дукатом». За «Дукат» играют члены сборных Москвы и СССР. Эту игру ивановцы выиграли, как и со сборной народных домов Турции – 7:4. До приезда в Иваново турки провели три встречи со сборной Москвы (2:7), Ленинграда (3:3), сборной СССР (2:1). Все мячи турецкой сборной забил ее центрфорвард Вахаб, игравший в лучших командах Англии и Франции. Каждый его мяч, взятый Дороховым, вызывал восхищение бомбардира, он вскидывал руку вверх и восклицал: «Гуд!»

После победы ивановцев в еще одном международном матче – со сборной рабочих Испании – 17:1 (гости проиграли сборной Москвы – 0:12) в газетах появились письма с предложением встретиться сборным-победительницам в Москве. Дорохов был знаком с игрой московских футболистов, но играть против сборной да еще в гостях ему не приходилось. «Ничего не бойся. Все будет хорошо», – успокоил его Жордания. После того памятного матча (3:3) Шура с Аникиным вернулись в Тбилиси, оба стали играть в «Динамо».

В 1935 году сборная Закавказья – участник антифашистских игр в шведском городе Гетеборге, победила в четырех встречах рабочие команды Норвегии, Дании, Швеции (еще три закончила вничью) и стала чемпионом Игр. За команду-победительницу выступали: В. Макогонов, Р. Рейх, В. Пацевич, С. Петросян, А. Амирджанов, А. Маркаров (все – Баку), А. Дорохов, Ш. Шавгулидзе, Д. Чумбуридзе, К. Аникин, М. Бердзенишвили, И. Панин, М. Болотин, М. Асламазов (все – Тбилиси).

В середине 30-х сборная Грузии становится чемпионом Закавказья.

Набирается сил и динамовская команда, которая удостаивается лестного прозвища «южных уругвайцев», быстро выдвигается в число одних из лучших в стране.

По возвращении из Скандинавии тбилисцев ожидает подарок – новый стадион в столице с прекрасным травяным газоном. В воротах блистает король воздуха Дорохов – высокий, красивый, огорчающий своим мастерством бомбардиров с пушечными ударами, разгадывает их замыслы, отводя угрозу от своих ворот.

В 1933 году Дорохов – третий в списке «33 лучших», после харьковчанина А. Бабкина и киевлянина А. Идзковского, в 1937-м – третий после москвича А. Акимова и киевлянина Н. Трусевича (героя «матча смерти» с немцем «Люфтваффе», расстрелянного фашистами в 1942 году), в 1938-м – второй после А. Акимова.

Пик популярности Дорохова приходится на приезд команды Басконии в 1937 году, в которой играли семь футболистов испанской сборной, участницы чемпионата мира 1934 года, испанцы тогда дошли до полуфинала. Годом раньше в Испании началась гражданская война, и сборная басков с целью сбора денег для республики совершила турне по ряду европейских стран, с триумфальным успехом. Игры испанцев, а в их составе играли выдающиеся мастера Регейро, Лангара, Иррагорри, вызвали в советской стране футбольный бум, небывалый ни до, ни после. Конечно, была поставлена задача хозяевам и гостям посмотреть, и себя показать. Только почему-то решили играть против одного из сильнейших в мире футбольного коллектива не на уровне сборных, а клубных команд. Первой жертвой басков стал московский «Локомотив» – обладатель Кубка СССР 1936 года, крупно проигравший (1:5). Предметный урон, после которого надо было принимать срочные меры. Московское «Динамо» также не снискало на поле лавров – 1:2.

Дорохов, как и Шавгулидзе, вызванный в пожарном порядке в Москву, сидел с капитаном тбилисцев на совещании в Комитете по делам физкультуры и спорта при СНК СССР, слушал старшего тренера Владимира Дубинина, разбор матчей с басками и главную задачу – как играть против выдвинутых вперед испанских форвардов. «О, это прекрасно, – думал он, – закрыть Лангару, но кто сможет закрыть Лангару?»

Наступил день матча сборной «Динамо», усиленной игроками Ленинграда, Тбилиси, Киева. Погода ненастная, накрапывает дождь. «Погода нам на руку. В дождь испанцы играют очень плохо», – говорит Дубинин, настраивая игроков подремонтированного московского «Динамо». К 20-й минуте Дорохову удается взять два трудных мяча, пробить Лангарой и Гарастисом. Но знаете, какой счет был в то время? 4:0 в пользу басков.

Дорохов, бывший участником трех матчей грузинских футболистов с басками, вспоминал: «Во время одной из атак басков Лангара, находясь в штрафной площадке, сильно пробил по воротам. Я беру мяч в верхнем углу, но при этом сильно ушиб спину и не сразу смог подняться. Вижу: ко мне мчится Лангара. Подумалось, хочет затолкнуть в ворота вместе с мячом. Вскочив, ложным приемом избегаю столкновения и выбиваю мяч в поле. Лангара хлопает меня по плечу и громко произносит: «Замора, Замора!» Сравнение с легендарным испанским голкипером Рикардо Заморой для меня, молодого футболиста, было очень почетно и радостно».

Вратарь басков Грегорио Бласко, видевший игру Александра в трех матчах, сказал: «Из всех советских вратарей больше всех мне нравится Дорохов, который особенно хорошо сыграл в первом тбилиском матче. Прекрасная хватка, реакция на мяч, своевременный

выход из ворот в соединении со свободной игрой на штрафной площадке – все эти качества отличного вратаря».

Сам Дорохов лучшим в своей спортивной биографии считал кубковый матч с ЦДКА 1939 года.

В 1/16 финала тбилисцы встречались с батумским «Динамо» и победили – 5:3. Отправляются в Москву. Дорохов на несколько дней исчезает со сборов. За день до матча появляется и объявляет, что женился. Об его участии не может быть и речи. Дорохов ходит по пятам за капитаном Шавгулидзе, старшим тренером Михаилом Бутусовым – просит простить его проступок и поставить в ворота, хочет искупить свою вину перед командой. Его просьбу уважили.

Никогда он еще не играл так вдохновенно. Армейцы атаковали два тайма. Дорохов не имеет ни минуты покоя. Играет как в тумане. Бросается то в один угол ворот, то в другой. У него словно крылья появились. Особенно огорчается Григорий Федотов. Он бьет по динамовским воротам из любого положения, но все без толка. Дорохову нипочем его пушечные удары, они ему нравятся, разгадывает все замыслы и выходит победителем. Потрясающий факт: Григорий Федотов, первый из советских футболистов забивший 100 мячей во всеобщих чемпионатах, основатель клуба бомбардиров, за свою блистательную карьеру не смог забить ни одного мяча в ворота Дорохова! Дорохов единственный мог гордиться таким результатом.

А ларчик просто открывался! Дорохов досконально изучил удары армейского центрфорварда. Их обоих пригласили участвовать в съемке учебно-тренировочного фильма. Так сказать, урок на всю жизнь.

Истекали последние минуты матча. Армейцы по-прежнему в атаке. Впереди стоит в одиночестве Аслан Харбеция. Дорохов забирает в руки опасно пробитый мяч и вбрасывает далеко в поле. Перед Харбецией два защитника. Крайний нападающий тбилисцев обходит обоих и неотразимо бьет по воротам – 1:0.

Армейцы так и не смогли обыграть разыгравшегося вратаря. На последних минутах Федотов в очередной раз убежал от тбилисских защитников. Выходит один на один с Дороховым. Дорохов с быстротой молнии выходит из ворот и забирает мяч в ногах Федотова. «Что ты со мной делаешь, Шура!» – кричит форвард и хватается за голову. Тбилисцы победили в том памятном матче.

Может быть, в той игре я почувствовал, что это мой последний сезон в тбилиском «Динамо», вспоминал Дорохов.

Дорохов – один из героев фантастического матча 18 ноября 1939 года. В Тбилиси динамовцы принимали ЦДКА. Армейцы на финише чемпионата в случае ничьей гарантировали себе второе место, а динамовцы, выиграв они, опережали соперников и впервые в истории клуба занимали столь высокое место. К перерыву москвичи вели со счетом 4:1. Но по окончании этого матча, изобиловавшего голами, поздравляли уже динамовцев – 5:4. Незадолго до финального свистка Федотов завладел мячом и с угла вратарской площадки пробил в ворота неотразимый, казалось бы, мяч. Дорохов в немыслимом шпагате преградил путь мячу, выбив его на корнер.

В 1940 году 28-летнего вратаря, находившегося на пике спортивного мастерства и популярности, отчислили из команды. Официальная версия – нарушения спортивного режима. Сам он не особенно распространялся на этот счет. Но достаточно красноречиво его признание: «Особенно надо избегать знаков «уважения» со стороны болельщиков. «Шура, мой друг, ты сегодня блистал, как солнце, выпей один стакан за наш футбол», часто говорили мне мои «друзья». Я не проявлял должной воли. Пил один стакан с одной группой,

второй - со второй, и такое «уважение» рано отдалило меня от футбольного поля».

Я был свидетелем такого назойливого внимания от непрошенных друзей, когда Михаил Месхи вылил бокал вина на голову «почитателя» в ресторане гостиницы «Иверия». В спорте, к сожалению, не пьет порой разве что ленивый. Но обижаться на друзей, с которыми годами делил и радость и беду, съел пуд соли, держать обиду на родной коллектив, вместе с Шота Шавгулидзе, Михаилом Бердзенишвили, Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджелава, Асланом Харбеция, Виктором Бережным и другими, когда надевал перчатки и бился не щадя сил? С кем связаны все его успехи?

И не могло руководство команды вот так просто отчислить, бросаться своими лучшими футболистами, которыми она была славна и любима.

Борис Соломонович Пайчадзе, лучший футболист Грузии XX века, 28 декабря 1971 года на юбилейном вечере, посвященном 60-летию со дня рождения и 40-летию спортивной деятельности ветерана футбольной команды мастеров тбилисского «Динамо» Александра Дорохова, сказал: «Лично я считаю Дорохова лучшим вратарем тбилисского «Динамо» всех времен».

Я больше склоняюсь к мнению дочери вратаря – Лилии Александровны Вашакидзе-Дороховой. Обида отца связана с конкретными наградами, которые его обошли стороной. Но эту тайну он унес с собой.

«Как мало нас, Дороховых, осталось, кроме меня, племянницы и внучки, которая ухаживает за мной», – говорит мне Лилия Александровна, ветеран труда, педагог английского языка, четыре десятка лет отдавшая школе. Несколько лет назад, потеряв сына, она после инсульта приходит в себя с трудом, собирая силы, пишет аккуратным, каллиграфическим учительским почерком подробности своей родословной, которая уходит к прототипу толстовского Долохова - Руфину Ивановичу Дорохову (1801-1852) – офицеру, сыну генерала Отечественной войны 1812 года.

После тбилисского «Динамо» были выступления за ереванский «Спартак», тбилисский «Спартак», потом по совету известного радиокomentатора он переехал в Минск, играл за местных одноклубников, дебютантов класса «А», за «Стахановец» из Сталино, но это был уже другой Дорохов, другие команды, послевоенные годы, голодные, неустроенные, тренерская работа с малоизвестными коллективами, в которых он выглядел великаном, вратарь - новатор, стоявший у истоков тбилисского «Динамо», занесенный в футбольную энциклопедию мира.

Перешел на тренерскую работу, старался передать ученикам весь свой опыт одного из зачинателей грузинской школы футбольных вратарей, помогал вырасти в настоящих мастеров.

Любопытны его профессионально точные оценки коллег- вратарей, которыми всегда славилось тбилиское «Динамо»:

«Одним из первых был Г.Чхиквадзе. Высокий, подвижный спортсмен. Ему особенно удавалось брать высокие мячи. Играл просто и очень энергично. Первый международный матч провел в команде бакинских нефтяников против англичан.

Александр Попков играл в сборной Грузии. Совершал поездки со сборной Закавказья. Его игра базировалась на прыжках. Путем отличных прыжков Попков мог красиво брать почти безнадежные мячи.

Георгия Багдоева отличали простота и точность в игре, высокая спортивная культура. В те времена вратари редко выходили вперед. Для Багдоева была привычной игра на штрафной площадке.

Давид Цомае. Вратарь и капитан, и в обеих ролях был необыкновенно хорош. Принимал участие в матчах с немецкими и норвежскими командами. Играл быстро,

легко, хорошо выбирал место в воротах, руководил игрой защиты и активно выходил вперед, в штрафную площадку.

Николай Солонин. Замечательный вратарь своего времени, у которого я многому научился. Как правило, я нес на стадион его спортивный чемоданчик, во время игры сидел за воротами Николая. Его характеризовали отличная техника прыжка, частые выходы из ворот; защитники играли надежно, зная, что ворота защищает этот вратарь высшего класса.

Сергей Шудра. Спокойный, уверенный в своей силе вратарь. На протяжении всей спортивной карьеры показывал стабильную, ровную игру, действовал просто, но в то же время очень полезно. Наилучшим образом выбирал место.

Амиран Ткебучава. Рано перестал играть из-за травмы, но оставил незабываемые впечатления. Необыкновенно понимал игру, всегда был внимателен и правильно оценивал положение. Действовал безошибочно на выходах в штрафную площадку, и во время игры с низкими мячами. Если бы не болезнь, Ткебучава бесспорно вошел бы в число сильнейших советских вратарей.

Вальтер Саная. Этого вратаря отличала очень сложная игра, основанная преимущественно на прыжках, если что мешало ему показывать более высокий класс, то это стремление к эффектам. Редко я встречал наделенного такими талантами вратаря.

Владимир Маргания получил всеобщее признание как вратарь высшего класса. Он обладал несравненной реакцией, играл в своеобразном, марганиевском стиле. Удивительная интуиция позволяла ему брать невозможные для других мячи; очень много времени уделял тренировки.

Михаил Пираев. В матчах всесоюзного первенства и в международных встречах прославился надежной, стабильной игрой. Хорошо видел поле, выбирал место в воротах. Обладал удивительно быстрой реакцией и «кошачьим» прыжком. Кроме того, смело вступал в борьбу с нападающими.

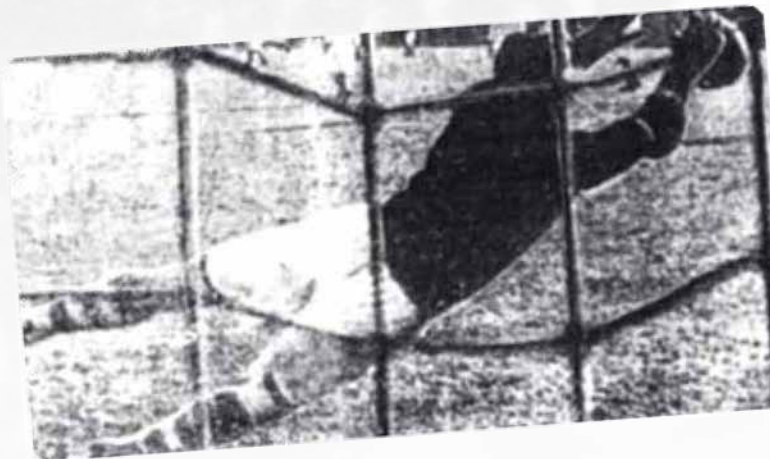
Сергея Котрикадзе я знал с детства. Уже на первой тренировке убедился, что он обладал всеми необходимыми качествами вратаря. Котрикадзе очень гибкий, надежно забирал мяч в руки, много двигался в воротах, для него характерны хорошая реакция и наилучшие прыжки. Достоинство утвердился в рядах сильнейших вратарей нашей страны.

Рамаз Урушадзе. Медленно, но убедительно достиг класса игры, который позволил ему войти в сборную. Спокойствие и крепкие нервы, умение оценить сложную ситуацию обеспечили ему репутацию прекрасного вратаря».

В последние годы, пока позволяло здоровье, Александр Дорохов часто бывал в служебном кабинете Бориса Пайчадзе, в окружении ветеранов грузинского футбола, вспоминал лучшие годы своей жизни, с ними связанные, себя - стража динамовских ворот.

Чудо в зеленом свитере.

Арсен ЕРЕМЯН

ЛЮДИ XXV ВЕКА

Трагична история духоборческой общины, возникшей в России во второй половине XVIII века в знак протеста против обрядности и догм официальной церкви. Духоборцы не желали называться сектой, они считали себя частью христианского направления, но руководствовались при этом живым словом своих пророков, рассказами, которые они составляли как по своим историческим преданиям, так и по заповедям Христа. Поучения или псалмы они изучали наизусть, поскольку не владели грамотой, как и почти все выходцы из крестьянской среды. «В конце XVIII столетия, - пишет историк П.Бирюков, - вдруг являются люди, не только отвергающие все обряды и установление греко-русской церкви, но даже не приемлющие и таинства крещения водою и причащения тела и крови Христовой под видом хлеба и вина. Они отовсюду терпели гонения...»

В 1750 году в Тамбовской губернии России появился некто Савелий Капустин, который стал объединять вокруг себя людей, проповедуя духоборчество, отрицавшее рукотворные атрибуты веры. Религиозными символами духоборцы признают хлеб, соль и кувшин с водою, которые ставят на стол во время чтения псалмов.

Нравственный устав духоборцев гласит: «Будь благоразумен, не все, что видишь, желай, не все, что можешь, делай, но только то, что должно. Будь воздержан, без алкания пищи не употребляй, без жажды не пей, более пьянства яко ада бегай. Будь кроток, не подерзлив, больше молчалив, нежели говорлив.

Ничего чужого не желай, колыми паче не крадь, а в чем имеешь нужды сыскивай трудом. Что взаимы взял, отдай, что обещал – исполни, будь к трудам охотлив, оставляй праздность ленивым. Также будь к вышнему послушен, с равными обходителен; никому не завидуй, доброжелательствуй всем – сие храни, то и будешь благополучен».

Духоборцы отвергают канонический текст Священного Писания, но приняв евангельскую заповедь «не убий», они выступали против любой службы в царской армии, чем вызывали недовольство властей.

Пережив острый кризис в связи с утратой доверия к Капустину, присвоившему полномочное право распоряжаться общими средствами и имуществом, за кото-

рым последовала новая волна преследований в период царствования Николая I в Закавказье, духоборцы переселились в Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии.

Гореловка – одно из сел духоборцев, где расположена молельня «Сиротский дом».

В «Сиротском доме», в специально построенных покоях, собираются духоборцы для общения со всевышним. Во дворе стоит огромный камень – монумент с фамилиями праведников – духоборцев, похороненных на территории близ Гореловки, называемой «могилками святых», почитаемыми духоборцами всего мира.

В жизни великого русского писателя Льва Николаевича Толстого трагический период истории закавказских духоборцев 1895-1899 годов занимает видное место.

История в дальнейшем убедительно развеет реакционную религиозную духоборческую философию непротивления злу насилием, поднятую позднее на щит великим русским писателем Л.Н.Толстым и его последователями – толстовцами.

Толстой называл духоборцев «людьми XXV века», чьи идеи могут быть реализованы только через 500 лет.

Религия – что должно бы объединять человечество, на самом деле всю историю разделяла народы и нации. Л. Н. Толстой пытался на практике реализовать глубинные принципы духоборчества, как он их понимает: верит, что Бог присутствует в каждом из нас без

исключения, что поэтому неправильно убивать какое бы то ни было человеческое существо, и что Царство Божие – внутри нас.

Вот цитаты из газет тех лет: «Особый народ, особое теократическое государство...», «В каждом из них рождается Христос, у них нравственная высота воззрений изумляет...», «Они против войны, против службы в армии, взяли и сожгли все свое оружие...».

Пантеизм Толстого отрицает христианское представление о боге и так обосновывает веру в бога: «Верю я в следующее: верю в бога, которого понимаю, как Дух, как Любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать богом и которому молиться – считаю величайшим кощунством».

«Бог есть жизнь», - говорит Л.Н.Толстой в «Исповеди» и идеалистически поясняет: «Бог – это то все, бесконечное все, чего я созная себя частью. И поэтому все во мне граничит с богом и я чувствую его во всем». «Бог – это неограниченное все то, что я знаю в себе ограниченным; я тело ограниченное, и бог – тело бесконечное, я существо, жившее 63 года, бог существо, живущее вечно; я – существо, мыслящее в пределах моего понимания, бог – существо, мыслящее беспредельно; я – существо, любящее иногда немного; бог – существо, любящее бесконечно. Я - часть, он - все».

Справедливость оценки критических элементов

учения Л.Н. Толстого в наиболее яркой форме вскрывается в предпринятой его последователями попытке осуществить это учение на практике в секте духоборцев.

Такое значительное проявление христианского религиозного чувства среди малограмотного, но одаренного высшим разумом русского народа, конечно, не могло не вызвать горячего сочувствия в Толстом. Можно с уверенностью сказать, что этот религиозный подъем среди духоборцев в эти годы совершился не без влияния сочинений Льва Николаевича.

В первом своем письме кавказским духоборцам, которые отказались от солдатской службы и сожгли оружие, он писал: «Вы первые показываете пример хождения по пути Христову...» В духоборцах Толстой увидел людей, первыми на практике осуществляющих его идеи. Голос великого писателя земли русской, поданный в их защиту, был услышан во всем мире. А последователи Л. Н. Толстого – толстовцы противопоставляли практику непротivления злу насилеиm духоборцев всей революционной борьбе, подняли ее на щит.

Все российское сектанство толстовцы произвольно делили на три группы. К первой, по их мнению, относились секты, где стремление к духовной свободе превышает силы разума (надо понимать мистические), ко второй, где это стремление ослабевает (рационалистическое), и к третьей, где человек неустанно идет по пути духовной свободы. К первой группе относились скопцы и прыгуны, ко второй – баптисты и молокане, к третьей – духоборцы и некоторые другие.

Один из последователей Л.Н.Толстого князь Дмитрий Хилков начинал как блистательный военный, у него была фантастическая карьера, ему было 20 с небольшим лет, он был подполковником. И вдруг он встретил духоборцев, во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов, у них там стоял их полк, и так получилось, что он побывал в духоборческом селе, вот откуда интерес к духоборцам у толстовцев.

С 1891 года началась пропаганда толстовского учения среди духоборцев. Административно высланные в Закавказье толстовцы князь Хилков, Бодянский, Дубченко и другие, найдя исповедание веры духоборцев крайне извращенным, принялись за исправление его и издали духоборческий катехизис в новой исправленной редакции под названием «Исповедная песнь христианина». Толстовцы неделями проживали в разных духоборческих селах, вели с духоборцами беседы, читали письма и указы Петра Веригина. Приезжал к духоборцам и редактор толстовского издательства «Посредник» П.И.Бирюков. Многие духоборцы переписывались с Л.Н.Толстым. Большим событием для них стало письмо писателя к Николаю II, в котором просил пересмотреть законы о гонениях за веру и прекратить преследование сектантов и уничтожить всякие ограничения религиозной свободы.

Толстой бесстрашно выразил требования народа в нужный час.

В 1887 году на Кавказе была введена всеобщая воинская повинность, после которой стали призывать и духоборцев, доселе освобожденных от воинской службы. Но духоборцы по-прежнему исповедовали отказ от воинской повинности, и 29 июня 1895 года, в день святых Павла и Петра, в пещерке, расположенной недалеко от Гореловки, сожгли собранное со всей общины оружие в знак протеста против зла и насилия. В акции уничтожения оружия в Ахалкалакском уезде приняли

Участники Толстовских дней в Грузии в гостях у духоборцев в Гореловке

участие духоборцы семи селений, всего около 2000 человек.

Это событие, случившееся 29 июня 1895 года, осталось в истории как незабываемый подвиг, символизовавший отказ духоборцев от войны, убийства и насилия, и даже службы в армии. Царское правительство приговорило всех мужчин общины к порке плетьюми, а старейшины были заключены в тифлисский острог.

Духоборцев, преследуемых царским самодержавием, защищало все прогрессивное общественное мнение.

Огромна роль великого писателя в поддержке духоборческой общины, ведь именно она на практике осуществила его идеи непротивления злу насилием. «Вы первые показываете пример хождения по пути Христову...» - писал Лев Николаевич духоборцам. Великий писатель стал покровителем духоборческой общины.

Зимой 1894 – 1895 годов кружок толстовцев узнал, что в Московской пересыльной тюрьме находится руководитель духоборческого «коммунистического» движения Петр Васильевич Веригин. Решили в приемный день идти в тюрьму на свидание, но выяснили, что П. В. Веригина отправляют особым этапом в Сибирь и увидеться с ним уже не удастся. Тогда решили повстречаться с приехавшими в Москву духоборцами, остановившимися в гостинице «Петербург» у Красных Ворот. Вместе с кружковцами пошел и Лев Николаевич.

Л.Н.Толстой расспрашивал духоборцев о жизни и взглядах.

На его вопросы, свидетельствует П. Бирюков, они отвечали согласием со взглядами писателя. Беседа продолжалась около часа. Толстовцы передали духоборцам несколько книг и рукопись Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас».

Видная грузинская общественная деятельница, последовательница толстовцев Екатерина Петровна Накашидзе обратила внимание Л. Н. Толстого на положение духоборцев. Она регулярно информировала об их положении видных толстовцев Черткова и Трегубова, организовала среди местной интеллигенции сбор средств в пользу гонимых.

Движение духоборцев сыграло большую роль и в сближении известного грузинского общественного деятеля и литературного критика Ильи Петровича Накашидзе с Л. Н. Толстым. Когда началось гонение на кавказских духоборцев, И. Накашидзе в 1896 году выехал в Ясную Поляну для переговоров писателем об организации помощи духоборцам.

Л.Н.Толстой подробно расспросил И. Накашидзе о положении сектантов и обрадовался, что далеко в Грузии есть люди, придерживающиеся в своей жизни его религиозно – этических принципов, не зная его учения. Лев Николаевич тут же написал письмо духоборцам и попросил передать его им. В этом письме писатель одобрял действия духоборцев и призвал их к терпению. По возвращении в Грузию И. Накашидзе поддерживает тесную связь с Л.Н.Толстым.

Вскоре к нему с письмом от Льва Николаевича приезжает англичанин Артур Синджон, привезший деньги, собранные для духоборцев в Англии. И. Накашидзе, А. Синджон и Леопольд Сулержицкий разъезжали по деревням и встречались с духоборцами. За это полицмейстер Тифлиса Мاستицкий приказал И. Накашидзе покинуть Грузию. Л. Н. Толстой устроил его в Москве, где он продолжал заниматься делами духоборцев.

Толстой предал широкой гласности все те жестокости, которые совершало царское правительство в отно-

шении духоборцев.

Толстовцы В.Г.Чертков, И. М. Трегубов и П. И. Бирюков опубликовали в Петербурге еще в 1896 году воззвание «Помогите!» с послесловием Л. Н. Толстого. Оно было переведено на французский язык и распространено в Италии, Франции и Испании. В Лондоне была опубликована брошюра П.И.Бирюкова «Гонение на христиан в России», которой Л.Н.Толстой предпослал предисловие с эпиграфом: «В мире и будете иметь скорбь, но мужайтесь, я победил мир».

К редактору одной шведской газеты он обращается с открытым письмом, в котором предлагает присудить духоборцам Нобелевскую премию, «никому с большей справедливостью не могут быть присуждены те деньги, которые Нобель завещал людям, послужившим делу мира».

Это требование стало большим событием для духоборцев, ведь их писатель признал поборниками установления всеобщего мира.

Российское общество бурлило, Лев Толстой призвал к сбору пожертвований в пользу духоборцев через газету «Русские ведомости» и выделил 12 тысяч рублей - часть гонорара за издание романа «Воскресение». Жертвовали и другие. Решив помочь духоборцам переселиться, Л. Н. Толстой развертывает громадную пропагандистскую и организаторскую работу. Переселить в чужую страну многотысячную массу разоренных репрессиями людей было дело нелегкое. По приблизительным расчетам на осуществление этой задачи требовалась колоссальная сумма – более 700 тысяч рублей. К этому необходимо добавить помощь духоборцам, выселенным из родных мест, на что также нужны были немалые средства. Где их взять? Как собрать такую сумму в нелегальных условиях, ибо правительство моментально конфискует всякие пожертвованные суммы, как только их обнаружит. Нужно подыскать место для переселения, получить согласие иностранной

*Предметы быта
и символы веры
духоборцев*

державы, организовать сам процесс переселения. Только громадный авторитет великого русского писателя и его личное участие помогли осуществить эту задачу.

Л. Н. Толстой пишет огромное количество писем и личных обращений к редакциям газет, богатым людям, квакерам, эмигрантам и другим с призывом дать средства на переселение духоборцев.

Деньги, собираемые для духоборцев, хранились, благодаря содействию одного из директоров Московского торгового банка А.Н.Дунаева, на счету дочери писателя – Татьяны Толстой. Так как официально проводить сбор пожертвований царское правительство не разрешало, то Л. Н. Толстой попросил А. Н. Дунаева дать ему адреса богатых людей, к которым он обратился лично за помощью. Дунаев прислал список в 30 фамилий. В Англии был создан совет комитет содействия переселению духоборцев, с которым Л.Н.Толстой связывал всех иностранных доброжелателей. Так, например, из Франции от К.Ф.Вилларда, члена общины «Christian Commonwealth» поступило предложение устроить духоборцев в Техасе (США). Английские квакеры добились разрешения на переселение духоборцев на остров Кипр. Было решено направить туда первую партию, чтобы проверить подойдет ли это место по своим природным условиям или нет. Л. Н. Толстой предложил художнику, а впоследствии видному режиссеру МХАТа, своему последователю Л.А.Сулержицкому сопровождать духоборцев в этой поездке.

На следующий год более тысячи духоборцев выехало на Кипр. Князь Хилков выехал на Кипр заблаговременно, чтобы подготовить встречу духоборцам. Однако, как выяснилось, условия там оказались тяжелыми: лихорадка начала косить людей – умерло около 60 человек.

С Кипра продолжают поступать худые вести о том, что духоборцы не переносят жаркого климата. Наконец-то, от профессора Джемса Мевора из Торонто поступило сообщение, что его хлопоты перед канадским правительством о разрешении заселения духоборцами Канады увенчались успехом. Канадское правительство дало разрешение на переезд духоборцев в Канаду. Это была обоюдная заинтересованность, так как на западе Канады были обширные целинные земли, нуждавшиеся в обработке и подготовке к посевам. Духоборцы же были историческим крестьянством и, имея колоссальный опыт земледелия, выражали готовность к труду.

Судьба духоборцев в России стала известна всему миру, вызвала много возмущений в адрес царского правительства. В конце концов, царское правительство

согласилось отпустить духоборцев из России в Канаду. Такое разрешение 24 февраля 1898 года было вручено в канцелярии Тифлисского губернатора представителю духоборцев Ивану Обросимову.

Духоборцам в разных городах Канады были приготовлены помещения для временного жительства, выстроены печи для выпечки хлеба и установлены котлы для варки пищи.

Первый пароход «Лэк Гурон» с партией духоборцев прибыл в Канаду во второй половине января 1899 года. Л. Н. Толстой много поработал над тем, чтобы обеспечить хорошие условия для переезда переселяемых. Духоборцы в чужой стране, не зная языка и обычаев, были бы беспомощными. Писатель послал с духоборцами своего сына Сергея Львовича Толстого, Л.А. Сулержицкого. С духоборцами поехали В.Д.Бонч-Бруевич и его жена В. И. Величкина, фельдшерицы Е. Д. Хирьякова и А.М. Чехович, всего около 20 человек сопровождающих. Удалось зафрахтовать четыре парохода для переезда людей в Канаду, причем один из них вывез кипрскую колонию духоборцев.

В 1899 году переселение было в основном завершено: всего в Канаду прибыло 7631 человек.

В настоящее время в Канаде самая большая духоборческая община в мире – до 40 тысяч членов.

Духоборцы Грузии свято берегут обычаи, традиции, национальную одежду предков.

Из более 6 тысяч духоборцев, проживавших в Грузии в конце восьмидесятых годов XX столетия, осталось не более 800 человек, в основном 50-70-летние. Многие духоборцы после распада Советского Союза переселились в Тульскую и Брянскую области России. Страх и неуверенность в завтрашнем дне, безработица вынудили часть их на переселение. Однако нарушение духовного единства привело к тому, что многие духоборцы растворились в общей массе населения. Сегодня только в Гореловке духоборцы все еще составляют большинство населения, но и здесь в русской школе, которая построена в 1902 году на пожертвования Толстого, учатся до 50 детей. До сих пор здание этой школы стараниями духоборцев пребывает в хорошем состоянии. В октябре 2003 года, по ходатайству МКПС «Русский клуб» и Союза русских женщин Грузии «Ярославна», а также при поддержке Министерства образования Грузии, школе было присвоено имя Л.Н.Толстого, а троим педагогам и директору были вручены правительственные награды.

Концепция духоборцев – общества без убийства – перекликается с философией Толстого, чья проповедь непротivления злу насилем хорошо известна не только в Старом, но и в Новом Свете. Именно в Америке и Канаде, а не в России и Европе, Толстой обрел еще при жизни наибольшее количество единомышленников.

Выражая отношение современных духоборцев к Толстому, Кузьма Тарасов, (духоборец, проживающий в Канаде), в 2004 году написал поэму «Толстой и духоборцы». Орывок из поэмы:

«Наш дорогой Лев Николаевич, почти столетие прошло, как Вы ушли, Но ваш образ и сияние от искры внутреннего Бога живет в сердцах и умах человечества. Основная нить – Любовь связывает нас, дает нам Дух и указывает путь, как маяк, на все, что справедливо. Ваши идеи настраивают нас на осуждение кровопролития, пыток, страданий – всю жестокость на Земле. Мы – колокола мира, равенства и братства и искатели счастья...»

Алла БЕЖЕНЦЕВА

АРСЕН ЕРЕМЯН

ВЫСОТА

Стихи разных лет

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ВЫСОТА

Три года назад я прочитал книгу стихотворений Арсена Еремяна «Автограф» и с удовольствием откликнулся рецензией на замечательные произведения моего студента, а ныне – известного журналиста и литератора, у которого я и сам готов чему-то научиться.

Легко понять, с каким нетерпением и любопытством я знакомился с новым поэтическим сборником А.Еремяна «Высота», изданным Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» в нынешнем году приложением к одноименному журналу. Мне понравилось все – начиная от оформления и предисловия и заканчивая послесловием и авторскими комментариями. Но прежде всего – стихотворения.

Предисловие названо «Из прозы ушел в стихи» и написано Эмзаром Квитаишвили, известным грузинским поэтом, лауреатом Государственной премии Грузии, доктором филологии, поэтому не удивительно, что поэт

хорошо понял поэта. Э.Квитаишвили почувствовал дух поэзии Арсена, ее особенности и тонкости.

В стихотворениях и примечаниях упоминаются жизненные факты, литературные, мифологические, исторические данные, места старого Тифлиса, и этих данных – множество, каких только нет! А имена? Саят-Нова, Ованес Туманян, кузены Галактион и Тициан Табидзе, Егише Чаренц, Александр Ширванзаде, Элибекяны, «Голубые роги», Паоло Яшвили, Нико Пиросмани и многие-многие другие. Поэтому можно определенно сказать, что сборник Арсена Еремяна – тифлисский, сам автор – горожанин Тифлиса, но его поэзия – не только достояние Грузии, но и явление литературы.

В книге «Высота» собраны стихотворения разных лет, но мне хочется поразмышлять о стихах поэта, написанных в последние два года. Я уже писал, что Арсен – поэт, который имеет свой голос, свои темы, отличающиеся широким диапазоном.

Хочу отметить две главные особенности его поэзии: он умеет факт жизни превратить в поэтический текст. А вторая – я подчеркивал это и раньше – в сборнике помещены именно стихотворения (и всего одна поэма). Поэтому произведения читаются и укладываются в сознании сразу, моментально. В стихах А.Еремяна нет длиннот, нет повторений, нет сюсюканья. Это одно из самых больших достоинств поэзии вообще, и Арсена в том числе.

Анализируя сборник «Высота», имеет смысл начать с очевидного. Автор – человек на редкость образованный. Он не просто много, а очень много читал, прекрасно понимает поэзию и очень умело вплетает в произведения литературно-мифологические, культурно-исторические подробности жизни Грузии, Армении, всего мира. Например, стихотворение «Вечный гон» состоит всего из двух строф:

Теряя след журавля в небе,
Отказываясь от синицы,
Успеха вкуса раз отведав,
Всю жизнь идем за Синей птицей.

Но только жар в крови остынет,
Удачу схватишь за бока,
Заявится с косою постылая
Хоть в Кинешму, хоть в Абакан.

Произведение построено на отзвуках устойчивых словосочетаний – «синица в руке», «журавль в небе», но главное – это поиск Синей птицы, вслед за которой следует идти всю жизнь. А когда к сорока годам «жар в крови остынет», приблизится старость, заявится «с косою постылая», то есть смерть.

Подробно о таком маленьком стихотворении я говорю потому, что такова особенность всего сборника. Он наполнен фразеологизмами, пословицами, поговорками, цитатами, но главное – жизненными реалиями. Вот только несколько примеров: «стоит город обедни», «буриданов пример», «конем троянским стала книга»... Подобные намеки – почти в каждом тексте, будь то близкая Грузии легенда о золотом руне в стихотворении «Ясон в Колхиде» или остроумно переосмысленная фольклорная история о погоне за двумя зайцами в «Exercise», отзвук распространенного высказывания «в доме повешенного не говорят о веревке» в «Я о главном с тобою не спорю» или пушкинское «все флаги в гости будут к нам» в стихотворении «Ты мне сказала». И так постоянно.

Особое внимание привлекает «Донос» – стихи не

о тех событиях, которые были, как говорится, постоянным явлением в жизни страны в определенный период, но о том, что было светлым пятном в это трудное время – намек на блестящее стихотворение Галактиона «Мери».

Наутро зовет семерых комсомол,
В обвальный кризис веры,
Как наипасную из крамол,
На ковер в особняк Берия.

«Забыв обо всем на свете,
Читали вчера вы на Вере,
Как в храме венчалась неверная
Мери и еще про какой-то ветер.

Лучше давайте поэта про флаги...»

Эрудированность поэта заинтересовала меня потому, что в литературе и литературоведении имеется твердое мнение: книги пишутся от знания книг, стихи – от знакомства со стихами. Именно поэтому я читал сборник Арсена не только с интересом, но и весьма внимательно, придирчиво, выясняя, нет ли в нем признаков вторичности. Высоко оценивая знания Арсена, я отмечаю главное – он имеет свой голос, он поэт, и реалии жизни – это рабочий материал для его деятельности. Подобное мнение у меня сложилось еще при чтении сборника «Автограф», а сейчас подтвердилось, потому что автор не только многое знает и умеет поэтизировать, но и сам поэтически формулирует такие мысли, которые могут претендовать на роль крылатых выражений.

Вот несколько примеров. «Жизнь как ожидание встречи», «А все стихи уже написаны, // А все красавицы целованы», «Брать куда легче, чем давать», «В ответе каждый и все скопом, // Что неучей ряды растут», «... к закату жизни // Разум сидит впору, как костюм», «Я по жизни строю книгу», «Мы пишем кровью, не чернилами», «Все глуше голоса друзей», «Жнешь только то, что сам посеял...», «Если в жизни раз повежет, // Роптать на судьбу не смейте...», «Бросает вызов океану, // Чтобы на суше не ржаветь». Примеры можно бесконечно множить. Арсен афористичен.

«Не прорастай душою к ближнему, // ... Твой ближний обратится в дальнего» - явный афоризм и в то же время выстраданное высказывание!

В «Испытании» - запоминающиеся слова:

И сам себя экзаменую,
И строго самого сужу.
Но променять жизнь на иную
Пока я все же воздержусь...

Так возвеличивается значимость сегодняшнего дня, великого Сегодня, даже если само время оставляет желать лучшего.

По сборникам Арсена, в том числе и по новым стихотворениям, мы многое узнаем и о самом авторе. Автор послесловия «Опаляющий жар» литературовед Нина Зардалишвили высказала пожелание: пусть читатель что-то позаимствует у автора, чему-то научиться. А я продолжу эту мысль и подчеркну, что автор не только в своих стихах так выглядит, но и претворяет лучшее из сказанного в свою жизнь. Арсен – один из самых не только талантливых, но и порядочных людей, которых я встречал на своем веку. Трудно представить, что в наше неустоявшееся время может жить и плодотворно работать одаренный человек, работага, а главное – человек веры. Не показной, как у фарисеев, что молятся

на людях, а подлинной, выстраданной, прочувствованной. Вся личность Арсена пропитана ею, он живет и мыслит согласно заповедям Евангелия: они вошли в его натуру.

С этой точки зрения я и читал его поэтические творения. Кстати, оба стихотворных сборника Арсена имеют эпиграфы. «Автографу» предпосланы слова Чаренца – «Печать свою на мне прожгите, мастера». А «Высота» предваряется авторскими словами:

На переправе
Коней не меняют,
А друг –
Он ближе любого коня.
Слава Богу! Я, кажется, «ближе коня»!

Последнее произведение сборника «Итог не зная до конца» имеет большую общую значимость. В нем прекрасно сказано, как поэт, впрягаясь в свой рабочий стол, подчиняет слова магии, и тогда стих зазвучит, пересечет океаны, будет звучать долго. И так поэт достигнет конечной цели, не зная итога до конца. Жизнь еще не окончена! И лучше о жизни и поэзии сказать трудно. В конце сборника эти слова приобретают значимость философского обобщения:

И если недруги не съели,
Как чужеродного тельца,
Достигнешь ты конечной цели,
Итог не зная до конца!

Хорошая литература всегда литература вопросов, главные из них – что делать? куда идти? Оба сборника пропитаны этими вопросами, и автору веришь, что он не остановится в своем развитии, в становлении личности, даже в трудное наше время продолжит искать свой путь.

Сборник Арсена Еремяна, действительно, – ВЫСОТА.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

ЛОРКА

Стреляйте в меня, убийцы,
Черед уступаю даром.
Ночь коротка, чтоб жениться,
Черна, как плащи жандармов.

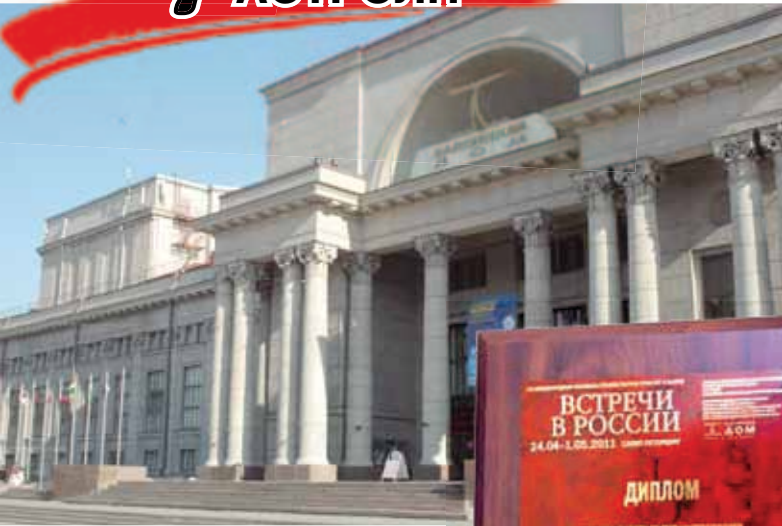
За жизнь гроша ломаного
Не даст за мою никто,
Вот почему взволнованно
Сердце стучит в авто.

Рвется с надрывом в горы.
Оливы бегут строем.
Как страшно жить в городе –
В Гранаде не скроешься.

Луна не пойдет в свидетели,
В бубен бьет апельсинный.
Со мной молчалники эти,
С мордами больно псинными.

Радость тревогой сменяя,
Мысли колибри мечутся.
Метили вы в меня –
Попали в человечество.

Арсен ЕРЕМЯН

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Тбилисский русский драматический театр имени А. С. Грибоедова уже четырежды становился участником международного фестиваля русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России». В нынешнем году он проводился в тринадцатый раз. В 2000 году театралы Санкт-Петербурга увидели спектакль «Тереза Ракен» по мотивам одноименного романа Э. Золя в постановке Автандила Варсимашвили. Через два года на питерской сцене был показан «Russian блюз» по прозе русских писателей. А в 2006 году на фестиваль отправился моноспектакль «Желтый ангел», посвященный Александру Вертинскому... И вот спустя пять лет «Встречи в России» принимали «Гетто» Д. Собола в постановке А. Варсимашвили (проект осуществлен при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб»). Вот – первые отклики.

«Событием фестиваля стал приезд в Санкт-Петербург Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, который показал драму «Гетто», поставленную Автандилом Варсимашвили», - говорится на сайте театрального форума. «Горячо был встречен зрителями антивоенный спектакль «Гетто», показанный артистами Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени Александра Грибоедова» (ИТАР-ТАСС).

«Тбилисский русский театр имени Грибоедова, пробивший стену недоверия и враждебности, возведенную политиками, вернулся на «Встречи

в России» с простой, но эффектной пьесой Джошуа Собола «Гетто» (Борис Тух, «День за днем»). «Гетто» – так называется спектакль самого модного в Грузии режиссера. Несмотря на драматический сюжет, повествующий об уничтожении евреев в гетто, по жанру это мюзикл. Да-да мюзикл, потому что еврейские артисты предлагают начальнику лагеря создать музыкальный театр. Таким образом, они могут существовать, а самое главное, почувствовать себя людьми, побеждать животный страх. Нравственно это или безнравственно, понимаешь только по ходу спектакля, но по тому, как нарастает трагическое напряжение, выраженное в безумных танцах, дрожании голоса и постоянной готовности к расстрелу, звезды гетто сделали выбор и если погибли, то непокоренными» (Любовь Лебедина, «Трибуна»).

Театру имени А. С. Грибоедова вручили диплом за участие в фестивале «Встречи в России». А недавно было получено благодарственное письмо от художественного руководителя фестиваля С. Г. Шуба. «Спектакль «Гетто» стал одним из самых значительных событий фестиваля, вызвал большой интерес публики и заслужил высокие оценки профессионалов. Сердечно благодарим всех создателей спектакля, актеров и технический персонал за высокопрофессиональную работу и надеемся на продолжение творческого сотрудничества», - говорится в письме.

Несколько слов о самом фестивале «Балтийский дом». Его учредители - Министерство культуры Российской Федерации, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургское отделение Союза театральных деятелей России (ВТО), Фонд содействия развитию культурных программ «Балтийский международный фестивальный центр» и Театр-фестиваль «Балтийский дом».

Фестиваль проходил при содействии Министерства иностранных дел России. Программа, которая реализуется Центром поддержки русского театра за рубежом СТД РФ под патронатом Президента РФ и в которую входит фестиваль, становится существенной помощью русскоязычным театрам стран СНГ и Балтии. «Искреннее стремление вырваться из творческой изоляции, в которой оказались русскоязычные театры бывших союзных республик, привело к рождению этого форума – первого в России фестиваля русских зарубежных театров. «Встречи в России» помогают участникам фестиваля увидеть и услышать друг друга, осуществить совместные театральные замыслы, а главное, вновь почувствовать себя творцами единой национальной культуры. За прошедшие годы участниками фестиваля стали более пятидесяти театров из всех республик бывшего СССР, а также дальнего зарубежья», - читаем на сайте фестиваля. В этом году в Питере встретились театральные коллективы из Армении, Беларуси, Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Эстонии. Большинство театров показали спектакли по русской классике. Кишиневский русский драматический театр им. А. П. Чехова представил спектакль «Братья Карамазовы», поставленный к 190-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Автор сценической версии и режиссер спектакля – народный артист Молдовы Александру Василаки. Чеховские «Три сестры» в постановке Барзу Абдураззакова показал Государственный русский драматический

театр им. Вл. Маяковского (Душанбе, Таджикистан). Еще один Чехов. Замечательный литовский режиссер Йонас Вайткус поставил «Чайку» на сцене Театра-фестиваля «Балтийский дом». В главных ролях заняты звезды - Регимантас Адомайтис и Юозас Будрайтис. «Совместный российско-литовский проект, показанный зрителю на фестивале, отличается удачным сочетанием русской театральной школы и неповторимым стилем литовского театра», - отмечается в прессе. Гродненский областной театр кукол представил мистификацию, созданную режиссе-

ром Олегом Жюгжда по мотивам оперы Чайковского и повести Пушкина «Пиковая дама». В рамках специальной программы фестиваля, посвященной Таллинну – культурной столице Европы 2011 года, русский театр Эстонии сыграл в Петербурге премьеру - «Лес» Островского. Свою трактовку пьесы предложила режиссер Наталия Лапина. Молодые актеры Русской театральной школы из Таллинна под руководством Ирины Томингас показали спектакль «Семь дней» по рассказам С. Козлова, а также постановку по произведениям Д. Хармса. Они также стали участниками мастер-классов по сценической речи и сценическому движению. Спектакль «Восемь любящих женщин» Р. Тома в постановке Наби Абдурахманова привез Молодежный театр Узбекистана. Свою версию повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» предложил Русский драматический театр Литвы. Спектакль Агнюса Янкявичюса носит название «Сволочная любовь». Комедию по пьесе писателя Юрия Полякова «Одноклассники» поставил в Ереванском государственном драматическом театре им. К.С. Станиславского Александр Григорян. Впервые в фестивале приняло участие «Общество Свободных Актеров» из Риги. Молодой театральный коллектив представил на суд зрителей мелодраму Леонида Зорина «Варшавская мелодия» в постановке Семена Лосева, руководителя театра, работающего в России и Латвии.

В программе для профессионалов состоялось

Сцены из спектакля «Гетто»

А. Варсимашвили и Н. Свентицкий в Санкт-Петербурге

продолжение дискуссии о проблемах развития русской культуры за рубежом в рамках научно-практической конференции «Русский театр в странах Балтии. Поиск творческого «Я», посвященной проблемам существования русского театра в Латвии, Литве и Эстонии. В конференции приняли участие теоретики и практики театра, творческая судьба которых неразрывно связана с театрами этих стран. Традиционно во время фестиваля ведущие критики России, стран СНГ и Балтии встречались с участниками основной программы на ежедневных творческих обсуждениях. В них принимали участие Этери Кекелидзе (Эстония), Римма Кречетова (Москва), Элеонора Макарова (Москва), Юрий Кобец (Санкт-Петербург), Майя Романова (Москва) и Борис Тух (Эстония).

Инна БЕЗИРГАНОВА

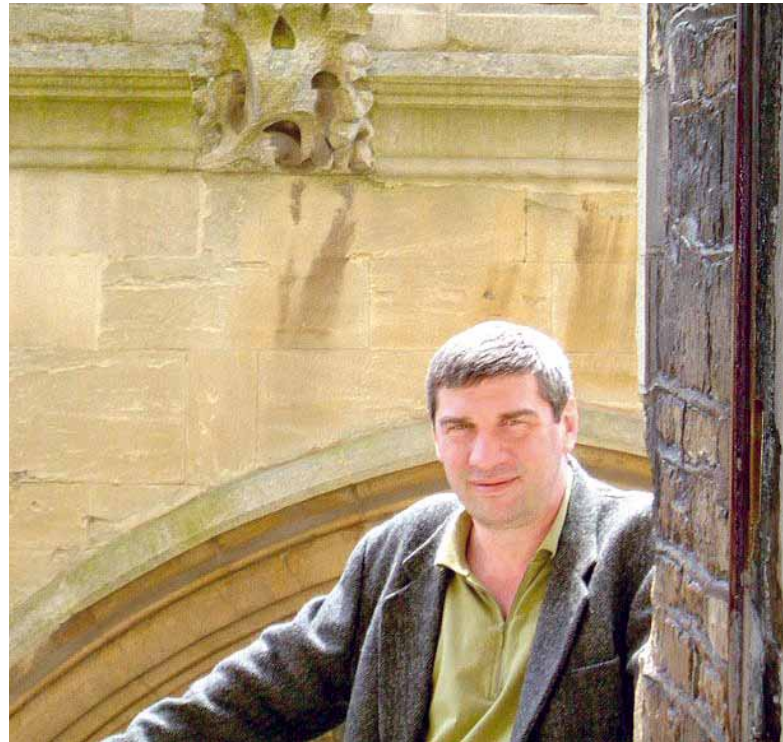
ЗАЗА ТВАРАДЗЕ (1957 - 2007) - ПОЭТ, ПРОЗАИК. ОКОНЧИЛ ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ. БЫЛ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «БАЛАВЕРИ» И РЕДАКТОРОМ ОТДЕЛА ПРОЗЫ В ЖУРНАЛЕ «АРИЛИ». АВТОР ДВУХ ПОЭТИЧЕСКИХ И ДВУХ ПРОЗАИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ.

Воскресное утро июля. Спящий спит в своей квартире, с улицы до него доносится невыносимый гул машин. Он спит и не перестает думать об этом гуле. Машины медленно ползут вверх, с трудом одолевая крутой склон Саирме. Вереницы груженых щебнем самосвалов и амортизированных полулегковых автомобилей тянутся вверх к вершине горы, напоминая гигантских июльских жуков, которые тащат гигантские ноши в свои гигантские норы. А Спящий спит, и гул этот сверлит ему мозг. Порой оглушительный рев одного из моторов пронзает его в самое сердце, на что сердце откликается каким-то странным трепыханием, а сознание Спящего фиксирует страх - как бы оно (его сердце) не осталось в этом конвульсивном, вечно трепещущем состоянии навсегда. И действительно, не исключено ведь, что шум здешнего мира пронзит этот постоянно сокращающийся кусочек мышцы так, что окончательно выведет его из строя. Шум способен разладить сердце, а разлаженное сердце - это ржавые ворота смерти; разболтанные, сорванные с петель валяются они в траве. Капли росы проступают на ржавых замшелых прутьях, опутанных плющом; в предрассветных сумерках тысячи механических насекомых ползают по ним и точат, точат физиологическую медь сердца, растаскивая ее по кусочкам и пряча в своих подземных сквозных норах. Подталкивая добычу к отверстию в земле, они размыкают механические челюсти и выбрасывают ее в никуда. Человек, наверное, просто клоака, переваривающая все предметы и явления этого мира и выбрасывающая их в никуда.

Во сне с человеком происходят странные вещи. К примеру, вам слышится чей-то разговор или простая незатейливая мелодия - кто-то пальцем стучит по клавишам. Этот звук доносится с нижнего этажа. Но вы слышите его так отчетливо, будто звучит он не где-то внизу, а у вас в мозгу. Трень, трень, трень. Проснувшись, вы обнаруживаете, что звука, который так настойчиво слышался вам во сне, вовсе нет. А может, он так естественно впился в общий шум города, дома, множества разных квартир, в панораму, сотканную из тысяч других голосов, что стал едва уловимым. И слух ваш уже не фиксирует звук, так резко звучавший во сне. Мелодия или слова, произносимые женщиной или

ребенком, которые так отчетливо звучали во сне, как будто не было в мире иных звуков, это настырно-монотонное звучание бесследно тает в многоголосом шуме здешнего мира; ускользает со вращающегося диска бытия сквозь зной и плоскость июльского дня вниз по вертикали к самой смерти, за которой уже нет ни единого голоса или звука этого мира.

Странные вещи происходят с человеком во сне и одна из них - сновидение. Спящий спит и ему снится улица, перекресток широкого проспекта Церетели, где когда-то жил его друг, угодивший впоследствии в психиатрическую клинику; друг оставил семью, после чего, непрощенный бывшей женой, поселился у своих, не простивших его родителей. В то время он часто заходил к «С» (буквой-звуком «С» во сне обозначается слово «Спящий») и делился своими проблемами, а именно - он не нашел своей цели в жизни, и жизнь для него стала тяжким мертвым бременем; он сетовал, что воля его слабеет, отчего ему уже не под силу влачить эту мертвую необходимость, а в те редкие моменты, когда он ощущает прилив жизненных сил, он понимает, что состояние это эфемерно и недолговечно. В такие

Заза Тварадзе

минуты он не раз помышлял о самоубийстве, но решиться на это не мог, все из-за той же слабости воли.

«С» пересек улицу. Мимо пронеслись тусклые автомобили. Дул сильный ветер, и улица была пустыня. Весь проспект от самого здания лаборатории по переливанию крови и до научно-исследовательского горнорудного института казался обезлюдевшим. «С» пошел вдоль тротуара и, дойдя до книжной фабрики, расположенной на противоположной стороне, увидел свою жену. Она шла против ветра, слегка ссутулившись. Ветер трепал ей собранные в узел волосы. Взор продолговатых ее глаз охватывал весь проспект - и правую и левую стороны разом. На ней было пестрое длинное платье, которое она носила еще тогда, когда была замужем за «С». И, как это случалось обычно,

она и на этот раз заметила его прежде, чем он ее, и остановилась в ожидании, пока он приблизится.

– Как живется тебе с новым мужем? - спросил у нее «С».

Бывшая жена ответила ему взглядом, выражавшим прежнюю привычную для него теплую иронию. Эта теплота и ирония были присущи им обоим, когда они жили вместе. А после их развода каждый унес с собой частицу этого чувства.

– Ты связала с ним свою жизнь навсегда?

В ее молчаливом утвердительном кивке таились неуверенность и страх за будущее.

«С» мгновенно уловил это.

– Мы ведь прекрасно знаем друг друга, – сказал он ей, – будто сращены от рождения, будто мы одно целое, поделенное надвое. Скажи мне правду, ты его любишь или боишься одиночества?

Жена вскинула на него глаза, полные наигранного возмущения и энтузиазма.

– Разумеется, люблю! Разве смогла бы я выйти замуж не любя?!

До этого дня «С», узнав о замужестве жены, тревожился, думая, что она поступает опрометчиво, что вышла замуж от тоски и одиночества, опасался, как бы брак этот не принес ей новые страдания. И сейчас, услышав ее ответ, почувствовал облегчение, смешанное с разочарованием. За судьбу жены он был уже спокоен, но в то же время испытывал досаду. Кроме того, он силился понять, чем вызвано преувеличенное возмущение, прозвучавшее в ее ответе. Возможно, желанием убедить его в том, что брак был по любви. Впрочем, «С» всегда было трудно разобраться в этих нюансах.

Бывшая жена задумчиво посмотрела на него и повторила:

– Разумеется, люблю! – Потом так же задумчиво добавила: – Пока люблю, а что будет потом, не знаю...

Теперь уже в ее словах не было никакой фальши.

– Наш брак оказался ошибкой. Такой же ошибкой был и развод. Может, твое второе замужество – тоже очередная ошибка? – с каверзой в голосе спросил «С».

В тот момент эта каверзность показалась ему как нельзя более уместной. И невдомек ему было, что каждый ответ жены опережал его вопрос. Впрочем, утверждать это с полной ответственностью было бы трудно, так как все здесь происходило как во сне. И говоря по правде, это и впрямь был сон. «С»-то ведь спал. И тем не менее беседа их происходила в действительности. Они пошли по улице навстречу ветру. Завернули за угол и оказались внутри приземистого помещения. В конце коридора виднелась маленькая комната. В комнате был накрыт стол. Вокруг стола сидели несколько человек - бывший тесть «С», новый муж бывшей жены и их общий друг. В прихожей хлопотали женщины. Комната была без окон.

– Входите, входите, пожалуйста к столу, – встретила их в дверях родственница бывшей жены.

«С» долгое время приходился им родней и никто не считал бы его тут посторонним. Он и сам не должен был испытывать неловкости. В конце концов, что тут особенного, если усядутся за один стол - он, его бывшая жена и теперешний муж бывшей жены. Ведь и они, и сам «С» были людьми достаточно цивилизованными... Особенно «С» - он до мозга костей был пропитан этой самой цивилизованностью, а также страхом перед дикостью, лежащей в основе этой цивилизации.

Общий друг поднял бокал с жидковатым желтым

вином.

– За тебя, брат! – обратился он к «С», потом обернулся к бывшей жене «С» и ее новому мужу: – Будь здорова, Ната! Будь здоров, Нико! – И, наконец, к бывшему тестю «С», который сидел, сдвинув брови, напротив «С»: – За второе замужество вашей дочери. Счастья им и продолжения рода! – говорил он это без всяких шуток. Чувствовалось, что он уже изрядно охмелел.

– Твое здоровье! - нехотя ответил бывший тесть и осушил бокал. Он не знал куда девать глаза, и, повернувшись к двери, стал звать жену: – Циала! Открой нам консервы!

В этом злосчастном и призрачном мире почему-то всех женщин всегда зовут Циалами, особенно – тещ.

«С» взглянул на бывшую жену. Ната сидела, опустив голову, о чем-то задумавшись. Она никогда не любила застолье и тосты.

– Странно! - сказала она для себя и засмеялась. В ее сознании не совмещались эти два мужа. Один - такой прежний и близкий, второй – такой новый и тоже близкий.

Чуть погодя она снова засмеялась. Затем, откинув голову, громко расхохоталась.

– Друзья мои! - произнесла она со смехом и с какой-то вызывающей иронией. – Ну что скажешь, муженек, а? – неловко смеялась она. – А ты что скажешь, муженечек? – Она переводила взгляд с «С» на его второе «я». Скорее на свое новое «я» в нем.

«С» тоже рассмеялся. Он и в самом деле чувствовал себя здесь своим.

– Малахольная! Ну точно малахольная! – насмешливо и с любовью произнес он.

– Дружочки мои, муженечки! – бывшая жена смеялась каким-то механическим, почти истерическим смехом.

Циала принесла консервы со свежим зеленым салатом. Аккуратно разложила их на столе и, выходя из комнаты, погладила мужа по голове. В ответ он ласково коснулся ее руки и задержал в своей. Она встала за спиной мужа.

Общий друг сдвинул брови и снова наполнил бокал. Лицо его выражало обеспокоенность. Это был несложный прямодушный человек. Он обернулся к «С».

– Сними часы! – строго потребовал он.

– Зачем я их должен снять? – запротестовал «С».

– Сними часы и дай их мне! – протянул он руку в ожидании.

Спящий снял с руки часы и вручил другу.

Тот положил их на стол возле своей тарелки с жареной картошкой и острой подливой.

– Вот так! - сказал общий друг. - Засекаем время, четыре минуты третьего.

Потом повернулся к бывшей жене «С».

– И ты мне дай свои часы!

Он произнес это так решительно, будто задумал конфискацию всех хронометров мира.

Бывшая жена без слов передала ему маленькие квадратные часики с ажурным металлическим браслетом. Старый друг положил их рядом с часами «С».

– Между прочим! – он поднял вверх указательный палец и многозначительно произнес: - Между прочим, время на ваших часах в точности совпадает.

Спящий взглянул на друга и улыбнулся.

«Странно, - думал он в своем сне, - все происходит так, будто когда-то уже было наяву и сейчас вспоминается мне в этом сне. Интересно, возможно ли такое?»

- размышлял он во сне, а снаружи ему слышалось громыхание какой-то машины. Легковой автомобиль с барахлящим мотором, пыхтя, поднимался вверх по мощеному склону, с трудом одолевая подъем. Внизу, под самыми окнами «С», кто-то, видимо, включил сигнализацию. Непрерывные гудки, казалось, откуда-то из потустороннего мира проникали в скорбную реальность его сна, но ведь у всего на свете есть конец. Гудки постепенно стихли и тархтящая машина, наконец, одолела подъем. Фон в сознании Спящего, отражающий реальность города, очистился, и на его месте расплылось аморфное, почти бесцветное пятно, а издалека доносился чей-то монотонный голос: «Зачем тебе часы? Зачем тебе часы? Зачем тебе часы?» Вопрос этот повторялся столько раз, что в конце концов полностью приковал к себе внимание Спящего.

- Я должен засечь время! - серьезно произнес во сне общий друг. Он продолжал стоять, все еще держа указательный палец кверху. - Я назначаю себе регламент, а то как заведусь, буду говорить без остановки. - Он оглядел сидящих за столом. - Думаю, это всех устраивает?

- Поживем - увидим! - с сарказмом в голосе проговорил бывший тесть.

- Мой тост состоит из двух частей, - начал общий друг. Под действием выпитого вина слова выскакивали из него сами собой. - Прежде всего хочу сказать о любви. Когда я посещал церковь, там говорилось о любви к Богу, говорилось, что это главное и что любовь человеческая всего лишь суетное, тленное чувство. - Он обвел взглядом «С», его жену, ее мужа, тестя, тещу и после короткой паузы продолжил: - Но в Библии сказано, что Бога никто не видел! И вот поэтому человеческая любовь - это обыкновенное, на первый взгляд, земное чувство есть предпосылка к Божественной любви! Любящие души будут вместе и в мире вечном! - сказал он.

Сознание Спящего дало трещину. Вместе с гулом машин ему уже слышатся и голоса соседей. Плачет ребенок, плачет без умолку. А мать ребенка и еще другая женщина, по-видимому родственница, пытаются унять его, но ребенок не унимается. - Ааа! Аааа! - слышится его громкий безудержный плач. Этот надрывный голос пронзает сознание «С». «Может, ребенок ошпарил руку?» - подумал он во сне и тут услышал произнесенные им же самим слова:

- В мире вечном нет браков! - он произнес это четко и гулко. - Люди там будут просто общаться друг с другом, как ангелы!

Общий друг стоял слева от него. Он строго сверху вниз глянул на «С».

- Браков нет! Но есть нечто другое! Ты помнишь Мчедлидзе?- выкрикнул он зычно голосом архангела.

Вопрос этот не удивил «С» поскольку он заранее знал - именно сейчас Мчедлидзе вспоминает его.

- Какого Мчедлидзе? - спросил он лишь для того, чтобы не нарушилось нечто, оживляющее логику сна.

- Наркомана!

Разумеется, он его помнил.

- Представь, - продолжал друг, - представь, что этот самый Мчедлидзе оказался в длинном коридоре с комнатами по обе стороны. В каждой комнате ожидают его люди разных профессий и устремлений. Какую из этих комнат, по-твоему, он выберет?

Было ясно, что именно хотел сказать старый друг. И «С» без колебаний ответил:

- Ту, в которой собрались наркоманы. - При этом он почему-то кинул многозначительный взгляд в сторону тестя и его нового зятя. Их лица, глядящие на «С», как-то выпятились в сумерках сновидения.

- Вот именно! - подтвердил общий друг. - Каждый тянется к себе подобным! Так будет и в мире вечном! А сейчас я перехожу ко второй части своего тоста. - Он поднял бокал, повернулся к бывшему тестю и бывшей теще - теща возвышалась над сидящим за столом мужем, положив ему на плечи руки - лицо ее выражало рассеянность и концентрированное невнимание. Общий друг, взглянув на них из-за стакана, выпалил скороговоркой: - Госпожа Циала! Господин Нодар! Будьте здоровы! Счастья вам и радости.

С этими словами он осушил бокал.

Бывшая жена «С», сидящая справа напротив общего друга, потянулась к своим часам. Взглянула на них.

- Ровно четыре минуты! - сказала она. Было странно, что такой непрacticalный, как она, человек, сосредоточил свое внимание на столь материальной вещи, как время.

Старый друг, качнувшись, плюхнулся на стул. Голова у него свесилась набок. Глаза бессмысленно уставились в одну точку. Лицо выглядело утомленным и бледным. Будто что-то распирало его изнутри и вот-вот готово было выплеснуться вместе с сердцем. На кончике носа у него повисла капля то ли вина, то ли пота.

Тост в честь тещи и тестя был произнесен предельно кратко, но «С» знал, что друг вложил в него глубокий смысл: что вот уже сорок лет они вместе и что в течение всего этого времени они любили, любят и будут любить друг друга. И что никого ближе нет у них на свете. И что терпеливо преодолевая трудности, они заботятся о семье. Что как-то давно муж-таки изменил жене - жена увидела это собственными глазами. Но этот единичный легкомысленный акт не смог разрушить их любви. Жена простила его, поскольку любила, и муж вернулся к ней, потому что тоже любил. Они и по сей день живут в любви и согласии и растят внучку -- единственного ребенка «С» и его бывшей жены.

Все это бывший друг вместил в одну фразу, так как одна фраза, сказанная во сне, включает в себя все, что находится за пределами потусторонней реальности, где, подобно медным жукам, ползают по-странному целеустремленные механизмы, - мир, беспредельно развернутый в перспективе сознательного и бессознательного, где каждое чувство, каждый мотив, представление и взаимосвязь бесконечно глубоки. Ведь фраза воспринимается тем, кому это снится, и персонаж, только что произнесший эту фразу, говорит со Спящим так, что между его словами и сознанием слушателя нет никаких физических барьеров. Персонаж сам является словом. Он проникает непосредственно в психику спящего. Он живет в нем самом - и в то же время сидит за столом слева от него. Голова у него свесилась набок, глаза слипаются. Вся его сущность открыта сознанию Спящего. Ему ничто не удастся скрыть от «С» - ни единого тайного умысла или чаяния, ни тошноты, ни капли, повисшей на кончике носа, ни того, что кроется за его намеренно кратким тостом. И все же что-то скрытое остается в нем. Именно то, что является сновиденным в этой действительности. Или, говоря иначе, - то, что существенно в этой сновиденной действительности.

А «С» уже во сне знал, что все это было сном. Хотя в следующую минуту эта уверенность куда-то улетучилась, поскольку слова друга заделали в нем нечто глубоко-

ко сокрытое. Во сне ведь контролирующийся механизм ослабевает. Он ощутил вдруг, что вся его выдержка, помогавшая скрывать от всех тяжесть, скрытую от него самого, отказала ему, улетучилась одним махом, и он произнес так, как если бы это происходило наяву:

– Я не хотел признаваться, что мне тяжело. Очень тяжело. – Он сказал это, глядя на бывшую жену. Она слушала его и казалась такой красивой, какой никогда не была в действительности.

– Когда мы расстались, я мечтал, чтобы ты вышла замуж. Я думал, что после этого мы оба успокоимся. Но сейчас, когда это произошло на самом деле... Сейчас я осознал, что у меня нет никого на свете ближе тебя. Все мое существо, оказывается, устроено в соответствии с тобой. Меня будто выпотрошили, опустошили.

«С» не собирался этого говорить. Понимал, что должен был сдержаться, не следовало взваливать на бывшую жену, готовящуюся к новой счастливой жизни, этот тяжкий груз - сознание того, что кто-то страдает по твоей вине; но согласно неумолимому закону сна, подразумевающему удовлетворение неудовлетворенных желаний, он не смог сдержаться. В тот момент, находясь во сне, он был уверен, что все это происходит наяву.

– Ты не хотел жить с нами! - сказала жена.

– Не хотел и в то же время хотел, - ответил Спящий.

– Тот, кто хочет, ведет себя иначе, - бросила ему жена.

– Сколько раз я предлагала тебе поселиться отдельно. Только ты, я и ребенок. И никто больше. Сколько раз просила тебя начать сначала. Но ты не хотел.

– Странно, почему? - спросил «С». - Я ведь любил тебя. И ты меня любила. Ближе у нас никого не было. Почему так случилось?

– Не было у тебя любви. Семья не клуб, куда заглядываешь, когда вздумается, поболтаешь и уйдешь. В семье, обычно, живут. А ты не торопился домой. - Бывшая жена преданно и осторожно взглянула на нового мужа. Сидела высоко подняв голову. Выпрямившись. Как царица. Вернее, пыталась так выглядеть.

– Почему же я так страдаю сейчас? - задумчиво произнес Спящий. - Теперь я понимаю, что самое дорогое, что у меня было на земле, это вы. Ты и ребенок. У меня такое чувство, будто смерть забрала у меня самого близкого человека или будто я сам умер...

– Довольно! - заорал неожиданно бывший тесть и хлопнул ладонью по столу. - Сколько можно долбить мозги друг другу, вот уже десять лет долбите и долбите и других задолбали! Это вы внесли разлад в мою семью, - крикнул он, свирепо глядя на «С». - Это вы превратили мой дом в судилище! А сейчас, когда все вроде бы утряслось, когда человек, - он бросил взгляд на общего друга, - когда человек произносит тост за семью, вы снова хотите устроить здесь это судилище? Да кто тебя о чем спрашивает? К чему эти выступления, оправдывания? Сидишь за столом, сиди и будь добр говорить о том, что относится к тосту! А нет - так молчи! - грозно закончил он.

«С» посмотрел ему прямо в лицо. Седина в волосах оттеняла его бледность. Лицо его словно вспухло и увеличилось. Изменилось до неузнаваемости. Это было уже совсем другое лицо - хорошо знакомое Спящему. Перед ним сидел его собственный отец, это было его лицо со сдвинутыми на переносице бровями и грозным сверкающим взглядом. Он тяжело дышал, едва сдерживая гнев, и при этом свирепо вращал глазами, как это бывало, когда «С» был еще ребенком. Тогда голос отца звучал для

него оглушительно, как рев тысячи водопадов. Он смотрел в лицо «С», требуя от него искренности, стойкости и непоколебимости. Глядя в это лицо, «С» никогда бы не рискнул возразить ему наяву. Но сейчас он решился, поскольку на чашу весов была поставлена вся действительность.

– Вы не правы! - возразил он вежливо, но упрямо. - Я коснулся именно той темы, которую затронул сам тамада. Говоря о любви и выборе, он имел в виду именно нас - меня и мою бывшую жену. А не кого-то другого!

С этими словами он взглянул в глаза седому мужчине, у которого по-прежнему было лицо его отца.

– Не вас он имел в виду! - зло процедило лицо отца. - Он произнес обычный тост в честь обычных людей. Он и не думал говорить о вас!

«С» повернулся к общему другу (тот сидел в той же позе, свесив голову набок) и отчетливо по слогам выговорил:

– Скажи, ведь ты подразумевал меня и мою жену, говоря о любви? - При этом он думал: «А вдруг он не расслышит меня? А вдруг он умер или навсегда потерял сознание?! Тогда уж никто никогда не узнает, что именно хотел он сказать этой фразой, зафиксированной лишь моим сознанием, фразой, которую никто, кроме него, не сможет засвидетельствовать».

Общий друг с трудом приподнял голову. Оглядел каждого по отдельности, словно только что очнувшись от летаргического сна.

«Скажи им, ты ведь имел в виду меня и мою жену, говоря о любви!» - «С» не произносил этих слов во второй раз. Он лишь в уме повторил их.

«А вдруг он откажется! - мелькнуло у него в голове. - А вдруг я и тут неправ, оскандалюсь перед своим отцом, перед своей женой, перед ее новым мужем (как унижительно!), перед тестем и тещей. Неправ, как всегда, во всем и со всеми и даже сейчас в моем собственном сне!»

Общий друг снова огляделся по сторонам. Сложил на столе руки, лицо его приняло нормальное выражение. Затем спокойно, голосом совершенно трезвого человека заявил:

- Да, именно вас я имел в виду!

И умолк.

Человеком он был несложным и простодушным, а потому за сказанной им фразой не таилось никакой иной мысли. Вернее, таилась именно та мысль, которая была выражена сказанным. Одна единственная мысль - она сияла в печальном ареале сна и сияние ее прорезало тьму, уходя в бесконечность.

- Слышали, он имел в виду нас! Наши взаимоотношения! Это очень трудная проблема. Это боль, и не только моя! Это наша общая боль! Боль каждого человека! Но сейчас я один должен испытывать ее! Теперь-то вы поняли, о чем шла речь. Зачастую самые простые слова таят в себе необъяснимую тайну! А впрочем, хватит. Я не желаю больше продолжать этот разговор, - с этими словами «С» встал и оглянулся на тестя. Тот снова принял свое прежнее обличье: мирное, незлобивое. Одновременно с «С» поднялся со своего места и новый муж бывшей жены. «С» знал о нем лишь то, что человек он добрый и порядочный, хотя контур его нижней челюсти позволял думать о глубоко скрытых в нем, еще не проявившихся признаках жестокости или безумия. Но сейчас в нем не было даже намека на жестокость. Взгляд выражал удовлетворенность и уверенность и вместе с тем какую-то деликатную заботливость. Словно испытывая чувство вины,

он неловко протянул руку Спящему.

– Надеюсь, не будешь поминать меня лихом, - смущенно проговорил он, - я к тебе очень хорошо отношусь. Буду заботиться о твоём ребенке и своей новой супруге. Думаю, мы и в дальнейшем останемся добрыми друзьями.

«С» молча протянул ему в ответ руку - сейчас это уже не имело никакого значения. Простая формальность. Спящего куда-то уносила река, а он (новый муж бывшей жены), стоя на берегу, продолжал с ним беседовать. «С» без слов протягивал ему руку, но руки их так и не встретились. Вторая попытка тоже не принесла успеха - руки их как-то неловко ударились друг о друга. Стукнулись костяшками пальцев. Попытались в третий раз и лишь на мгновение прикоснулись руками друг к другу, ладонь нового мужа оказалась более мягкой и крупной, чем у «С». Спящий первым отнял руку, считая свой долг исполненным. А мужчина, занявший его место, какое-то время еще пытался дотянуться до него пальцами - видно, все еще считая себя в долгу перед ним. Потом сел с выражением замешательства на лице.

Эта бестолковая, нелепая возня с рукопожатием длилась ровно столько, сколько понадобилось, чтобы вспомнить, что все это происходит все в том же сне. Он взглянул на соперника. Тот также пребывал во сне. Это было явно - он спал сидя на стуле. А до того, будучи так же во сне, пытался пожать руку «С», желая как-то утешить или ободрить его. Но ведь это был сон Спящего, и его же сознание предостерегало его от бесконечных жалоб, советовало не бередить раны, понять, не стоит толочь уже разбитое. Сновидение сновидением, а боль болью. Спящему пора было уходить. Не следует взваливать эту тяжесть на бывшую жену, которая с такой любовью, так доброжелательно смотрит на него. Пусть он сам несет свое бремя. До его сознания донесся какой-то шум. Плакал ребенок. Плакал без умолку. «Тсс, не бойся, не бойся!» – повторял женский голос. Потом оба этих голоса заглушил рев мотора. Какая-то машина, тархтя, ползла вверх по улице Саирме. Одолев подъем, стихла. Воцарилась мрачная тишина. Тишина и непосильная тяжесть.

И в этой тишине и в этой тяжести, которая, становилась все мрачней и непосильней, спящий встал и распрощался со всеми.

Жена вышла его проводить. В коридоре они остановились.

– Всего доброго! - неловко произнес Спящий.

– Всего хорошего! - Бывшая жена смотрела на него, и лицо ее казалось ему таким же, каким было тогда в дни первых их встреч. «Как хорошо, что ты есть на свете!» - говорил ей тогда «С». «И ты есть - хорошо!» - отвечала она ему тогда. Это и впрямь было - сосуществование в нигде.

«Странно, - думал «С» во сне, - как мы встретились и вот навсегда расстаемся. Почему так случилось?!»

– Ты не хотел жить с нами! - ответила ему во сне жена.

«Хотел, - подумал он также во сне. - И в то же время не хотел».

Жена во сне же заметила:

– Эх, поздно уже об этом говорить.

– Поздно, - согласился он. - Все эти годы ты была рядом, а я тебя не замечал. Видно, потому, что мы очень похожи. Это какая-то абсолютная схожесть, и потому образ женщины, который я носил в себе, не совпал с твоим, - сказал он во сне.

Жена посмотрела на него с выражением обиды на лице, чуть не плача.

– Об этом надо было думать раньше, пока мы не поженились!

– Раньше у тебя был другой образ, - сказал «С» во сне.

– И ты был другим! - ответила она во сне.

Трижды коротко просигналила машина. «С» не понял, откуда неслись эти звуки - из сна или с улицы из-под окон его новой квартиры. «Кольцо!» – спохватился он и сунул руку в карман.

– Я верну тебе кольцо! - смущенно сказал он.

– Оставь его себе.

Он протянул ей обручальное кольцо.

Она неловко взяла его.

Кольцо проскользнуло у нее между пальцами, покапало по полу, она наклонилась, подняла и взглянула на него.

– Пусть оно будет у тебя. Спрячь его! - сказала она, возвращая ему кольцо.

Спящий принял его обратно. Лишь во сне - в его сне - они вновь обменялись кольцами.

– Странно, - сказала бывшая жена, - с каким трудом я наклонилась, видно, в доме очень низкий пол.

В ответ на эти слова что-то внутри у Спящего будто взорвалось. Он вспомнил: она уже говорила это когда-то, но не во сне, а наяву – на старой квартире Спящего, где в течение нескольких лет они жили все вместе.

Он хотел выкрикнуть ее имя, но сознание словно сквало его какими-то железными клещами. Откуда-то издалека, с улицы слышался чей-то крик, относящийся к чему-то совсем другому. «Выноси!» - звучал незнакомый мужской голос. - «Выноси! Осторожно! Опускай!» Слышался шум мотора. Очередной самосвал с тяжелым грузом, тархтя, поднимался вверх по подъему. Шум. Шум.

– Ребенка навещай, - серьезно сказала ему жена, - хотя бы изредка, не забывай ее, а то и она забудет, что у нее есть отец!

– Непременно буду, - ответил Спящий, - где сейчас она?

– Там.

Жена указала рукой в сторону двора, туда, где стояло дерево. Потом медленно повернулась, и, как бы закружившись в печальном вальсе с невидимым партнером, удалилась, даже не оглянувшись на двор, на бывшего мужа, на дочь.

Под деревом стояла их девочка. Маленькая, бледная.

– Как живешь, дочка?

Она стояла, не поднимая глаз.

– Тебе, наверное, грустно?

Девочка взяла его за руку и ничего не ответила.

– Почему ты грустишь?

– Мама ушла, - неожиданно расплакалась девочка, ушла и больше не приходит ко мне. Противная мамочка! Не знаю, почему она не приходит!

– Мамочка занята. Она закончит дела, и вы снова будете вместе. Я тоже приду. Буду приходить каждый день, – говорил ей «С». – Мамочка совсем не противная. Просто у нее пока дела. Увидишь, вы все время будете вместе. Мамочка не противная! - говоря это, он шел вдоль улицы, оставляя позади себя двор и дерево. Далеко остались и его близкие - дочь и жена. Его бывшая семья.

– Мамочка не противная! Мамочка не противная! - повторял он в своем сне.

Панорама вокруг менялась по мере того, как он двигался вперед. Менялась, следуя каким-то неукоснительным законам, приводящим в движение и меняющим все: внутренний мир человека, сновидения, вселенную,

в которой обитаешь и в которой, куда бы ты не ступил, сталкиваешься с чем-то, что тебе не принадлежит, будто кто-то силой пытается навязать тебе это. Все это не твое, не любимое и никогда не станет твоим. А то, что твое, что любимое, что хоть раз тронуло твое сердце и запечатлелось в нем, — согласно все тем же неукоснительным законам сна или яви, меняется, ускользает от тебя и постепенно исчезает из виду.

Картина меняется. Спящий снова стоит на перекрестке, где он некогда стоял уже прежде. Тогда на этом месте он встретился с бывшей женой. Теперь тут никого не было. Только ветер и голые деревья, раскачивающиеся на ветру, как висельники. Несколько тусклых автомобилей пронесли мимо. Спящий озирался по сторонам. Перед ним развернулся город — такой же бесцветный и тусклый. Безмолвный и пустынный. Город сна. Он видел каменные здания. Дидубе. Сабуртало. Вере. Вдали возвышались массив Вардисубани. По всему этому городу рассеяны его прежние близкие — мать, отец, братья, друзья — все по отдельности друг от друга. Каждый в своей семье. Ни с кем из них его не связывало ничто, кроме сна и этого тусклого ареала, где в какой-то ветреный день соединились на миг и тут же безнадежно разошлись все и вся.

«Часы! - неожиданно осенило его. - Мои часы!»

При этой мысли бесследно стерся весь пейзаж. Он видел только собственное запястье. Он смотрел и видел широкую, болезненно бледную полоску - след от часов. А сами часы так и остались лежать на столе возле тарелки общего друга, мерно отсчитывая мгновенья сна. Остались там, в той семье, в том пространстве, до которого теперь Спящему не было никакого дела. Неужели и в этом тоже был какой-то символ?

Он резко повернул обратно. Просунул голову в одно из черных отверстий, полных какого-то летаргического безмолвия. Тишина. Потом впереди что-то забрезжило. Прослышался звон посуды.

— Входи, входи! Присядь к столу! - услышал он приветливый голос, и родственница жены с тарелками в руках пронеслась куда-то мимо. Он пошел в глубь коридора. Дверь в комнату была приоткрыта. Он заглянул внутрь. Все по-прежнему сидели за столом. Слово и секунды не прошло после его ухода. Прямо сидел бывший тесть. Справа от него - новый муж бывшей жены со своей новой женой. Слева - общий друг. Место «С» в конце стола оставалось незанятым.

— Юнона! Скажи нам что-нибудь, Юнона! — говорил тесть пришедшей в гости родственнице, которая, стоя за спиной общего друга, одобрительно смотрела на бывшую жену и ее нового мужа.

«Часы! - просунув голову в дверь, прошептал «С» старому другу. - Я забыл часы, передай мне их!» Но друг его просто-напросто не замечал. Не замечали его и остальные. Только бывшая жена взглянула на него своими продолговатыми глазами, словно что-то смутно припоминая, но тут же вновь устремила взгляд в сторону родственницы, пришедшей в гости. «Дай часы! Слышишь, я не хочу входить!» - продолжал шипеть Спящий.

— Взгляните! - донесся до него голос старого друга, который в это время смотрел на новобрачных. - Вы только взгляните, какое чудо! Как они стали походить друг на друга!

— Верно, верно, до чего же они похожи! - подтвердил тесть. - Это я заметил только сейчас, после твоих слов! Поразительно! Не правда ли?

— А вы как думали! - включилась в разговор родс-

твенница, почтенная дама. - Всегда так бывает. Люди, когда они вместе, становятся похожими друг на друга!

С этими словами она уселась на пустующее место, на котором совсем недавно сидел «С», и заботливо пожалла запястье новобрачной.

«Часы», - уже ни к кому не обращаясь, прошипел «С», глядя на новобрачных. И тут же обнаружил поразительное сходство между ними. Совершенно одинаковые выпуклые лбы, одинаковые рты, одинаковый разрез глаз и овал лица. «Боже правый! - подумал он. - Как же они, оказывается, похожи! Глядя на них и не подумаешь, что они не брат с сестрой, что они не созданы друг для друга! А я-то думал, мы похожи. Но ведь и мы когда-то ходили друг на друга! А теперь вот они... Видно, в человеке есть какой-то механизм, создающий эту схожесть двух близких людей. Странно, как это получается, что внешность отражает суть человека и меняется в соответствии с ней. Таким вот образом формируется род, формируется раса!» - размышлял он во сне, и из головы у него не выходил образ бывшей жены - ее новый образ, который он прежде не видел или не замечал. Лицо это было много красивей того знакомого ему лица, к которому он так и не смог привязаться, таким, каким он хотел бы видеть его, если бы она по-прежнему оставалась его женой, каким он однажды увидел его и потерял из виду...

Снова послышался шум. Он проник в подсознание, нарастая, заполнил собой пространство, проник даже за черту, на которой обычно стихали и замирали все доносящиеся извне звуки. Какая-то огромная неуклюжая машина, то ли «КрАЗ» то ли «КамаЗ», гудя, подобно гигантскому издыхающему жуку, ползком взбиралась вверх по отлогому склону Саирме, груженная не то песком, не то щебнем, не то другим каким-то стройматериалом. Водитель изо всех сил жал на газ. Казалось, какой-то обалделый современный механический Сизиф тащит вверх по подъему Саирме свой извечный груз. За ним, сигналиа и глухо грохоча моторами, следуют в малолитражках другие маленькие Сизифы. Большой Сизиф, похоже, навеки загородил им дорогу. Рев его машины становился все громче и громче. Сердце у Спящего затрепыхалось, на какое-то мгновение ему показалось, что оно навсегда останется в этом трепещущем конвульсивном состоянии. Такое действительно могло произойти. Этот оглушительный рев мог так стеснить непрерывно сокращающийся кусочек мышцы, что она разладила бы навсегда. «Надо бы закрыть окно», — подумал он во сне, не в силах оторвать головы от подушки. Невыносимый гул уже заполнил всю его плоть, врезался в кости, в желудок. И вдруг шум прекратился. Будто существо, таскающее камни в гору, достигнув вершины, сорвалось в пропасть. Воцарилась черная тишина. Тишина и черная тяжесть.

Сколько времени длится сон?

Каких-нибудь десять минут. Но в нем сосредоточена долгая жизнь, кратко и сжато представлено ее содержание, четкой резьбой обозначенное на стенке сознания. Сама же жизнь - оборотная сторона сна. Это ткань, расчерченная неясными непонятными линиями. Она длится и длится, будто нет у нее ни конца, ни начала. Каждая из ее линий устремлена в бесконечность, изгибаясь подобно убегающим вдаль рельсам, которые сольются лишь в иллюзорном зрении. Или же, как параллельные прямые неевклидовой геометрии, пересекутся не здесь, а где-то в бесконечности или же не пересекутся нигде и никогда.

Заза ТВАРАДЗЕ
Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

ДУХОВНАЯ ЭМИГРАЦИЯ МЕРИМЕ

Проспер Мериме (1803-1870) – блестящий прозаик, мастер реалистической новеллы, один из виднейших французских писателей XIX века. В то же время он хорошо известен как переводчик и популяризатор русской литературы во Франции. Ему принадлежат статьи о творчестве Пушкина, Гоголя, Тургенева, а так же переводы ряда произведений русских авторов на французский язык. Помимо литературы, Мериме интересовался русской историей и опубликовал статьи об эпохе Смутного времени, о Степане Разине, о царствовании Петра I и др.

Интерес к русской литературе пробуждается у Мериме еще в молодые годы. Встречаясь в парижских литературных салонах с русскими путешественниками и писателями, Мериме получал сведения о России и ее культуре. В изучении русского языка особую помощь оказали ему С.А.Соболевский, В.И.Дубенская, а впоследствии И.С.Тургенев.

Близкий друг Пушкина, Соболевский был одним из первых консультантов Мериме. Он же ознакомил его с творчеством Пушкина, что явилось определяющим моментом в увлечении писателя русской литературой. По словам самого Мериме, он начал изучать русский язык для того, чтобы читать в оригинале произведения Пушкина. Как писал Тургенев, Мериме «благоговел перед Пушкиным, глубоко и верно понимал и ценил красоты его поэзии».

Надо думать, что русским языком Мериме начал заниматься еще в 30-х годах, но наиболее интересной становится эта работа во второй половине 40-х годов. В это время основным консультантом Мериме была Варвара Дубенская, жена французского дипломата Лагрена, который как секретарь французского посольства несколько лет прожил в России. Интересно отметить, что из-за хорошенькой фрейлины Дубенской у Лагрена

получилась однажды размолвка с Пушкиным, который вызвал его на дуэль. Однако стараниями друзей недоумение было улажено.

Мериме никогда не был в России, изучал язык не в живой речи, но по книгам и словарям. Поэтому помощь друзей была ему крайне необходима. Переписка Мериме с Соболевским и Дубенской-Лагрене дает интересные сведения о работе писателя над русским языком. Особенно трудны для него были те грамматические категории, которые не имеют аналогов во французском. Это относится прежде всего к падежным формам, которые являются предметом постоянных жалоб писателя: «Что за ужас языки с такими разнообразными формами склонений», – восклицает он.

Когда Мериме продвинулся в работе над языком, он вставляет в свои письма русские слова, например, «милостивый государь», «любезный друг», «слава богу», а иногда даже пишет письмо на русском языке. Его русский текст вполне понятен, хотя в нем много ошибок в падежах, глагольных формах, а иногда встречаются взятые из книг устаревшие слова. Вот, например, как описывает Мериме свой переезд на новую квартиру, который доставил ему много хлопот: «Знаете ли в мире какое нибудь дело скучнее переборки. Мне не привыкшему ко хозяйству, так трудно является переменить покой как будто бы править республику».

Большую трудность представляли для Мериме сложные слова, поговорки, выражения специфически местного и исторического характера. Так, при чтении «Бориса Годунова» Пушкина он не смог понять выражение «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» – поговорка, появившаяся после того как Борис Годунов лишил крепостных крестьян права переходить от одного помещика к другому, что осуществлялось в день святого Георгия-Юрия. «Надо полагать, что это довольно скучный день», – пишет Мериме в письме к Дубенской, – так как Гришка Отрепьев, когда его схватывают Борисовы сыщики, восклицает: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Письма Мериме показывают, с каким увлечением и упорством он работал над языком, разыскивая точное значение отдельных слов и выражений. По его мнению, «русский язык создан для поэзии, он необыкновенно богат и, в особенности, замечателен по тонкости выражаемых им оттенков».

Мериме достиг своей цели. Несмотря на многочисленные трудности, он изучил русский язык настолько, что мог читать не только художественную литературу, но и старинные документы, которые нужны были для его статей по русской истории.

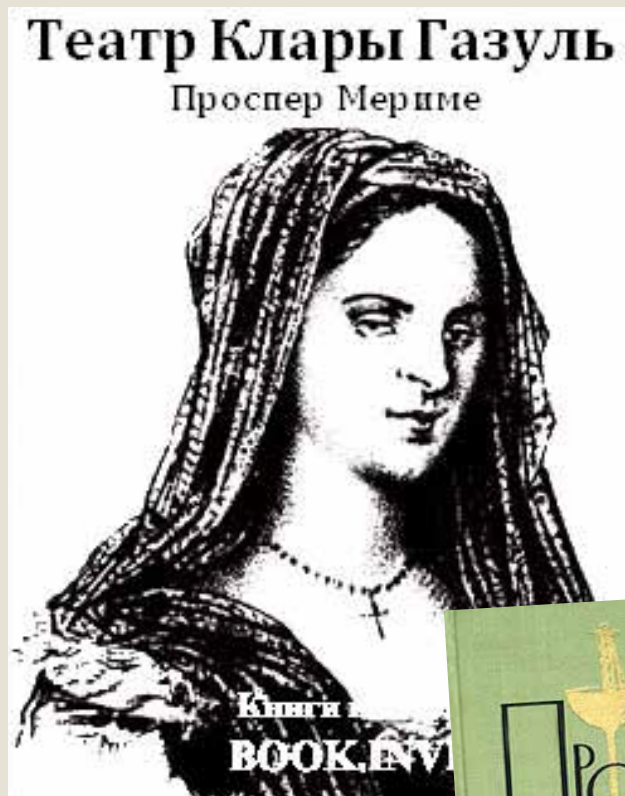
В 50-60-х годах Мериме пишет очень мало оригинальных произведений и в основном занимается русской литературой. По выражению французского критика Поля Сен-Виктора, в этот период «Мериме духовно эмигрировал в Россию».

Переводческая деятельность Мериме началась в 1849 году публикацией «Пиковой дамы» Пушкина. Перевод имел большой успех; показательно, что в том же году в драматической переработке Скриба «Пиковая дама» была поставлена на сцене.

Интересно отметить, что о переводе «Пиковой дамы» Мериме имел беседу с братом Пушкина – Львом Сергеевичем, который указал писателю на допущенную при переводе ошибку. «Господин Пушкин сказал, что я написал бессмыслицу в «Пиковой даме», – писал Мериме Дубенской, – фразу «он затынулся» я перевел «он затынул пояс». Но, оказывается, что на

жаргоне гг. (господ) русских офицеров «затынуться» означает сделать «глоток табачного дыма».

Вслед за «Пиковой дамой» Мериме работает над другими произведениями Пушкина – переводит «Выстрел», делает прозаический перевод «Цыган» и нескольких стихотворений. Помимо Пушкина, Мериме занимался и другими русскими авторами. Он перевел целиком «Ревизора» и отрывки из «Мертвых душ» Гоголя, перевел ряд рассказов Тургенева и др. Не все из сделанных им переводов одинаковы по достоинству. Так своеобразие сатирического Гоголя представляло для Мериме большие затруднения и в его переводе

«Ревизора» много неточностей.

В редактировании более поздних переводов большую помощь оказал Мериме его друг И.С. Тургенев, с которым он познакомился в 1857 году. Совместно с Тургеневым Мериме делает прозаический перевод поэмы Лермонтова «Мцыри». После Пушкина из русских авторов Мериме ставил выше всех Тургенева, которого он ценил за глубокий реализм и совершенство стиля.

В 1862 году Мериме был избран почетным членом московского Общества любителей русской словесности. Но выдача диплома задержалась, так как в него, помимо имени, надо было вписать и отчество писателя. Пришлось отправить запрос в Париж, и после этого Просперу Леоноровичу Мериме был выдан диплом почетного члена Общества любителей русской словесности. Это избрание было вполне справедливым, ибо Мериме, действительный почитатель русской литературы, был одним из первых французских деятелей, серьезно занявшихся изучением русской культуры.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

«В НАШЕМ
НАРОДЕ ЕСТЬ
ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ
ЛИДЕРСТВА»

Давид Иоселиани в операционной

*ИОСЕЛИАНИ ДАВИД ГЕОРГИЕВИЧ,
ДИРЕКТОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
ИНТЕРВЕНЦИОННОЙ КАРДИОАНГИОЛОГИИ
ДЕПАРТАМЕНТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГОРОДА
МОСКВЫ, ЕГО ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ
ПО РЕНТГЕНЭНДОВАСКУЛЯРНОЙ
ДИАГНОСТИКЕ И ЛЕЧЕНИЮ, ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО ЖУРНАЛА
ИНТЕРВЕНЦИОННОЙ КАРДИОАНГИОЛОГИИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА
КАРДИОЛОГОВ, ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ
РФ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР,
ПРЕМИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ, ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ. НАГРАЖДЕН
ОРДЕНОМ «ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ IV
СТЕПЕНИ (2009) И ОРДЕНОМ ЧЕСТИ (2003).*

- Давид Георгиевич, расскажите о своем пути в науку.

- Я родился 3 июня 1943 года в Тбилиси в семье врача. После окончания средней школы в 1960 году поступил на лечебный факультет Тбилисского медицинского института, который окончил в 1966 году и в том же году поступил в целевую аспирантуру НИИ иммунологии, эпиде-

миологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи АМН СССР. В период обучения под руководством профессора А. Я. Фриденштейна занимался экспериментальной медициной и биологией, изучая роль стволовых клеток крови в формировании разных тканей. За это время мною была подготовлена и защищена в 1971 году кандидатская диссертация на тему «Радиоавтографическое исследование костной ткани, образованной переходным эпителием». В том же году решил заняться клинической медициной, поступил на работу в НИИ сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева АМН СССР, где под руководством академика АМН СССР В. И. Бураковского прошел путь от врача до руководителя отделения острых расстройств коронарного кровообращения и их осложнений. За время работы в институте несколько раз находился на стажировке в кардиологических клиниках США и ФРГ. В течение многих лет был председателем Совета молодых ученых института. В 1979 году защитил докторскую диссертацию на тему «Ишемическая болезнь сердца в аспекте хирургического лечения». В 1987 году мне присвоено звание профессора по специальности «Кардиология». Под моим руководством выполнено более 60 докторских и кандидатских диссертаций. Одним из первых в стране я разработал и внедрил в клиническую практику разные аспекты хирургического лечения ишемической болезни сердца (Государственная премия СССР в 1989 г., с группой работников). Результатом нашей деятельности стало создание в 1996 году московского научно-практического

Центра интервенционной кардиоангиологии, где я директор. Одновременно работаю в должности руководителя отделения кардиологии городской клинической больницы №15. Продолжается наше сотрудничество с французскими специалистами. С 2000 года ежемесячно на неделю бригада французских кардиохирургов одной из ведущих клиник города Бордо – Святого Августина во главе с Жаном Шарлем Верне приезжает в нашу клинику и мы вместе оперируем, пишем статьи, выступаем на конгрессах. Наши специалисты также регулярно командированы в Бордо в клинику Св. Августина, где делятся опытом, перенимают все новое интересное.

– *Есть ли у вас контакты с грузинскими медицинскими учреждениями?*

– К сожалению, таких контактов нет. Думаю, причина не в медицине, а в политике. Я лично считаю, что для начинающих специалистов легче и выгоднее приехать в Россию, чем в Западную Европу. Во-первых, там никто не разрешит работать в операционной, там они смогут просто следить за ходом операции, а в России у молодых специалистов есть возможность работать в операционной. Для начинающих врачей тут больше перспективы. Чем раньше мы начнем сотрудничать, тем лучше.

– *Не думаю, что проблема в этом. В России работает много грузинских врачей.*

– Я как раз это имею в виду, только по политическим причинам к нам не приезжают.

– *В вашей клинике много грузинских специалистов?*

– Нет, не много, в последнее время приезжает гораздо меньше медиков, чем раньше. Хотя я стараюсь. Летом 2002 года финансировали проезд нескольких студентов, которые имели возможность наблюдать за ходом операций, как мы работаем, что у нас нового. Они остались очень довольны. Думаю, эти отношения должны продолжаться. Не только мы, но и многие медицинские учреждения Москвы с удовольствием примут грузинских специалистов, даже профинансируют их, была бы инициатива.

– *Со стороны Грузии?*

– Да, конечно, Грузия должна проявить хотя бы желание сотрудничать. Но политическая ситуация такая, что...

– *Такая, что давит, и к тому же ориентация на Запад.*

– Не только потому, что ориентация на Запад. Не оправдано наши взаимоотношения отождествлять с политической ситуацией. Что бы ни случилось, какой бы ни была политическая ситуация, Грузия и Россия очень близки по традиции. Не надо забывать того факта, что многие, и не только медики, образование получили в России и сейчас они лидеры в своей профессии.

– *Как вы думаете, что является причиной огромного успеха грузинских врачей в России?*

– Грузины талантливые, в нашем народе есть генетический потенциал лидерства, во многих профессиях они оказываются в первых рядах.

– *Можно назвать имена знаменитых кардиологов, онкологов, работающих в России.*

– Само собой, этот факт свидетельство наших потенциальных возможностей. В подходящей ситуации мы можем здорово преуспеть.

– *Вы думаете, все зависит от ситуации?*

– Я часто сравниваю грузина с пластилином: вылепешь то, что хочешь. У меня и в нашей стране, и за рубежом много грузинских друзей, достигших больших успехов, потому что они попали в хорошую среду. Бывает и наоборот, талантливый человек, попавший в неблагоприятную среду, пропадает.

– *Мы с вами сейчас беседуем о русско-грузинских взаимоотношениях в медицинской сфере. Здесь, в вашем кабинете, передо мной фотография Владимира Ивановича Бураковского. Не могу не вспомнить этого человека, открывшего дорогу многим грузинским медикам. Он и в вашей жизни занимает значительное место?*

– Мало было в моей жизни таких, про кого могу я сказать, что они сформировали меня как профессионала, как врача, как человека. Бураковский один из них. Он был сложным человеком, и, к моему глубокому сожалению, на каком-то этапе у нас были разногласия. К сожалению... Но, несмотря на это, я с уверенностью хочу отметить – такие люди встречаются редко. Роль Владимира Ивановича в моем становлении как профессионала и гражданина велика. Он одновременно был и учителем – наставником, и другом и ближе самого близкого родственника. Одна из трех моих монографий – Острые расстройства коронарного кровообращения (Тбилиси, 1988, Ганатлеба) написана в соавторстве с В. Бураковским и В. Работниковым.

– *Как происходит координация между хирургической и терапевтической кардиологией?*

– К сожалению, вместо координации между нами антагонизм, так как кардиологи-консерваторы, можно сказать, с завистью смотрят на будущее того, что вы здесь видите. 80 процентов больных, у которого ишемические заболевания, нуждаются в лечении нашим методом. Не могу сказать, что идет открытая конкуренция, но противостояние все-таки есть.

– *Как вы думаете, новые методы в хирургической кардиологии нуждаются в популяризации?*

– Безусловно, но процесс должен быть умеренным, постепенным, революционные изменения не нужны. Я в бытность главным кардиологом Москвы большое внимание уделял ознакомительной, образовательной работе среди москвичей. С 2011 года я главный специалист по другой проблеме – рентгенэндоваскулярная диагностика и лечение.

– *В вашей семье несколько поколений врачей, можно сказать, целая династия. Дед Давид – профессор, отец Гигла – академик, супруга Гуранда Хведелиани тоже врач по профессии. Расскажите о вашем деду, об отце.*

– Трудно выразить мое уважение к ним. Оба прожили жизнь достойно, я могу только гордиться ими.

– *Я слышала о вашем доме в старом тбилисском квартале, там собирались интересные люди...*

– Да, вы правы, собирались в основном медики. Приходили люди разных национальностей: русские, армяне, евреи, осетины. Это было действительно интернациональное общество. Принципы, по которым жили мои родители, во многом определили мою дальнейшую жизнь. Для меня не важна национальность, главное, был бы человек достойный.

– *А как они проводили время?*

– Очень интересно. Отец был человеком сдержанным, дед – более открытым, любил кутить, но был трудолюбив. Обожал гостей, бывало, они расставались в 3-4 часа утра, но, несмотря на это, в 7 часов он был уже на ногах, садился за письменный стол и готовился к лекции в мединституте.

– *Готовился, несмотря на многолетний опыт?*

– Дед скончался в возрасте семидесяти двух лет. В последние годы часто болел, но, несмотря на это, каждый день садился за письменный стол и работал. И вот, что еще хочу вспомнить, – его поступок 9 марта 1956 года я считаю героизмом.

– Вы помните те события в Тбилиси?

– Смутно... Помню, как дедушка попал в автокатастрофу и получил перелом обеих ног. Он лежал дома, когда позвонили из клиники, где он был директором, и сообщили, что привезли много раненых... События развивались быстро и беспощадно, арестовывали многих людей. Движение в городе было парализовано. Дед встал и, опираясь на костыли, пешком пошел в клинику, которая находилась довольно далеко. Пошел помогать тем, кого арестовывали. С ним считались и даже побаивались, у него был большой авторитет. Тогда он спас многих. Для меня это пример героизма, гражданственности. Вот таким он был.

– А каким был по отношению к вам отец?

– Строгим. Сегодня я ценю это, но в детстве обижался. Родители меня не баловали, знаете, в каком смысле?! Например, не давали мне денег. У меня их всегда было меньше, чем у моих друзей, соответственно и развлечений меньше. Тогда было обидно, но сейчас я им благодарен. Не в грузинском характере выражать любовь к детям, балуя их. Это неправильно.

– Как вы считаете, в жизни преуспевают молодые, которых опекают, или те, которые пробивают путь самостоятельно?

– Очень интересный вопрос. Думаю, однозначного ответа нет. Одно я знаю точно: только опека результатов не дает. Хотя в нужный момент почему не подтолкнуть чуть-чуть?! Не исключаю, многие таланты не раскрылись от того, что не было того самого толчка. Думаю, подталкивать надо, но в меру, чтобы не подавить индивидуальность.

– Мы с вами люди одного поколения. Я помню, в студенческие годы вы жили не только учебой, любили проводить время с друзьями, кутить, могли подраться... Одним словом, не были домоседом... и стали серьезным врачом-хирургом...

– Как раз мы с друзьями об этом говорили. Именно так и было – я не помню, чтобы в школе мне кто-нибудь помогал, а в институте тем более, я ведь учился в Ленинграде, а там моих не было. Но у меня никогда не было «хвостов».

– Как же вы все успевали?

– Не знаю, думаю, это тоже своего рода талант. У многих моих друзей этого не было, не было чувства ответственности. Когда-то у меня тоже были проблемы в учебе, но в работе никогда. Я все успеваю, работаю день и ночь и не теряю друзей. Наверное, это происходит за счет чего-то, но все же успеваю и то, и другое.

– Ваша профессия, ваша работа – что она для вас, только работа?

– Нет, нет. Мне повезло, я люблю свое дело. Это редкое счастье, особенно в медицине. Я счастлив, когда вхожу в операционную, каждый новый процесс счастье для меня.

– Для вас это творческий процесс, а не только работа, не так ли?

– И творческий процесс, и авантюра, когда не знаешь, что будет. Мне легко работается. Для меня это не только служба.

– Пациенты из Грузии в вашем центре бывают?

– Бывают, конечно, но редко, в основном местные грузины. Лечение у нас дорогое, а я не имею права лечить бесплатно. Я, конечно, стараюсь помогать и помогаю, но это исключения.

– Лично у вас какие планы, связанные с Грузией?

– Стараюсь помочь своей стране, где родился, вырос. Между Россией и Грузией большие перспективы сотрудничества. Во-первых, молодежь пока что говорит по-русски, хотя не знаю, как будет завтра.

– Мы слегка коснулись русско-грузинских отношений. Вы не политик, но наверняка имеете свою гражданскую позицию. Насколько болезненный для вас вопрос наших взаимоотношений?

– Очень болезненный вопрос. Для меня болезненный вдвойне. Я грузин и живу в России. Мою позицию знают все мои друзья. То, что происходит, неправильно... Не хочу винить только одну сторону, виноваты обе стороны. Никто не говорит о том, чтобы Россия и Грузия были едины. Нет, конечно, но соседи должны жить мирно, уважать традиции друг друга.

– А как на происходящее смотрят ваши друзья?

– Так же, как я, но некоторые обижены больше. Наверное, потому, что в них не столько грузинского, сколько во мне. Может быть, они более объективны. Когда я смотрю грузинские телеканалы, то думаю, знаете, о чем? О том, чего нельзя делать. Нельзя переходить грань, о проблемах надо говорить корректно – мне бывает обидно за Грузию.

– Но есть большая обида по поводу Абхазии.

– Конечно.

– Я очень рада, что мой соотечественник такой преуспевающий врач в Москве. Но знаете, о чем я сейчас подумала?! Ваши дети здесь окончили школу, закончили институты – вернутся ли? Дочь, Нина Иоселиани, дипломат – международник и искусствовед. Сын, Владимир Иоселиани, международный экономист, работает в иностранной компании. Внучка, Кетеван Иоселиани, студентка второго курса Парижского университета, психолог. Может быть, они потеряны для Грузии?

– Хотите парадокс? Они патриоты больше, чем я.

– Но они здесь будут творить для России...

– Дай бог, настанет такое время, будут такие отношения, что не станет проблем, и они смогут творить и приносить пользу и в Грузии, и в других странах. Нет, они не потеряны для Грузии, которую слишком любят. Может, потому, что не знают тех отрицательных сторон, которые знаю я. Особенно моя дочь, она и не представляет своего будущего без Грузии. Например, сейчас у нас дома был спор по поводу летнего отдыха. Она хочет непременно в Грузию, а мы предлагаем ей отдохнуть в лучших условиях. Нет, они не потеряны.

– Дай бог. Спасибо вам. Ждем вас в Тбилиси. Возможно, вы посетите наши клиники, сделаете операции...

– Все возможно, но, во-первых, меня никто не приглашает, я в Грузии не консультирую и не оперирую. Приезжаю крайне редко, да и то по грустным поводам. Во-вторых, как мне сказали, много проблем, в смысле... Дело не только в аппаратуре, процедуры на сердце требуют подготовки, развития общества.

– Для развития нужны время и деньги...

– И что самое главное – профессионализм. Эти три момента.

Нелли Кобиашвили

Нелли КОБИАШВИЛИ

АХ, ЭТОТ АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК!

К 220-летию юбилею со дня рождения русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова Тбилисский академический русский драматический театр имени А. С. Грибоедова при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» (продюсер – заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий) осуществил интересный проект – постановку «Аленького цветочка» по мотивам одноименной сказки. Режиссер спектакля – Вахтанг Николава. Он же является автором инсценировки.

Те, кто приходят на спектакль «Аленький цветочек», надеясь увидеть известный аксаковский сюжет, испытают, возможно, некоторое разочарование или удивление. Потому что в основе спектакля – отнюдь не только сказка Аксакова. Постановка грибоедовцев – это своего рода гибрид популярного американского мультфильма «Красавица и Чудовище» и «Аленького цветочка». Основания для такого решения у Вахтанга Николава были. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к истории рождения этой сказки.

Как сообщает источник, сказка о Красавице и Чудовище была известна еще с незапамятных времен, причем у разных народов существуют свои истории, где в той или иной трактовке присутствует Она – красная девушка и Он – чудовище. Наиболее известная и популярная версия сказки была опубликована еще в 1756 году. Ее автором стала Жанна-Мари Ле Принс де Бомон (1711 - 1780), французская писательница,

Сцены из спектакля «Аленький цветочек»

автор ряда новелл с морализаторским подтекстом. В свою очередь мадам де Бомон позаимствовала сюжет у своей соотечественницы, Габриэль-Сюзанны Барбо де Вильнев (1695- 1755), опубликовавшей шестнадцатью годами раньше свою новеллу в триста с лишним страниц в журнале «La jeune americaine, et les contes marins». В этой новелле было много сюжетных линий, в том числе история о Прекрасном Принце, заколдованном в Чудовище, а также о том, как жили вместе после свадьбы Красавица и заколдованный ею Принц. Мадам де Бомон значительно сократила новеллу мадам де Вильнев, оставив, по сути, только фабулу о трансформации Чудовища. По мотивам сказки с конца восемнадцатого века и по наши дни было создано немало театральных интерпретаций, а после создания кинематографа - и фильмов. Пожалуй, «Красавица и Чудовище» - один из самых популярных и актуальных во все времена сюжетов.

Для русской аудитории сюжет сказки переработал Сергей Тимофеевич Аксаков. В 1858 году он опубликовал сказку «Аленький цветочек». Историю, легшую в ее основу, рассказывала писателю в детстве ключница Пелагея. Писатель так вспоминает об этом в повести «Детские годы Багрова-внука»:

«Скорому выздоровлению моему мешала бессонница... По совету тетушки, позвали один раз ключницу Пелагею, которая была великая мастерица рассказывать сказки и которую даже покойный дедушка любил слушать...»

Пришла Пелагея, немолодая, но еще белая, румяная... села у печки и начала говорить, немного нараспев: «В некиим царстве, в некиим государстве...»

Нужно ли говорить, что я не заснул до окончания

помню я «Царь-девицу», «Иванушку-дурачка», «Жар-птицу» и «Змея Горыныча».

Вахтанг Николава сохранил русский акцент известного произведения, используя сюжетные коллизии американского мультфильма. Из сценария Роберта Оллера в инсценировку грибоедовцев переключались «жених» Аленушки Гастон, превратившийся в Антона, а также заколдованные подсвечник Люмьер, каминные часы Когсворт и метелка Фифи. Отец Красавицы остался купцом, как у Аксакова, – в отличие от героя мультфильма по имени Морис, талантливого изобретателя. При этом у Отца в спектакле не одна, а трое дочерей. Кроме самой любимой, самой умной и бескорыстной Аленушки, мечтающей об аленьком цветочке, – две капризные эгоистки, обжора Даша и помешавшаяся на нарядах и украшениях Маша, во всем завидующие младшей сестренке. Появляются и совершенно новые персонажи, которых нет ни у Аксакова, ни в мультфильме. Одна из них – Фея, время от времени активно вмешивающаяся в действие. Введен и некий рыжеволосый Гриша – дружок и пособник Антона. Вот и вся компания! Не считая, конечно, «несчастливого и ужасного» Чудовища.

В.Николава поставил очень красивый, эффектный музыкальный спектакль – собственно, мюзикл. Артисты замечательно поют и танцуют. Яркая, запоминающаяся музыка Алана Менкена и Говарда Эшмана в соединении с русскими текстами находит живой отклик в зале во многом благодаря таланту актеров: это – Анна Арутюнян, Инна Воробьева, Нана Дарчиашвили, Ирина Мегвинетухцеси, Медея Мумладзе, Михаил Арджеванидзе, Арчил Бараташвили, Ваню Курасбедиани, Сандро Маргалиташвили, Дмитрий Спорышев, Валерий Харютченко.

Покоряет своим обаянием Аленушка – Анна Арутюнян. Молодая актриса обладает приятным голосом, пластична. Острохарактерные образы сестер-стер удачно вылепили Инна Воробьева и Нана Дарчиашвили. Довольно экстравагантная и смешная особа – Фея Ирины Мегвинетухцеси, а метелка Фифи – Медея Мумладзе кокетлива и игрива.

Арчил Бараташвили в образе Чудовища заставляет вспомнить знаменитый «Призрак оперы» (или даже страдающего Канио из оперы «Паяцы»!), в котором герой также одинок, его судьба также трагична... до поры до времени!

Не впервые радует зрителей комический дуэт – Ваню Курасбедиани и Сандро Маргалиташвили, представляющие Люмера и Когсворда. Они отлично работают в паре и в спектакле В. Николава

«Карьера Артуро Уи» Брехта. Забавны и отрицательные герои в исполнении Михаила Арджеванидзе (самоуверенный и самовлюбленный Антон) и Дмитрия Спорышева (Гриша).

Стоит отметить сценографию и костюмы Тамары Мачавариани, создавшей празднично-сказочную атмосферу, а также хореографию Давида Метревели и музыкальную аранжировку Левана Микеладзе. А главное – притягателен аленький цветочек, манящий из глубины сцены...

Евгения ПОЛТОРАЦКАЯ

сказки, что, напротив, я не спал долее обыкновенного?

На другой же день выслушал я в другой раз повесть об «Аленьком цветочке».

С этих пор, до самого моего выздоровления, Пелагея ежедневно рассказывала мне какую-нибудь из своих многочисленных сказок. Более других

НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ...

«Волшебный сон»

«Я еще не волшебник. Я только учусь», повторял мальчик-паж в фильме «Золушка» по сказке Евгения Шварца. Мы хорошо помним эти слова, но порой используем их для самооправдания, когда оказываемся неспособными сделать что-то так, как этого от нас ожидают. И все же, быть учеником - не ради оправдания себя, а согласуясь с природой, где все живое сначала растет, набирается сил, а затем дает плоды - это, на верное, и есть признак жизни и душевного здоровья. Как давно сказано, «не бойся, что не знаешь - бойся, что не учишься».

Можно учиться по книгам. Можно учиться непосредственно в общении с людьми, не только перенимая знания и умения, но и развивая в себе способность быть благодарным, терпимым, щедрым, независтливым... Иные люди и встречи оказываются знаковыми - они меняют нас, наш образ мыслей, определяют поступки, интересы и увлечения, оказывают сильнейшее влияние на становление нашей личности. Несомненно таковым является сотворчество учащихся Театра-студии юного актера «Золотое крыльцо» и заслуженной артистки Грузии Ираиды Квицинадзе, руководителя студии с момента ее основания - 15 октября 2009 года - при Тбилиском государственном русском драматическом театре им. А. С. Грибоедова, по инициативе президента Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Н.Н.Свентицкого.

«Золотое крыльцо» творческое сообщество молодежи, любящей театр. Ведомые талантливой актрисой и педагогом, они шаг за шагом приближаются к осуществлению своей мечты о сцене, а задача Ираиды Владимировны - распознать в каждом из студийцев творческий потенциал, раскрыть индивидуальность.

За полтора года коллектив юных артистов показал публике спектакли: «Подарок Буратино» и «Волшебный сон» (по пьесе Тихона и Тины Влади), «Ландыш и ромашка» (пьеса Ники Квицинадзе), постановку «Играем классику» (по произведениям Пушкина, Лермонтова, Чехова, Куприна, Тургенева), музыкально-поэтическую композицию «Любви печальные страницы» (в нее вошли стихи известных русских поэтов).

16 и 17 мая этого года в Малом зале Театра им. Грибоедова состоялась премьера спектакля-сказки «Волшебный сон» - силами учащихся младшей группы студии. Как говорит И.Квицинадзе, «дети должны проговаривать свои силы в самых разных ролях». В день премьеры главную героиню «Волшебного сна», забавную Утли-Путли, сыграла Александра Давтян. На следующий день в этой роли выступила Вероника Басилашвили,

игравшая накануне роль другого персонажа. Нина Чикваидзе, игравшая 16 мая в спектакле капризную принцессу, на следующий день перевоплотилась в злую мачеху...

Использование авторами пьесы цитат из популярных фильмов, молодежного сленга вызывало искренний смех у зрителей - и у детей, и у взрослых. Оживляли представление характерные, танцевально-музыкальные номера. находка режиссера - рэп, который юные артисты исполняют особенно вдохновенно. Музыка к спектаклю написал Нико Квицинадзе.

18 и 19 мая свою творческую работу «Играем классику» представили учащиеся старшей группы студии. Основой драматургии явились произведения русских поэтов и писателей. Подкупает искренность и самоотдача воспитанников Ираиды Квицинадзе, неподдельность их чувств. Удачным был дуэт обольстительной гордой полячки Марины Мнишек (Кристина Берашвили) и честолюбивого Самозванца (Леван Тарханидис) в инсценировке по поэме Пушкина «Борис Годунов». Следует отметить работу хореографа Давида Метревели - восточный танец в «Бахчисарайском фонтане». Своеобразно режиссерское прочтение образа Татьяны в инсценировке «Евгения Онегина»...

Заслуживает внимания лаконичная, но выразительная сценография музыкально-поэтической композиции по поэме Лермонтова «Демон», убедительная игра Михаила Арутюнова, выступившего в главной роли. Образ Тамары (Тамара Бобохидзе) был также органичным и искренним.

Ничего случайного в жизни не бывает, - рассказы вает Ираида Квицинадзе. - Сейчас я могу с уверенностью сказать, что создание театральной студии вполне закономерно, этому предшествовали многие события моей жизни, я словно собирала все в личную «копилку» - опыт, радость открытий, горечь разлук, общение с яркими личностями и ученичество. Надо сказать, что я и сейчас не перестаю учиться, например, у моих студийцев. Я обожаю их, они такие открытые, непосредственные... Это необыкновенно важно, чтобы сохранить молодость души и свежесть чувств. А как без этого жить? Тем более, в актерской профессии. Кстати, выбор профессии для меня был определен с детства... Все в моей семье любил театр. В особенности бабушка. Это была удивительная женщина, красивая, с волевым характером, беспредельно любящая своих троих детей и посвятившая им всю жизнь. Бабушка была врачом, и при этом играла в Народном театре. А главное, она очень любила читать и, естественно, мы, дети, были общи-

ны к чтению. Библиотека в доме была богатой, читали мы жадно и много. Книги стали нашим первым гуманитарным образованием. Они были же первым «духовным институтом» - сформировали отношение к жизни и людям, определили круг нравственных ценностей. Поскольку все в семье были театрами, и мы с детства влюбились в театр. Но я поступила в педагогический институт. Дело в том, что в театральном институте не было русского отделения, его открыли чуть позже. Я получила педагогическое образование, а затем поступила в театральные, сразу на второй курс.

- Все же, к педагогике пришлось вернуться?

- Девяностые годы были тяжелейшими для всех. Я решила уехать в Москву, хотя моя карьера в Грибоедовском театре складывалась вроде успешно. Оказавшись в Москве, я в театр не пошла. Я решила, что в московских труппах хватает артисток моего возраста. Непростая материальная ситуация в семье, болела мама, нужно было работать... Словом, я оказалась в театральной студии московской Детской школы искусств №5. Теоретические знания у меня были, но о работе с детьми я имела самое общее представление. Как сейчас помню, стояла у окна и рыдала... Постепенно я освоилась, принялась искать литературный материал, экспериментировать, думать, чем таким заинтересовать детей. И, надо сказать, любовь к профессии и детям (прежде я даже и не подозревала, что так люблю), помноженная на труд, дали свои результаты. Пусть не какие-то громкие почетные звания, а призовые места на московских городских и областных фестивалях детских театральных коллективов. Поверьте, это очень дорогие для меня награды.

За ними стоят дети, «окрыленные творчеством».

- В 2004 году, вы, Ираида Владимировна, вернулись в Тбилиси и были приглашены в качестве ведущей актрисы в театр имени Грибоедова, но 2009 год изменил многое в вашей творческой жизни.

- Николай Свентицкий, директор театра, президент «Русского клуба» уже знал о московских успехах. Человек он очень талантливый, прозорливый, театр любит беспредельно. Он предложил мне создать театр-студию юного актера при театре Грибоедова. И мы начали работать.

- Кто вам помогает?

- Со мной работают прекрасные, талантливые люди. Тенгиз Джаиани, замечательный композитор, создатель музыки более чем к сорока спектаклям нашего театра. Его участие в работе студии просто неоценимо. Давид Метревели, хореограф. Режиссерскую мысль схватывает мгновенно и талантливо ее воплощает.

- Ваша жизнь была богата событиями и встречами...

- Считаю, что большой подарок судьбы – учеба в Тбилиском театральном институте. Додо Алексидзе и Михаил Туманишвили. Это были настоящие педагоги.

Они никому ничего не навязывали, давали проявиться лучшему в нас, трудились с величайшим терпением. Их авторитет был непререкаем. Думаю, что он основывался на добре и любви, с какими они относились к ученикам. Они ставили спектакли с нами, студентами. Туманишвили – психологические, драматические, Алексидзе – комедийные. Поэтому актеры нашего выпуска – «синтетические».

- Помните свой выпускной спектакль?

- Конечно. Это была популярная пьеса Джона Патрика «Странная миссис Сэвидж». Я играла миссис Сэвидж. По завершении учебы Туманишвили хотел взять меня в театр Руставели, но был поражен тем, что я не знала грузинского языка. Так я попала в драматический театр Грибоедова.

- Считается, что режиссер должен быть очень требовательным. А какая вы в работе с детьми?

- Думаю, лояльная и терпеливая. А что порой приходится повышать голос на занятиях, так мои дети не обращают на это внимания, понимая, что мной движет желание добиться результата. Мы всегда очень тщательно разбираем материал, отслеживаем ниточку психологического поведения героев в расказе или пьесе, а потом начинается кропотливая работа.

- Своим ученикам вы предлагаете для работы классический материал. Почему?

- Учиться надо на хорошем материале. Более того, из пришедших в студию ребят некоторые не знали ни Чехова, ни Куприна. Это было непорочно – приобщить их к чтению серьезной литературы. Зато сегодня Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов, Куприн для них не просто имена – у них уже сформирована потребность читать.

- Что самое приятное в вашей работе?

- Есть масса тонких вещей, которые просто в силу юности, незрелости для детей сложны. Самое приятное, когда получается то, что хочешь, когда видишь, что они поняли тебя, когда они откликаются... Я радуюсь, потому что это означает, что они духовно растут. От этого я получаю истинное удовольствие. Если они и не станут артистами, то будут прекрасными зрителями - образованными, чуткими, глубокими. Правда, некоторые из них уже сегодня готовы к поступлению в театральные институты. Возможно, подрастает новая смена Грибоедовского театра. Поживем, увидим...

- Каковы планы на будущее?

- Есть интересная задумка - спектакль, который, надеюсь выпустить нынешней осенью. В основе драматургии – стихи об Испании русских поэтов - Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Бальмонта, Тютчева, Брюсова. Любовь-верность, жизнь-смерть, вечные вопросы человечества... В спектакль введен музыкальный номер, который исполняют студийцы, прекрасно владеющие игрой на гитаре (один из них даже собирается поступать в консерваторию). Будет и танцевальный номер – нечто зажигательное, испанское. С хореографом разрабатываем сцену с фехтованием. В студии, к сожалению, пока нет отдельной дисциплины – сценического движения, потому что использование в наших постановках различных пластических элементов необходимо. Это нечто новое, на что ребята всегда живо реагируют. Также я попросила Нику Квицинадзе, который уже сотрудничал с нами, написать пьесу на сюжет рассказа Оскара Уайльда «День рождения инфанты», и он выполнил просьбу.

Юные актеры «Золотого крыльца» еще не волшебники, им предстоит многому учиться.

Но что говорил мальчик-паж? «Для тех, кого я люблю, я готов совершить любые чудеса». Верится, что душа, преображенная любовью мастера, творчеством, однажды обретет счастливую возможность пропеть свою собственную песню.

И это будет прекрасная песня!

Юлия СИБЕРСКАЯ

Новый парк на Рике. Архитектор Массимилиано Фуксас

კინძმარაულის მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge